

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2018

№ 3 (25)

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ**

ББК 66.4
М 43

Научно-экспертный совет:

*А. В. Торкунов (председатель), В. Б. Кириллов, Е. М. Кожокин, Н. Б. Кузьмина,
А. В. Мальгин, В. М. Морозов, С. А. Орджоникидзе, А. Н. Панов,
А. И. Подберезкин, Н. А. Симония*

Главный редактор

А. А. Орлов

Редакционный совет:

*Г. М. Бонэм, И. М. Бусыгина, Б. Виттрок, Н. П. Грибин, В. В. Дегоев,
А. А. Казанцев, С. К. Кушкумбаев, А. В. Лукин, В. А. Морозов, В. М. Муханов,
А. И. Никитин, К. Ж. Нугманова, Л. С. Окунева, П. Б. Паршин, В. В. Попов,
В. М. Сергеев, П. М. (Кепа) Содуне Коркуэра, А. В. Федорченко,
С. И. Чернявский, А. Л. Чечевишников*

Редакторы номера:

П. Б. Паршин, А. Л. Чечевишников

ББК 66.4

ISSN 2587-8476 (print)
ISSN 2541-9633 (online)

© МГИМО – Университет, 2018

The Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

Institute for International Studies

INTERNATIONAL ANALYTICS

2018

No. 3 (25)

**Moscow
IIS MGIMO-University**

Scientific advisory council:

*A. Torkunov (chairman), V. Kirillov, Ye. Kozhokin, N. Kuzmina, A. Malgin,
V. Morozov, S. Ordzhonikidze, A. Panov, A. Podberezkin, N. Simoniya*

Editor-in-chief:

A. Orlov

Editorial board:

*G. M. Bonham, I. Busygina, A. Chechevishnikov, S. Chernyavskiy, N. Gribin,
V. Degoyev, A. Fedorchenko, A. Kazantsev, S. Kushkumbayev, A. Lukin, V. A. Morozov,
V. Mukhanov, A. Nikitin, K. Nugmanova, L. Okuneva, P. Parshin, V. Popov,
V. Sergeyev, P. M. (Kepa) Sodupe Corcuera, B. Wittrock*

Editors of the issue:

A. Chechevishnikov, P. Parshin

Содержание

АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Н. Н. Емельянова

«Мягкая сила» как концепт: критический анализ 7

ЕВРОПА: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРОГО КОНТИНЕНТА

В. В. Воротников, А. Д. Чеков

Проблема политико-географической самоидентификации
стран Балтии: историческое прошлое vs. объективное настоящее 25

В. Н. Чернега

Внешнеполитический курс Э. Макрона:
между «державностью» и евроатлантизмом 36

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

И. Г. Чубаров

Пять составляющих внешнеэкономического
курса Китая «Один пояс, один путь» 45

Е. Я. Арапова

Потенциал РИК в условиях нарастания
индийско-китайских противоречий 59

Н. Н. Большова

Торговля услугами и перспективы общего
рынка услуг в ЕАЭС 71

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПОПЫТКИ И СРЕДСТВА

А. В. Крылов

Подходы администрации Д. Трампа
к ближневосточному урегулированию 82

КАВКАЗСКАЯ ДИНАМИКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Н. Ю. Силаев, И. В. Фомин

Динамика протестных коалиций в Армении (2016–2018 гг.) 89

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кавказоведческий семинар в первом полугодии 2018 г. 103

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Д. А. Красоченков

Экономический рост и мирохозяйственные связи в условиях
глобальной турбулентности: тренды и проблемы 108

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Ю. Хабутдинов

Ислам и мусульмане постсоветской России
в работах отечественных исследователей 126

Contents

ASPECTS OF POLITICAL THEORY

Natal'ya Emel'yanova

«Soft power» as a concept: a critical analysis	7
--	---

EUROPE: THE NEW PROBLEMS OF THE OLD CONTINENT

Vladislav Vorotnikov, Alexander Chekov

The Problem of Political-Geographical Self-Identification of the Baltic States: the Historical Past vs. the Objective Present	25
--	----

Vladimir Chernega

Foreign Policy Course of Emmanuel Macron: Between “Great Power Policy” and Euro-Atlanticism	36
--	----

EURASIAN CROSSROADS

Ilya Chubarov

Five Connectivity Areas of the China's Belt and Road Initiative	45
---	----

Ekaterina Arapova

The RIC Potential Amid Growing Indian-Chinese Contradictions	59
--	----

Natalia Bolshova

Prospects of the EAEU Single Services Market	71
--	----

NEAR EAST: ATTEMPTS AND MEANS

Alexander V. Krylov

The Approach of D. Trump's Administration to the Middle East Settlement	82
---	----

CAUCASIAN DYNAMICS: TRENDS AND PROBLEMS

Nikolai Silaev, Ivan Fomin

Protest Coalitions' Dynamics in Armenia (2016–2018)	89
---	----

ACADEMIC LIFE

The Activities of Caucasian Workshop (January to June, 2018)	103
--	-----

FRESH PERSPECTIVE

Denis Krasochenkov

Economic Growth and Global Economic Ties in the Epoch of Global Turbulence: Trends and Problems	108
--	-----

REVIEWS AND SURVEYS

Aidar Khabutdinov

Islam and Muslims of the Post-Soviet Russia in Research Works of Russia's Scholars	126
--	-----

АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Н. Н. ЕМЕЛЬЯНОВА

«Мягкая сила» как концепт: критический анализ

Наталья Николаевна Емельянова, канд. полит. наук,
доцент факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
доцент философского факультета ФГБОУ ВО,
Государственный академический университет гуманитарных наук.
E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com.

Аннотация. В центре внимания статьи находятся современные дискуссии относительно эвристической значимости концепта «мягкой силы». Рассматриваются социально- и политико-философские основания феномена, констатируется деамериканизация дискурса *soft power* и связанные с ним изменения в поведении новых государств – субъектов «мягкой силы».

Теоретические основания статьи связаны с концептуальным осмыслением понятия «сила», которое было предложено Джозефом Наем в качестве альтернативы реалистским и неореалистским моделям межгосударственных отношений в современной мировой политике. Дж. Най выделил принуждение, влияние и привлекательность в качестве равнозначных измерений силы.

Методология исследования базируется на формально-логическом и содержательно-логическом методах. Процедура исследования выстраивается в первую очередь вокруг типологии критики «мягкой силы» как концепта.

В анализе результатов отмечается, что Дж. Наю в его концепции «мягкой силы» удалось выверенно расставить акценты современных социально-философских и политико-философских подходов применительно к кратологическому дискурсу международных отношений. Прогнозируется, что теоретическое осмысление «мягкой силы» будет развиваться, так как ее использование государствами продолжится. В первую очередь это касается «поднимающихся сил», таких как Китай и Индия.

В заключении подчеркивается, что способность государства глобально конкурировать в трех направлениях (экономический рост, военно-технологическое развитие и ценностно-культурное воздействие) позволяет говорить о нем в категориях полноценного могущества, которое, в свою очередь, невозможно без обращения к сложному феномену «мягкой силы», по-новому поднимающему вопросы национальной идентичности и апеллирующему к нематериальным основаниям государства.

Ключевые слова: «мягкая сила», неолиберальная школа, ноополитика.

ВВЕДЕНИЕ

Длительное время в международных отношениях понятие «сила» рассматривалось в категориях принуждения, прямого воздействия и непосредственного влияния на объект. Соответствующий кратологический дискурс характерен для наиболее влиятельной научной школы международных отношений — структурного реализма. Для ее теоретиков, будь то представители «оптимистического» (Кеннет Уолц, Роберт Джервис и др.) или «агрессивного» (Джон Миршаймер, Роберт Гилпин и др.) крыла, основная категория мирового порядка — «сила» включает в себя два ключевых компонента: военную мощь и экономическое могущество.

В то же время вторая половина XX в. явила миру альтернативу двухкомпонентной трактовке силы: еще в период «холодной войны» и СССР, и США пытались выйти за рамки прямолинейного идеологического противостояния. Немалую роль в этих попытках сыграла концепция «культурно-идеологической гегемонии» итальянского философа Антонио Грамши, разработанная им в 1930—1940-х гг. в «Тюремных тетрадах». Антонио Грамши новаторским образом рассмотрел неоднозначность механизма власти, показав, что государство в своей деятельности опирается как на принуждение, так и на убеждение. В центре внимания Грамши в первую очередь находились вопросы общей теории революций, слома государства и перехода к неким новым формам государственного устройства. Новаторский взгляд политического философа на природу и механизм власти, позволяющий целенаправленно выстраивать лидерство в культурно-идеологической сфере, оказался равно востребован как в интеллектуальных кругах государств советского блока, так и в странах Запада. Примечательно, что грамшианские идеи повлияли не только на представителей американской интеллектуальной элиты 1960—1970-х гг., занимавшихся исследованием и развитием левых идей, но распространились достаточно широко, вызвав сильный интерес в неолиберальной школе международных отношений, в рамках которой позднее и был разработан концепт «мягкой силы».

Однако в последние годы эвристическая значимость концепта «мягкой силы» в современных международных отношениях все чаще ставится под сомнение. Высказываются мнения о том, что с методологической точки зрения концепт надлежащим образом не прояснен, что выводит его за рамки возможного экспертного консенсуса, делая непригодным для серьезной аналитической и научно-прогностической деятельности. Данная статья как раз и призвана прояснить основные дискуссионные моменты, связанные с трансформациями дискурса *soft power*, а также обозначить принципиальную значимость идей «мягкой силы» (как основополагающих, так и модернизированных) для современного мирового процесса.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, предложенные ценности американской мечты и американского образа жизни, основанные на идеалах свободы, оказались в биполярном мире более привлекательными, чем ценности, продвигавшиеся Советским Союзом. Феномен культурно-идеологического «очарования», а также сценарии его дальнейшего применения требовали теоретического осмысления, что и было сделано в 1990 г. в книге американского политолога Джозефа Ная *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* («Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы»). В данной работе он впервые ввел в научный оборот категорию «мягкой силы». Дальнейшее развитие идея получила в книге 2004 г. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* («Мягкая сила»: способы достижения успеха в мировой политике).

В противовес реалистским и неореалистским моделям властных отношений Дж. Най выделил три равнозначных измерения силы в современном мире:

- принуждение, базирующееся на использовании военной угрозы;
- влияние (в контексте *давления*), осуществляемое посредством различных экономических стимулов;
- привлекательность, формируемая за счет нематериальных ресурсов и способная изменять предпочтения других стран.

Принуждение и влияние (в контексте давления) Дж. Най отнес к «жесткой силе», тогда как привлекательность, лежащую в культурно-идеологической плоскости, он определил как область «мягкой силы».

Фактически концепт «мягкой силы» стал своеобразной попыткой представить *равнозначную* альтернативу военному принуждению и экономическому давлению. Эта альтернатива достаточно быстро обрела своих сторонников, и в экспертном пространстве даже стала активно обсуждаться возможность прихода на смену «жесткой силе» эры «мягкой силы», которая будет ориентирована на отход от демонстрации власти в сторону пространства партнерства.

К базовым ресурсам «мягкой силы» государства Дж. Най отнес три элемента: культуру, политические ценности и внешнюю политику (уважающую нормы международного права и обладающую моральным авторитетом).

«Мягкая сила», таким образом, напрямую связана с государствообразующим этосом, с проецированием вовне систем, ценностей, норм, идей, смыслов, образов и даже политических институтов. Другими словами, всего того, что устойчиво ассоциируется с притягательностью той или иной страны. Однако этот подход избегает прямого постулирования того, что «мы лучшие!». Напротив, он подразумевает использование механизмов так называемого косвенного влияния, благодаря воздействию которых и вывод. На первый план выходят визуальный ряд и эмоциональное воздействие, формируемые СМИ и новыми медиа, неправительственными организациями, фондами, музеями, ведущими университетами, программами обмена, а также яркими представителями бизнес-сообщества, научной и культурной элиты страны и т. д. Координирующая роль, однако, остается за государством. В парадигме «мягкой силы» действует и публичная дипломатия, ориентированная на трансляцию ключевых политических ценностей страны.

В определенном смысле концепт «мягкой силы» переориентирует и трансформирует мир политического: стандартный политический процесс, ориентированный на институциональный характер власти, действующей в формате «сосредоточение-отправление», разворачивается в сторону создания и трансляции ментальных конструкторов, интеллектуальных паттернов, что в свою очередь формирует особое пространство *ноополитики*, действующей параллельно области реальной политики [15, р. 254].

ИССЛЕДОВАНИЕ: ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Методология исследования. В исследовании, представленном в статье, использованы формально-логический и содержательно-логические методы. Использование дедуктивно-индуктивного метода в рамках формально-логической методологии позволило провести анализ теоретико-методологических оснований «мягкой силы» в различных аспектах. Содержательно-логический метод использовался в рамках привлечения к рассмотрению «мягкой силы» с позиций понятийного инструментария социальной философии и политической науки.

Процедура исследования. Процедура исследования охватывает следующие аспекты: анализ основных критических замечаний относительно применения «мягкой силы», который проведен в рамках разделения критики *soft power* на концептуально-конструктивную и ситуативно-оценочную. В рамках концептуально-конструктивной критики систематизированы основные социально-философские и политико-философские идеи, созвучные пониманию властных отношений в концепте «мягкой силы». Концептуальное развитие «мягкой силы» связывается с проблематикой деамериканизации дискурса. Кроме того, в исследовании рассмотрена проблема операциональной функции концепта «мягкой силы» — специфика его применимости для количественно-качественного анализа.

Результаты исследования. Став одной из наиболее влиятельных концепций в современных международных отношениях, «мягкая сила» оказывается мишенью не стихающей критики.

В целом критику «мягкой силы» можно разделить на два типа: концептуально-конструктивную и ситуативно-оценочную.

Концептуально-конструктивная критика основана на попытках прояснить понятие «мягкая сила» и связанных с ним категорий.

Исследователи отмечают размытость концепта «мягкой силы», который довольно обтекаемо говорит лишь о наличии некоторых факторов и технологий (культурный и научный обмен, международное распространение информации и идей, ценностное влияние, публичная дипломатия и т. д.), способствующих осуществлению *soft power* государства. В этом плане «классическим» примером стала работа 2008 г. Ин Фаня, в которой он упрекает Джозефа Ная за нечеткость формули-

ровок и постоянную модификацию концепта. Ин Фань отмечает, что в одной лишь книге 2004 г. «Мягкая сила: средства достичь успеха в мировой политике» можно найти порядка пяти различных определений «мягкой силы». Помимо способности привлекать, она определяется через такие категории, как «формирование чужих предпочтений», «установка на определенный результат и способность заставить других хотеть этого результата», «умение стать примером процветания и открытости, убедив других подражать вашему примеру через восхищение вашими ценностями», «элемент лидерства, участвующий в формировании глобальной повестки» [18, p. 149].

Как метко выразился исследователь из МГИМО П. Б. Паршин: «ценой афористичности выражения “мягкая сила”, как это часто бывает, стало отсутствие у обозначаемой им сущности четкого и однозначного определения и как следствие — разворачивающиеся вокруг него дискуссии» [4, с. 10]. Он же отмечает своеобразный «парадокс Ная»: «Най представил “мягкую силу” во многом таким же образом, как многие представляют “жесткую”»: как материальный инструмент, который может накапливаться и разворачиваться (*be amassed and deployed* — фактически военная терминология) посредством согласованных усилий. Получается, что, явно постулируя “мягкую силу” как притягательную и настаивая на этом во многих своих публикациях, Дж. Най все же называет ее “силой” (*power*) и тем самым активизирует все “жесткие” коннотации, связанные с этим словом» [3, с. 19]. Турецкие исследователи П. Бильгин и Б. Елиш идут дальше: они полагают, что Дж. Най в своей концепции описал не одно из измерений силы, а просто «ослабил ограничения структурного реализма в международных отношениях» [6, p. 18].

Концепт *soft power* подвергается активной критике по месту своего возникновения — в США. Так, американская исследовательница Дженис Маттерн, отмечая отсутствие принципиальной новизны в концепции Джозефа Ная при высокой «раскрученности» самого термина, полагает, что в ключевом понятии, на котором выстраивает свою концепцию Дж. Най, а именно в понятии «привлекательность», заключена проблемная двойственность. У Дж. Ная привлекательность одновременно выступает и как условие, и как некий результат социальной интеракции. А это уже два разных «онтологических статуса привлекательности». К слову, для Дженис Маттерн существование государства в нематериальном смысле (в том числе его потенциальная привлекательность) в первую очередь основано на том, что она называет «социолингвистической матрицей», понимая под ней умение защитить свою интерпретацию реальности от иных противоречащих ей интерпретаций, например, вводя в широкое употребление фразы и словосочетания, устойчиво ассоциирующиеся с той или иной страной. В качестве примера она называет фразу «война с терроризмом» («борьба с международным терроризмом»), которую США активно ввели в публичный дискурс, заручаясь поддержкой потенциальных союзников и демонстрируя тем самым свою «репрезентативную силу» [10, p. 583–612].

Тод Холл в свою очередь заявляет, что «мягкая сила» в том виде, в каком она сформулирована Джозефом Наем, подходит для обычной жизни как «категория практики», интуитивно понятная широкой аудитории, но абсолютно не применима в качестве строгого аналитического инструмента [7, p. 200]. Похожую точку зрения разделяет и Стивен Лукес, указывая, помимо прочего, на то, что Дж. Най не проводит принципиально важного концептуального разграничения между способами убеждения и способами формирования предпочтений [9, p. 478].

Итак, к основным обвинениям в адрес «мягкой силы» как концепта теории международных отношений относятся его плохая структурированность, гиперэмпиризм и дескриптивность, которые плохо укладываются в теоретико-методологические рамки. И все же стоит ли говорить о своеобразном эпистемологическом тупике в отношении «мягкой силы»? Представляется, что указанные «недостатки» можно рассматривать и в другом ракурсе. Например, соображения относительно размытости определения «мягкой силы», на которое одним из первых указал Ин Фань, а вслед за ним в различных вариациях и множество других исследователей, с легкостью можно трактовать как важные уточнения и дополнения к базовому определению третьего измерения власти как косвенного влияния. Ведь различные варианты определения «мягкой силы», данные Джозефом Наем, не вступают в противоречие друг с другом, следовательно, они лишь описывают различные аспекты одного явления. Тем самым подчеркивается концептуальный характер «мягкой силы», имеющей поливариативный и многослойный смысловой контекст.

И все же, пожалуй, одна из основных претензий к «мягкой силе» как концепту заключается в том, что под сомнение ставится ее теоретическая новизна, поскольку многие положения, связанные с *soft power*, можно найти в других, существенно более ранних теориях власти и господства, сформированных в парадигмах неомарксизма, постмодернизма, неофрейдизма, дискурс-анализа и др.

Основные социально-философские и политико-философские идеи, созвучные пониманию властных отношений в концепте «мягкой силы», систематизированы ниже (см. *Табл. 1*).

Таблица 1

**Социально-философские и политико-философские
основания «мягкой силы» как концепта**

Концептуальный подход	Некоторые представители	Идеи, которые созвучны «мягкой силе» как концепту
Концепция культурно-идеологической гегемонии	А. Грамши	В современном обществе механизмы властвования в политической сфере существенно усложнились. Появляется новый тип доминирования, который ориентирован на отход от практик дисциплинарного воздействия в сторону рассредоточенного доминирования с согласия управляемых субъектов. Такого рода доминирование обозначается как «гегемония». В ней особое значение отводится воздействию при помощи идеологии и культуры, транслируемых через такие институты, как СМИ, школа, семья и т. п. Гегемония обеспечивается лидерством в интеллектуальной и политической сферах. Культурная гегемония и лидерство в идейной надстройке в большей степени влияют на формирование и установление нового политического порядка, чем контроль над экономическим базисом.
Концепция властного дискурса	М. Фуко, Т.А. ван Дейк, Д. Батлер	Властвование в современном обществе осуществляется посредством различных дискурсов, то есть коммуникативных стимулов, способных при помощи выстраивания схем приоритетности интерпретаций событий, объектов действительности, символов и образов задавать определенную матрицу мыслей и поведения. Любой дискурс искусственен, однако дискурс и социальная реальность в конечном итоге взаимно дополняют и определяют друг друга.
Коммуникативная концепция власти	Ю. Хабермас, Х. Арендт, Н. Луман, К. Дойч	Само формирование («творение») власти невозможно без совместного коммуникативного действия людей. Власть не может быть основана исключительно на отношениях господства и подчинения, которые представляют собой лишь одну из форм властвования. Применение власти, следовательно, не может быть ограничено исключительно административным воздействием. Напротив, успех отправления власти зависит от умения: а) реализовывать свое статусное преимущество за счет коммуникативной ассиметрии (доминантного диалога), сочетать вертикальные и горизонтальные коммуникации (Ю. Хабермас); б) находить баланс между инклюзией своих партнеров и эксклюзией своих соперников в символическом пространстве социального взаимодействия (Н. Луман, К. Дойч); в) достигать компромисс и консенсус в диалогическом процессе партнерского взаимодействия (Х. Арендт).

Концепция симулякров и соблазна	Ж. Бодрийяр, Ж. Липовецки	Пространство политического есть результат процесса симуляции, то есть тотальной семиотизации действительности с ярко выраженным демонстративным эффектом. Власть покоится на обладании симулированным пространством, что напрямую соотносится с соблазном — особым воздействием в области символических образов, виртуальных объектов и видимостей в расширяющейся гиперреальности в целом (в том числе в «производстве» желаний, целей, устремлений, запросов и т. п.). Не относясь к сфере реального, соблазн тем не менее «обволакивает весь процесс власти», что позволяет ему даже превосходить другие формы властвования (Ж. Бодрийяр). Обольщение в постмодернистском обществе пронизывает все сферы жизни. Политическое обольщение — это соблазн привлекательных политических институтов, лидеров и моделей (Ж. Липовецки).
Концепция символической власти	П. Бурдьё	Символическая власть проецируется путем установления властных отношений через акт говорения, понимаемый в широком смысле как умение конституировать социальный порядок, убеждая через отношения «говорящий-слушающий» в его необходимости и правильности. Символическая власть действует в сложных символических системах, таких как искусство, культура, наука, язык, которые, таким образом, задействованы в мире политического, выполняя функцию легитиматоров господства. Важное значение в проецировании символической власти имеет правильное понимание действующего <i>габитуса</i>, то есть системы групповых и индивидуальных предрасположенностей, организующих повседневную практику.
Концепция власти в гуманистической антропологии	Э. Фромм	Власть в современном обществе во все большей степени становится невидимой и неосязаемой. Перестав действовать прямолинейно, она все больше маскируется, используя в достижении своих целей общественное мнение, здравый смысл и соответствие норме и т. п. Власть всегда основана на силе, однако природа этой силы может быть разной: от физического насилия до эстетической суггестивности и силы убеждения интеллектом или авторитетом.

Итак, для новаторских социально- и политико-философских концепций XX в. характерен анализ трансформаций и модификаций бинарной (субъект-объектной) оппозиции в политической власти сверхкоммуникативного общества массового потребления и массовой культуры.

Важно отметить, что в работах Джозефа Ная можно встретить отсылки к разным мыслителям, особенно часты упоминания Ханны Арендт и Антонио Грамши. Формируя основные положения «мягкой силы», Дж. Най прекрасно осознавал и понимал ключевые методологические установки, которые становятся основой для концептуализации *soft power*. Более того, он утверждает, что проявления «мягкой силы» в области политического известны в истории с древних времен, хотя в силу развития информационно-коммуникационных технологий ее возможности на рубеже XX–XXI вв., без сомнения, существенно расширились. Представители

различных направлений исследований «мягкой силы» в КНР также сходятся во мнении о том, что «возраст» китайской «мягкой силы» можно обозначить пятью тысячелетиями, что сопоставимо со всем временем существования китайской цивилизации.

Тогда в чем же состоит новизна теоретического подхода Джозефа Ная, если она все-таки имеет место быть? Ответ довольно прост. Дж. Наю удалось четко сместить акцент с общего анализа современных социальных трансформаций в область международных отношений и действующих в них интеракций.

Ситуативно-оценочная критика «мягкой силы» связана с оценками и прогнозами последствий действия «мягкой силы» на практике. Трактовки в данном контексте зависят от дихотомии «свой-чужой», а именно способности «мягкой силы» трансформировать эту дихотомию непосредственно в мировоззренческих и ценностных установках внутри того или иного государства, расширяя тем самым границы «своего».

Действие «мягкой силы» может по-разному восприниматься в зависимости от того, является ли то или иное государство объектом или субъектом *soft power*. Ряд стран, выстраивающих системы «мягкой силы» в то же время обеспокоены собственной уязвимостью перед опасностью «мягкого обаяния» иных ценностных систем. Так, серьезное напряжение у китайского истеблишмента вызывает «мирная эволюция» недемократических режимов при помощи «мягкой силы». Как отмечает ведущий американский синолог Дэвид Шамбо, это понимание продолжает оставаться сверхценной идеей в глазах китайских лидеров [16, р. 74–75].

Ситуативно-оценочная критика, таким образом, в большей степени ориентирована на обличение манипулятивных возможностей «мягкой силы»: в информационно-коммуникативном плане она связывается с концепцией информационных войн и пропагандистских приемов; в политическом контексте *soft power* рассматривается как один из инструментов подготовки и проведения «цветных революций».

Указанные аспекты ситуативно-оценочной критики «мягкой силы» важны для понимания потенциальной опасности, когда речь идет об объекте ее применения. Однако есть опасность, что излишне редуцированная трактовка «мягкой силы» может привести к проблемам в ее использовании на практике со стороны ее субъекта. Так, важная информационно-коммуникативная компонента *soft power*, рассматриваемая исключительно с позиций своеобразного прайминга (формирования у реципиента информации доминирующих моделей интерпретации и оценок) все же существенно обедняет пространство для маневра в области «мягкого обаяния». Происходит это из-за того, что разграничивать активно-наступательную (внушающую) и содержательно-объяснительную (убеждающую) позиции информационного воздействия не просто, поскольку делать это возможно только в экспертно-аналитической плоскости. Тем не менее различение этих позиций имеет существенное значение.

Soft power не тождественна агитации, пропаганде или идеологической обработке, хотя ключевую роль в коммуникативном плане и в этих явлениях, и в «мягкой силе» играют средства массовой информации.

В отношении пропаганды мы можем говорить о наличии у нее целого ряда выразительных средств, которые присущи именно ей и которые являются специфическим инструментом ее влияния. В первую очередь к ним относятся такие основные средства, как гиперманипуляция и мифологизация. Гиперманипуляция — это целенаправленное воздействие на общественную психологию и в первую очередь на инстинкты и эмоции человека. Мифологизация — попытка работать с символической картиной мира таким образом, чтобы сама логика представления события шла в первую очередь от мифов, от определенных (часто ложных) установок. Сюда же можно отнести и стереотипизацию, поскольку стереотип достаточно удобен для пропаганды: он значительно упрощает то или иное событие или тот или иной факт, при этом оставаясь достаточно устойчивым.

Нельзя отрицать, что современные информационные технологии и расширение гиперреальности, виртуализация сознания, без сомнения, улучшили возможности и методы пропаганды вплоть до развертывания полноценных информационных войн. В этом плане она активно конкурирует с теми информационными потоками, которые генерируются в рамках реализации кампаний по «мягкой силе». И все же, хотя *soft power* нередко именуют «битвой за сердца людей», стоит очень осторожно рассматривать ее применение в категориях войны, пусть и в таком суррогатном виде, то есть представлять аксиологическое и культурное поле страны исключительно как один из фронтов борьбы с другими государствами в стиле «промывки мозгов» (англ. *«brain washing»*, кит. *«си нао»*). «Мягкая сила» не деструктивна в своей сути. Поэтому в информа-

ционно-коммуникационном плане она должна быть направлена в первую очередь на защиту, продвижение и главным образом разъяснение собственных ценностей, что невозможно сделать на фоне очернения и открытой конфронтации с другими ценностными системами. Использование *soft power*, таким образом, должно в первую очередь отталкиваться от признания плюрализма ценностных систем и их равнозначности. В противном случае «мягкая сила» редуцируется до банальной контрпропаганды, что приводит к подмене понятий. Если же она трактуется столь узко и в целом неверно, то неверным оказывается ее применение и, соответственно, результат. Необходимо, однако, отметить, что ни одно государство не застраховано от реакции на ее «мягкую силу» в пропагандистском ключе. Этот аспект следует учитывать в качестве одного из существенных рисков при работе в области *soft power*.

Учитывая описанную выше критику, Джозеф Най, начиная со второй половины 2000-х гг., постарался конкретизировать свою концепцию, дополнив ее двумя важными сюжетами. Первый сюжет связан с введением понятия «умная сила» (*smart power*), предполагающим стратегическое сочетание инструментов «жесткой» и «мягкой» сил [12]. Фактически посредством введения понятия «умной силы» Дж. Най продемонстрировал, что он не настаивает на абсолютном примате «мягкой силы» над «жесткой» в современных международных отношениях. Более того, он разделяет мнение о том, что *некоторые цели могут быть достигнуты только с помощью «жесткой силы»*.

Вторым значимым сюжетом, проясняющим сложность феномена «мягкой силы» стало утверждение Дж. Найа о том, что шкалирование «мягкой силы» по атрибутивным признакам представляет собой гораздо более сложный процесс, нежели простое отнесение культуры, политических ценностей и внешней политики к «мягкой силе».

Так, экономическое могущество и военная сила, по мнению Дж. Найа, могут применяться как в области «жесткой», так и в сфере «мягкой силы». Все зависит от установок той или иной страны, ее принципиальной готовности (либо неготовности) конвертировать их в конкретной ситуации. Например, в случае с санкционным давлением мы имеем дело с примером «жесткого» принуждения. В то же время экономическая модель страны может обладать высокой привлекательностью, в том числе в рамках проводимых специальных программ социально-экономической поддержки (например, для развивающихся стран). Военная мощь наряду с опасениями также может вызывать восхищение, выступая, таким образом, значимым фактором «мягкой силы» [13]. В схожем направлении рассуждает китайский политолог Ли Миньцзян. Он отмечает, что основные ресурсы «мягкой силы» как источники влияния вовсе не обязательно должны «изначально обладать привлекательностью, убедительностью и естественным образом вызывать симпатии <...>». Культура, идеология, ценности и нормы также часто могут приводить к обидам, отторжению, враждебности и даже конфликтам. В то же время важно понимать, что ресурсы «жесткой силы» не всегда используются для принуждения, угроз и запугивания» [8, р. 5]. Таким образом, возможно использование «жестких» или «мягких» коннотаций в различных типах сил, что значительно расширяет первоначальное прочтение концепта *soft power* (см. Табл. 2).

Таблица 2

**Применение основных типов сил в контексте «мягкого»
и «жесткого» воздействия**

Тип силы	«Жесткое» воздействие	«Мягкое» воздействие
Военная мощь	угроза применения военной силы; ядерный шантаж; усиленная демонстрация военной мощи.	проекты военного сотрудничества; гуманитарная помощь гражданскому населению в зонах боевых действий.

Экономическое могущество	санкционное давление; блокирование торговли; ограничения на поставки технологий.	привлекательность моделей развития; проекты эконом. интеграции; эконом. помощь и инфраструктурные проекты.
Нематериальное воздействие	информационные войны и «вбросы»; пропаганда и «промывание мозгов»; эмоциональный шантаж.	информационно-разъяснительные кампании о различных аспектах развития страны; конституирование привлекательных политических идей.

В 2017 г. Дж. Най завершает свою академическую карьеру и покидает должность профессора Гарвардского университета. В ответ на критику «мягкой силы» он продолжает настаивать на существенной эвристической значимости концепта, отмечая, однако, что опыт мирового развития в динамике десятилетия указывает на новую концептуализацию явления, подразумевающую *деамериканизацию дискурса “soft power”*. Появление ярко выраженного «азиатского вектора» в мировой политике, все более значимые попытки со стороны ряда стран дать свою оценку современной системе международных отношений и предложить свои варианты мега-региональной и глобальной интеграции привели к тому, что первоначальный концепт «мягкой силы» получил новое прочтение. *Soft power* стала рассматриваться как один из инструментов усиления комплексного влияния и общемирового звучания новых «поднимающихся сил» (rising powers)¹. Деамериканизация дискурса «мягкой силы» как значимое исследовательское направление разрабатывается, в частности, в работах исследователя с индийскими корнями, сопредседателя Индийского медиа-центра при Вестминстерском университете (Лондон), профессора Дайя Тхуссу [17, р. 5–6].

В мае 2017 г. в связи с предстоящим уходом с должности профессора Джозеф Най дал интервью Центру международных новостей Гарвардского университета, в котором, говорил о том, что *soft power*, очевидно, никуда «не уйдет со сцены мировой политики». Также среди прочих тем Дж. Най в интервью обратился к проблеме «двух великих переходов» XXI в. (впервые были обозначены им в работе «Будущее власти». Первый — вертикальный переход (или «диффузия власти») — напрямую связан с формированием иного типа мира под воздействием информационной революции и кибер-технологий: он позволяет негосударственным акторам в еще большей степени получать доступ к информации как инструменту власти. Основным вызовом вертикального перехода является манипуляция информацией (в том числе фальшивыми, «фейковыми» новостями) в социальных сетях. Второй — горизонтальный переход — представляет собой переход мирового влияния с Запада на Восток, от Европы к Азии, связанный в первую очередь с ростом Китая и Индии. Оба перехода требуют пристального внимания, поскольку уже оказывают значительное влияние на мировую политику, трансформируя возможности и пределы «мягкой силы».

Следует отметить, что стремительное развитие Китая, а вслед за ним и Индии, долгое время рассматривалось исключительно с позиций экономического роста и военных расходов. Попытки осмысления роли этих «азиатских гигантов» в расширении концепции «мягкой силы» стали предприниматься относительно недавно. Причем, по сравнению с Индией, сведений о Китае в этом плане значительно больше. В действительности нередко само наличие системной работы индийских политиков и экспертов в области «мягкой силы» вызывает затруднения в оценках. Так, научная общественность следила за тем, как с конца 1990-х гг. в Китае наблюдался всплеск исследований и дискуссий относительно того, каким образом КНР может привлекать другие страны на свою сторону. Известны как имена китайских исследователей (Ван Хунин, Чжао Цичжень, Янь Сюэту, Лян Тинтин, Цюй Син и др.), так и суть дискуссий, которые выстраиваются вокруг двух точек зрения относительно ядра «мягкой силы». «Культурная» школа в настоящее время представляет собой основное направление в КНР и выделяет «культуру» в качестве ключевого элемента «мягкой силы». Менее влиятельная «политическая» школа, не умаляя значения культурного фактора, предлагает ключевое значение отводить именно

¹ Здесь следует заметить, что в число значений англ. лексемы *power* входят не только «сила» и «власть», но и «держава». — Прим. ред.

политической власти. Более того, в КНР «публичная дипломатия» (*гунгун вайцзяо*) и «мягкая сила» (*жуань шили*) признаны в качестве ключевых принципов концепции научного развития Компартии КНР. Однако из известной триады ресурсов «мягкой силы», предложенной Джозефом Наем (культура, политические ценности и внешняя политика, обладающая моральным авторитетом), в прагматических целях, а именно в основном для того, чтобы сгладить сюжет о «китайской угрозе», были исключены политические ценности как своеобразное «слабое звено» китайской «мягкой силы».

В целом ценность «мягкой силы» для политического истеблишмента развивающихся стран определяется тремя основными моментами: 1) формированием своеобразных «заявок» на мегарегиональное лидерство, на то, чтобы стать одним из полюсов принятия решений в современном глобальном мире; 2) желанием одновременно снизить градус напряженности, то есть теми потенциями «мягкой силы», которые позволяют сдерживать межгосударственные взаимодействия, способные перерасти в реальные конфронтации; 3) стремлением, что называется, сохранить «свое лицо»; это стремление тесно переплетено с проблемами национальной идентичности, желанием обозначить и объяснить свою уникальность, очертить в связи с этим «невидимые» границы в мире, где границы реальные становятся все более условными.

Очевидно, что «мягкая сила» как необходимый компонент геополитики имеет особое значение как раз для «поднимающихся сил», таких как Китай и Индия. Причем индийские исследователи и эксперты также включаются в развитие концептуальных основ «мягкой силы». Так, именно с подачи индийского экономиста и политика Джайрама Рамеша в современный экспертный лексикон был введен неологизм *“Chindian” soft power*, который указывает на расширяющуюся «мягкую силу» Китая и Индии как альтернативы западному восприятию «мягкой силы» [14, р. 7–8]. *“Chindian” soft power* отличается выраженной культуроцентричностью, стремлением развить глобальные медийные каналы и отдельной работой с многочисленными диаспорами. Политический аспект здесь играет меньшую роль и строится на универсализации положительного восприятия страны без выдвижения требований по разделению тех или иных политических ценностей.

Неологизм *“Chindian” soft power* получает большую популярность, все чаще оказываясь на страницах различных аналитических докладов по актуальным аспектам развития стран БРИКС. Именно амбивалентность взаимодействий Индии и Китая, таким образом, скорее всего будет определять значимые сюжеты *“Chindian” soft power* в будущем. Неизбежность усиления конкуренции между Индией и Китаем именно в области «мягкой силы» отмечают и западные исследователи, например этот тезис отдельно прорабатывается австралийскими исследователями Рори Медкалфом и Эшли Тауншед [11].

Остановимся на некоторых основных концептуальных аспектах использования «мягкой силы» как инструмента мировой политики со стороны «поднимающихся сил» Индии и Китая. К ним относятся:

- акцент на тезисе о многообразии путей развития, равнозначности ценностных и культурных характеристик различных стран;
- установка на равнозначное использование принуждения и косвенного воздействия в современном мире; представление о невозможности достижения глобального и мегарегионального лидерства без параллельной восходящей динамики в трех направлениях (экономическом развитии, военной мощи и привлекательности, основанной на технологиях «мягкой силы»), которые взаимно усиливают друг друга;
- четкое разграничение коммуникативных интенций «мягкой силы» со стороны «поднимающихся сил» для развитых и развивающихся стран: для развитых стран
- стремление исключительно к мирному развитию на условиях многополярности; для развивающихся стран — акцент на внедрении программ развития в области экономики и образования, сформированных на базе концептов «невзаимности» и «асимметричных обязанностей», исключающих дополнительные политические требования.

Ключевым показателем эффективности и жизнеспособности любого концепта является его применимость для количественно-качественного анализа, то есть его операциональная функция.

Проблема определения *операциональной функции концепта soft power* со второй половины 2000-х гг. все в большей степени перекликается с дискуссией о специфике применения маркетинговых и бренд-технологий на уровне отдельного государства.

Современную дискуссию относительно национального брендинга можно обозначить двумя конкурирующими точками зрения. Ряд специалистов усматривают в национальном брендинге чисто коммерческую составляющую, поэтому настаивают на минимизации политических элементов в нем. Экономический смысл управляемого имиджа территорий (включая государственный уровень) разрабатывался в концепциях Филиппа Котлера, Дональда Хайдера, Ирвинга Рейна, Теему Мойланена, Сепо Райнисто, Томаса Гэда, Кейта Динни и др. Эти исследователи предлагали рассматривать любую территорию, включая государство, как особого рода товар.

Противоположная точка зрения предлагает более активно обращаться к политическим и политико-культурным аспектам: подобная трактовка переносит национальный брендинг на поле «мягкой силы». Здесь следует отдельно остановиться на позиции одного из основоположников брендинга территорий Саймона Анхольта² [1], который и задал тон отмеченной выше дискуссии.

Изначально этот английский исследователь разделял установку на развитие маркетинговых коммуникаций стран и других территорий, оценивая их как товар. Саймон Анхольт предложил авторский *Рейтинг национальных брендов* (или брендов государств) — Anholt Nations Brand Index. Рейтинг оказался востребован в профессиональной и экспертной средах. Но уже в 2006 г., подводя итоги очередного ранжирования, он был вынужден констатировать отсутствие серьезной корреляции между динамикой стоимости национальных брендов и расходов на кампании по позиционированию и продвижению управляемого имиджа государств. Другими словами, в рамках построения национального бренда оказалось достаточно сложно гарантировать конкретные результаты. Эта специфичность заявления можно обозначить как «парадокс Анхольта». Более того, ученые, эксперты, политики, крупный бизнес, утверждая необходимость брендинга стран, не дают однозначного ответа на вопрос: что все-таки в первую очередь должно лежать в основе построения бренда государства? Часто можно услышать красивые слова о том, что в основе всего лежат интересы граждан. Однако интересы граждан, играя ключевую роль в национальном брендинге, скорее являются главной целью данного процесса, нежели его основанием. Что касается уникальности территории как основы национального брендинга, то главная проблема здесь как раз заключается в том, что для точного определения уникальности должна быть проведена серьезная предварительная работа. Следовательно, в первую очередь приходится работать со смыслами и ментальными конструктами, которые и задают уникальность страны.

Необходимо отметить также еще несколько важных моментов, серьезно усложняющих формирование управляемого имиджа государства. Во-первых, построение эффективной бренд-политики в масштабах страны — процесс длительный: он связан главным образом с долгосрочным стратегическим планированием. Результаты можно полностью оценить в среднем не ранее, чем через девять-десять лет после начала конструктивной работы в этом направлении. Однако определенная бифуркационность современных политических и экономических процессов (то, что сейчас активно именуют зоной турбулентности) делает проблематичным построение уверенных долгосрочных прогнозов. Во-вторых, у специалистов, занятых в области национального брендинга, нет права на ошибку. Они не могут ставить эксперименты над обществом. Поэтому создание национального бренда должно опираться на нечто незыблемое. Игнорировать этот факт — значит сознательно находиться в повышенной зоне риска. Выходит, серьезный бюджет, яркий event-менеджмент и профессиональное использование максимального набора различных PR-, ATL- и BTL-инструментов не являются залогом успеха национального брендинга. Именно эта особенность принципиально отличает национальный брендинг от брендинга как вида маркетинговых коммуникаций компаний, их товаров и услуг. Как известно, сам Анхольт в качестве механизма решения проблемы предложил расширить понятие *place branding* путем синтеза бренд-менеджмента с элементами публичной дипломатии. Данный подход нашел выражение в предложенной Анхольтом концепции конкурентной идентичности (*competitive identity*), которая визуализируется в своеобразном «шестиграннике Анхольта», вершинами которого являются такие параметры, как 1) люди; 2) бизнес, инвестиции и иммиграционное законодательство; 3) внешняя и внутренняя политика (в т.ч. качество государственного управления); 4) культура и традиции; 5) экспортные бренды; 6) туризм [5, p. 17].

² В России сложилась традиция передачи имени этого британского ученого на немецкий манер, то есть с мягким «ль», которой следует и автор статьи, хотя английское «l» (в отличие от немецкого) ныне обычно передается в русском как твердое. — *Прим. ред.*

Этот довольно смелый разворот от классической маркетинговой схемы построения коммуникаций с целевыми аудиториями в сторону трансформации политических процедур взаимодействия с ними вызвал сильный резонанс. Идеи Анхольта подверглись критике, суть которой сводилась к опасениям, связанным с тем, что национальный брендинг в такой трактовке может быть отождествлен с пропагандистской кампанией. К числу аргументов Анхольта относительно необходимости включения политических элементов в маркетинговые и брендинговые кампании государственного масштаба можно отнести то, что национальное брендрование с учетом масштабов и ресурсов, задействованных в данном процессе, помимо решения основных социально-экономических задач (привлечение инвестиций, интеллектуальных ресурсов, туристов и т. п.), не может не преследовать политические и геополитические цели. Представляется также, что определенное неприятие политических процедур в национальном брендровании часто связано с подменой данного явления отдельными его составляющими, например построением привлекательных туристических брендов стран. Напротив, мировой опыт национального брендинга и ребрендинга показывает, что построение успешного национального бренда с акцентом на туристическую или спортивную составляющую часто является лишь стартовой позицией для дальнейшего расширения политического влияния страны. Ярким примером этого является Индия, а именно ее национальный туристический бренд Incredible India.

Итак, государство в его институциональном измерении, являясь координатором программ по продвижению привлекательного имиджа страны, обычно выступает ключевой консолидирующей силой — без политической воли активация процессов построения национального бренда невозможна. Эксперты же в области гуманитарных и социальных наук призваны путем артикулирования и агрегирования смыслов, способных лечь в основу построения национального бренда, задавать правильный вектор формирования идентичности государства, то есть работать над гармонизацией национальной идентичности со статусом страны. Таким образом, консолидация общества в этом процессе играет первостепенную роль. Без сильной национальной идентичности любой, даже самый красивый, бренд страны не выдержит конкуренции. Невозможно бесконечно продуцировать «лакированный», блестящий, но ничем не подкрепленный имидж вовне. В конечном счете это приведет к тому, что некоторые маркетологи назвали бы «эффектом обманутых ожиданий», моментально сводящим на нет все усилия по позиционированию. Стало быть, специалисты, задействованные на начальном этом этапе построения государства-бренда, в отличие от профессиональных маркетологов, пиарщиков и иных специалистов в области коммуникаций, внутри страны должны работать не столько с общественным мнением, сколько с общественным сознанием и общественным бессознательным, которые в отличие от изменчивого общественного мнения глубоко структурированы и инерционны. Ведь составляющие общественного сознания «отличаются друг от друга, в частности, по давности и продолжительности сроков их происхождения и утверждения. Самые древние, будучи наиболее устойчивыми, становятся элементами того, что принято определять как национальный характер» [2, с. 4–9]. Национальный брендинг в таком прочтении обусловлен ценностями и порождаемыми ими смыслами. Следовательно, правильно заданные координаты аксиологического пространства позволяют нивелировать риски, связанные с бифуркационностью современных политических и экономических процессов. Более того, неверно заданные ценностные основания бренд-политики государства в современных условиях напрямую влияют на национальную безопасность. В этом смысле национальный брендинг можно рассматривать как своеобразную защиту от угрозы разрушения идентичности государства, «шоппинга» страны в глобальном мире.

Возвращаясь к операциональным возможностям концепта «мягкой силы», отметим, что, благодаря расширенному прочтению национального брендинга, *с ключевыми показателями потенциала той или иной страны (реализуемого и прогнозируемого) в области soft power можно работать не только в специализированных рейтингах «мягкой силы», но и в различных рейтингах государств-брендов*, которые модернизируются в соответствии с тенденцией, направленной на отход от однозначного таргетирования аудитории в рамках «шаблонного маркетинга». Остановимся на наиболее известных рейтингах (Табл. 3).

Таблица 3

**Рейтинги «мягкой силы» стран и государств-брендов,
проводимые на регулярной основе**

Название рейтинга	Методология рейтинга	Год начала публикации информации о результатах рейтингования
<i>The Soft Power 30</i> (подрейтинги: – Цифровой рейтинг; – Культура; – Предпринимательство; – Отношения; – Образование; – Государство)	Рейтинг представляет собой комплексное сравнительное исследование ресурсов государств в области «мягкой силы». Учитываются такие параметры, как культурная притягательность государства, оценка его политических институтов, развитость современных дипломатических каналов, репутация вузов и системы высшего образования в целом, привлекательность модели экономического развития, представленность в онлайн-среде. В рейтинговании используется внушительная база респондентов (7,5 тыс. из 20 стран мира). Однако субъективное восприятие страны является лишь одним из компонентов построения рейтинга. Особое внимание уделяется измерению объективных параметров, в том числе с учетом сведения различных отдельных индексов (например, Индекс глобального позиционирования, Индекс демократии) и статистических данных (например, количество подписчиков в социальных сетях). Работа с объективными параметрами ведется в целях выявления потенциальных ресурсов, которые может использовать страна в кампаниях по «мягкой силе».	2010

<i>Anholt-GfK Nation Brand Index</i>	В исследовании измеряется восприятие образа 50 стран мира (как развитых, так и развивающихся). Оно представляет собой комплексный опрос по 23 национальным атрибутам, сгруппированным по 6 атрибутам «шестигранника Анхольта», на которых базируется национальный бренд: — <i>люди</i> (восприятие граждан страны как возможных коллег, друзей, партнеров по бизнесу и т. п.); — <i>бизнес</i> (в т. ч. привлекательность страны с точки зрения инвестиций и трудовой миграции); — <i>политика</i> (образ и восприятие властных структур и государственного управления в стране); — <i>культура</i> (интерес к национальной культуре и истории) и спортивные достижения; — <i>экспортные бренды</i> (репутация и привлекательность товаров и услуг, производимых в стране); — <i>туризм</i> (привлекательность страны как туристического направления). Исследование проводится в виде онлайн-интервью граждан 20 стран мира от 18 лет и старше.	2005
<i>Country Brand Index</i> (подрейтинг: Топ-20 самых влиятельных городов мира)	Исследование проводится с использованием авторской методологии QualiQuant, основанной на принципе Иерархической модели принятия решений (Hierarchical Decision Model). Модель включает такие сферы, как осведомленность о стране, предпочтения, ассоциации, принятие решения о посещении, влияние информационного воздействия и пропаганды. С 2014 г. особое внимание в рейтинге уделяется ассоциативному ряду в восприятии той или иной страны: от особой системы ценностей до оценки страны с позиции «made in». Кроме того, с 2014 г. исследование концентрируется на доминирующих вызовах будущего страны как бренда (миграция, экстремизм и сознательное потребление). Респондентами являются более 2,5 тыс. человек в возрасте от 21 до 65 лет, ведущих активный образ жизни и много путешествующие по делам или в туристических целях.	2005

Помимо указанных в *Таблице 3* рейтингов, следует также упомянуть опубликованный в 2012 г. рейтинг Rapid-Growth Markets Soft Power Index, разработанный совместными усилиями Московской школы управления «Сколково» и консалтинговой компанией «Ernest and Young». Этот рейтинг был направлен на выявление лидеров в области «мягкой силы» среди стран с быстроразвивающимися рынками. Методология рейтинга учитывает 13 параметров, разделенных, в свою очередь, на три подгруппы («Глобальный имидж», «Глобальная порядочность» и «Глобальная интеграция»). Рейтинг не проводится на регулярной основе. Однако в нем интересна сама попытка ранжирования развивающихся стран в области «мягкой силы». Среди

плюсов представленного рейтинга можно отметить работу с медиапоказателями, особенно по линии учета такого значимого параметра, как экспорт медиапродукции.

Помимо комплексных рейтингов, отдельные параметры «мягкой силы» могут быть замерены в более специализированных рейтингах и индексах. Результаты некоторых из них учитываются в масштабных ранжирах стран по линии «мягкой силы» и государств-брендов. Среди них можно выделить:

Индекс лучшей жизни (The OECD Better Life Index);

- Рейтинг стран мира по уровню развития (Human Development Index).
- Уровень свободы прессы в различных странах мира (Freedom of the Press).
- Рейтинг стран мира по показателю благоприятных условий для ведения бизнеса (The Business Environment Rankings).
- Рейтинг экономической конкурентоспособности стран (The Global Competitiveness Index).
- Индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom).
- Индекс демократии (The Democracy Index) от британского исследовательского центра The Economist Intelligence Unit.
- Индекс экономики знаний (The Knowledge Economy) от экспертов Всемирного банка.
- Рейтинг стран по уровню их научно-исследовательской активности (Scientific and Technical Activity Index) от национального научного фонда США (The National Science Foundation).
- Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (The ICT Development Index).

Анализ результатов. Новизна теоретического подхода Ная состоит в том, что ему удалось сместить исследовательский акцент новых социально-философских и политико-философских подходов в сфере кратологии с общего анализа современных социальных трансформаций в область международных отношений и действующих в них интеракций.

Теоретическое осмысление «мягкой силы» получает дальнейшее развитие, поскольку ее использование государствами в современном мире неизбежно. В качестве значимых направлений развития концепта можно отметить проблему демаркации «мягкого» и «жесткого» воздействия в применении основных типов сил, а также деамериканизацию дискурса *soft power*, связанную с актуализацией концепта со стороны исследовательского и экспертного сообщества стран, воспринимающих себя в качестве «поднимающихся сил» современного мира.

Представляется принципиально важным рассматривать различные измерения «силы» в современном мире (принуждения, влияния/давления и привлекательности) с позиций их одинаковой или хотя бы сопоставимой значимости. При этом актуальная внешняя политика стран требует гармоничного сочетания «мягких» и «жестких» коннотаций, то есть баланса прямого воздействия и косвенного влияния. «Мягкую силу» не стоит относить к этическим концепциям, но поскольку ее применение предполагает нанесение потенциально меньшего ущерба объекту без применения материализованного насилия, то ее следует рассматривать как одно из проявлений принципа наименьшего зла в мировой политике, действующего в первую очередь на идейно-ценностном и символическом уровнях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, двухкомпонентная трактовка «силы» в международных отношениях через военную мощь и экономическое могущество расширяется до ценностного и культурного обаяния. Поэтому в современном мире, наряду с экономическими показателями и разработками новых видов вооружений, отдельным направлением глобальной конкуренции являются ценности и модели развития. Этот факт отмечается и в обновленном варианте Концепции национальной безопасности России (Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683): «Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития», обостряясь вследствие идущих системных изменений в глобальном миропорядке, а именно «процессов формирования новой полицентричной мо-

дели мироустройства» (п. 13).

Таким образом, способность государства глобально конкурировать в отмеченных трех направлениях (экономический рост, военно-технологическое развитие и ценностно-культурное воздействие) позволяет говорить о нем в категориях полноценного могущества, которое, в свою очередь, невозможно без обращения к сложному феномену «мягкой силы», по-новому поднимающему вопросы национальной идентичности и апеллирующему к нематериальным основаниям государства. Более того, на фоне различных сценариев милитаристского решения конфликтных ситуаций эвристическая ценность «мягкой силы» в современном мире не снижается, поскольку в ее задачи в том числе входит поиск путей достижения консенсуса между традиционными и нетрадиционными политическими акторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анхольт С.* Брендинг: дорога к мировому рынку. — М.: Кудиц-Образ, 2004. — 270 с.
2. *Галкин А. А.* Россия: динамика общественного сознания как фактор качественных перемен // *Власть*. — 2012. — № 4. — С. 4–9.
3. *Паришин П. Б.* Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2014. — № 2. — С. 14–21.
4. *Паришин П. Б.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // *Аналитические доклады Института международных исследований*. № 1 (36). Март 2013. — М.: МГИМО-Университет. — 40 с.
5. *Anholt S.* Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. — New York: Palgrave Macmillan. 2007. — 147 p.
6. *Bilgin P., Eliş B.* Hard Power, Soft Power: Towards a More Realistic Power Analysis // *Insight Turkey*. — 2008. — № 20 (2). — P. 5–20.
7. *Hall T.* An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // *The Chinese Journal of International Politics*. — 2010. — № 3. — P. 189–211.
8. *Li M.* Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics. — New York: Lexington Books. 2009. — P. 3–25.
9. *Lukes S.* Power and the Battle for Hearts and Minds // *Millennium — Journal of International Studies*. — 2005. — Vol. 33 (1). — P. 477–493.
10. *Mattern J. B.* Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // *Millennium — Journal of International Studies*. — 2005. — Vol. 33 (1). — P. 583–612.
11. *Medcalf R., Townshend A.* India and China: Competitive Coexistence in the Asian Century // *South Asia in the New Decade* / Ed. by *A. Palit, G. Spittel*. — Singapore: World Scientific Publishing. 2013. — P. 1–27. — URL: http://www.worldscientific.com/doi/suppl/10.1142/8436/suppl_file/8436_chap01.pdf
12. *Nye J.* Get Smart: Combining Hard and Soft Power // *Foreign Affairs*. — 2009. — July/August. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1>
13. *Nye J. S.* Think Again: Soft Power // *Foreign Policy*. — 2006. — February 23.
14. *Ramesh J.* Making Sense of Chindia: Reflections on China and India. — New Delhi: India Research Press, 2005. — 130 p.
15. *Ronfeldt D., Arquilla J.* Noopolitik: A New Paradigm for Public Diplomacy // *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Ed. by *N. Snow and Ph. M. Taylor*. — London: Routledge, 2009. — P. 352–366.
16. *Shambaugh D.* China's Communist Party: Atrophy and Adaption. — Berkley; Washington: UC Press; Woodrow Wilson Center Press, 2008. — 234 p.
17. *Thussu D.* De-Americanizing Soft Power Discourse? — Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School University of Southern California, 2014. — 30 p.
18. *Ying F.* Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // *Place Branding and Public Diplomacy*. — 2008. — Vol. 4. — № 2. — P. 147–158.

NATAL'YA EMEL'YANOVA

"Soft power" as a Concept: a Critical Analysis

Natal'ya Emel'yanova, PhD in Political Science,
Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University,
Political Science Department;
Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities,
Department of Philosophy, Russian Federation.
E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

Summary. The focus of the article is on current discussions on the heuristic significance of the "soft power" concept, examines the socio-political and philosophical foundations of the phenomenon, and states the de-Americanization of the soft power discourse and the related changes in the behavior of the new "soft power" actors.

The theoretical basis of the article is the conceptual interpretation of the concept of "power" proposed by Joseph Nye as an alternative to Realistic and Neo-Realistic models of power relations in modern world politics. Nye singled out coercion, influence and attractiveness as equivalent dimensions of force.

The research methodology is based on formal-logical and content-logical methods. The research procedure first of all is built around the typology of criticism of "soft power" as a concept and the prospects for its overcoming.

In the analysis of the results, it is noted that Nye in the concept of "soft power" had verified the accents of modern socio-philosophical and political-philosophical approaches in relation to the power-discourse of international relations. It is predicted that the theoretical comprehension of the "soft power" will develop, as its use by states will continue. First, it concerns "rising forces" (such as China and India).

In conclusion, it is emphasized that the ability of the state to compete globally in three areas (economic growth, military technological development and value-cultural impact) allows us to talk about it in terms of full power, which is impossible without resorting to the complex phenomenon of "soft power", questions of national identity in a new way and to the non-material grounds of the state.

Keywords: "soft power", a neo-liberal school, dimensions of "power", noopolitics.

REFERENCES

- Anholt S. *Branding: doroga k mirovomu rynku* [Branding: the Road to the Global Market]. Moscow: Kudits-Obraz, 2004.
- Anholt S. *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. New York: Palgrave Macmillan. 2007. 147 p.
- Bilgin P., Eliş B. Hard Power, Soft Power: Towards a More Realistic Power Analysis. *Insight Turkey*. 2008. Vol. 20 (2). P. 5–20.
- Galkin A. A. Rossiya: dinamika obshchestvennogo soznaniya kak faktor kachestvennykh peremen [Russia: Dynamics of Public Consciousness as a Factor of Qualitative Changes]. *Vlast'*. 2012. No. 4. P. 4–9.
- Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. *The Chinese Journal of International Politics*. 2010. No. 3. P. 189–211.
- Li M. *Soft Power. China's Emerging Strategy in International Politics*. New York: Lexington Books, 2009.
- Lukes S. Power and the Battle for Hearts and Minds. *Millennium – Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33 (3). P. 477–493.
- Mattern J. B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. *Millennium – Journal of International Studies*. 2005. Vol. 33 (1). P. 583–612.
- Medcalf R. Townshend A. India and China: Competitive Coexistence in the Asian Century. *South Asia in the New Decade* / Ed. by A. Palit, G. Spittel. Singapore: World Scientific Publishing, 2013. – URL: <http://www.worldscientific.com>.

com/doi/suppl/10.1142/8436/suppl_file/8436_chap01.pdf

- Nye J. Get Smart: Combining Hard and Soft Power. *Foreign Affairs*. July/August, 2009. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2009-07-01/get-smart?page=1>
- Nye J. S. Think Again: Soft Power. *Foreign Policy*. February 23, 2006. — URL: <https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/>.
- Parshin P. B. Dva ponimaniya «myagkoy sily»: predposylki, korrelyaty i sledstviya [Two Understandings of Soft Power: Preconditions, Correlates and Consequences]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2014. No. 2. P. 14–21.
- Parshin P. B. *Problematika “myagkoy sily” vo vneshney politike Rossii* [The Issue of Soft Power in Russia’s Foreign Policy]. *Analiticheskiye doklady*. No. 1 (36). March 2013. Moscow: MGIMO-University, 2013.
- Ramesh J. *Making Sense of Chindia: Reflections on China and India*. New Delhi: India Research Press, 2005.
- Ronfeldt D., Arquilla J. Noopolitik: A New Paradigm for Public Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Ed. by N. Snow and Ph. M. Taylor. London: Routledge, 2009. P. 352–366.
- Shambaugh D. *China’s Communist Party: Atrophy and Adaption*. Berkley; Washington: UC Press; Woodrow Wilson Center Press, 2008.
- Thussu D. *De-Americanizing Soft Power Discourse?* Los Angeles: USC Center on Public Diplomacy at the Annenberg School University of Southern California, 2014.
- Ying F. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*. Vol. 4 (2). P. 147–158.

ЕВРОПА: НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРОГО КОНТИНЕНТА

В. В. Воротников, А. Д. Чеков

Проблема политико-географической самоидентификации стран Балтии: историческое прошлое vs объективное настоящее*

Владислав Владиславович Воротников, канд. ист. наук,
доцент Кафедры истории и политики стран Европы и Америки,
науч. сотр. Центра европейских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России;
вед. науч. сотр. Института Европы РАН.
E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Александр Дмитриевич Чеков, препод.
Кафедры международных отношений
и внешней политики России МГИМО МИД России.
E-mail: a.d.chekov@gmail.com

Аннотация. Сегодня словосочетания «страны Прибалтики» в России и «государства Балтии» (англ. – the Baltic states) на Западе используются, как правило, для обобщенного наименования трех бывших советских республик – Латвии, Литвы и Эстонии. Основаниями для их объединения в рамках единого конструкта выступают прежде всего особенности географического положения, а также некоторые параллели государственного развития, глубоко укоренившиеся в массовом сознании. Однако проблема того, являются ли эти основания достаточными, чтобы говорить о существовании единой «прибалтийской идентичности», разделяемой тремя государствами, или же ее объединяющий потенциал ограничивается рамками предоставления удобного при определенных обстоятельствах «зонтичного термина», сегодня все еще составляет предмет исследовательского интереса. Насколько релевантно на сегодняшний день представление о единой «прибалтийской идентичности» Латвии, Литвы и Эстонии, а также каким образом она соотносится с другими видами политико-географических идентичностей, носителями которых являются эти государства?

Ключевые слова: Латвия, Литва, Эстония, страны Балтии, страны Прибалтики, идентичность, Балтийский регион, Восточная Европа.

Как отмечает литовская исследовательница Г. Миниотайте, в контексте международных отношений Латвию, Литву и Эстонию «зачастую не различают, рассматривая их в качестве единого целого – “государств Балтии”» [15]. Наиболее очевидным фактором для такого объединения представляются особенности географического положения трех государств. Как справедливо отмечается исследователями, Латвия, Литва и Эстония «находятся на восточном берегу Балтийского моря, географически связаны друг с другом и втиснуты между Россией и открытой водой» [12].

*Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов наук.

Тем не менее выделение в отдельный балтийский эйдос только трех этих государств и только на основании их географического положения вызывает большое число вопросов. К примеру, такие страны, как Швеция и Финляндия, располагаются в Балтийском регионе гораздо более протяженной береговой линией, нежели Латвия, Литва или Эстония, однако в их отношении соответствующий термин используется крайне редко и, по большому счету, ошибочно. С целью подчеркнуть географическую привязку той или иной страны к Балтике активно применяется другой термин — государство региона Балтийского моря¹. Примечательно, что зачастую он употребляется в расширительном толковании, обозначая не только страны, располагающиеся непосредственно на берегах Балтийского моря, но и государства, связанные с ней исторически, культурно или географически (дренажными бассейнами рек), к примеру, Норвегию, Белоруссию, а также небольшие участки Чехии, Словакии и Украины [6].

Таким образом, роль географического фактора в объединении Латвии, Литвы и Эстонии под единым «прибалтийским» зонтиком представляется скорее вторичной. В этой связи на первый план выходит другое обобщающее основание — параллельные траектории государственного развития. Важно отметить, что в массовом сознании эта «параллельность» оттесняет на второй план глубокие исторические и культурные различия между тремя государствами, о роли которых применительно к вопросам «прибалтийской идентичности» будет сказано ниже. Как представляется, такой феномен обусловлен в первую очередь тем, что период, когда траектории государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии шли параллельно друг другу, совпал с периодом, когда конфронтация между коммунистической/социалистической и капиталистической системами выступала в качестве главной определяющей черты мирового развития.

В подобном контексте Латвия, Литва и Эстония с точки зрения Запада превратились в единое политико-географическое пространство, изначально выступавшее элементом «санитарного кордона» против СССР², а после 1940 г. рассматриваемое как «органическая часть Запада, “похищенная” Советским союзом» [7]. Примечательно, что восприятие всех трех прибалтийских республик сквозь призму концепции «санитарного кордона» в итоге также послужило основой для формирования их единой региональной идентичности и в представлениях СССР³. Так, в работах советских историков (к примеру, К. Почса, Х. Арумяэ, Р. Жюгжды, Б. Штейна и др.) Латвия, Литва и Эстония неизменно представляются в виде «антисоветского плацдарма», поддерживаемого странами Запада⁴. Встречается в научной литературе этот подход и сегодня⁵.

Что же касается хронологических рамок параллельного государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии, то они представляются достаточно ограниченными, охватывая период протяженностью чуть более 70 лет — от обретения независимости по итогам Первой мировой войны до выхода из состава СССР в 1991 г.⁶ На этом историческом отрезке траектории государственного развития Латвия, Литва и Эстония действительно шли параллельно друг другу: в 1918 г. три

¹ Важнейшим шагом в политической легитимации этого термина стало создание в 1992 г. региональной международной организации Совета государств Балтийского моря.

² Восприятие Латвии, Литвы и Эстонии в качестве части «санитарного кордона» находит свое отражение в: Rauch, Georg von. *The Baltic States: the Years of Independence; Estonia, Latvia and Lithuania, 1917–1970* / Translated from German by German Onn. — London: Hurst & Company, 1974. — P. 107–111. — URL: [https://books.google.ru/books?id=DwLVOSCXhXcC&dq=The+Baltic+States:+the+Years+of+Independence%3B+Estonia,+Latvia+and+Lithuania;+O'Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015.---P.105-107.---URL:https://books.google.ru/books?id=OodjCAAAQBAJ&dq=O%E2%80%99Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015;+Vakar,+Nicholai+P.+Russia+and+the+Baltic+States+//+The+Russian+Review,+Vol.+3,+No.+1+\(Autumn,+1943\).---P.47-48.---URL:https://www.jstor.org/stable/125231](https://books.google.ru/books?id=DwLVOSCXhXcC&dq=The+Baltic+States:+the+Years+of+Independence%3B+Estonia,+Latvia+and+Lithuania;+O'Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015.---P.105-107.---URL:https://books.google.ru/books?id=OodjCAAAQBAJ&dq=O%E2%80%99Connor,+Kevin.+The+History+of+the+Baltic+States.+Santa+Barbara:ABC-Clío,+2015;+Vakar,+Nicholai+P.+Russia+and+the+Baltic+States+//+The+Russian+Review,+Vol.+3,+No.+1+(Autumn,+1943).---P.47-48.---URL:https://www.jstor.org/stable/125231)

³ Интересно, что политическая практика могла и, вероятнее всего, действительно была иной. Уже в начале 1930-х гг. этот подход трансформируется в восприятии стран Балтии как «санитарный кордон наоборот». Как отмечал в 1934 г. К. Радек, «созданные Антантой балтийские государства, которые выполняли функцию кордона или плацдарма против нас, сегодня являются для нас важнейшей стеной защиты с Запада» [5, с. 109].

⁴ Почс К. Я. Санитарный кордон: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929 гг.). — Рига: Зинатне, 1985; Жюгжда Р. Ю. Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919–1940 гг.): автореф. ... дис. д-ра ист. наук. — Вильнюс, 1980; Арумяэ Х. Т., Берзиньш В. М., Бирон А. К. и др. Иностранная военная интервенция в Прибалтике, 1917–1920 гг. / отв. ред. И. И. Минц. — М.: Наука, 1988; Арумяэ Х. Т. Борьба вокруг создания «Балтийского союза», 1919–1925 гг. — Таллин: Ээсти раамат, 1983; Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920). — М.: Государственное изд-во политической литературы, 1949 (Позиции государств Антанты в отношении Прибалтики представлены на с. 203–229, 246–264).

⁵ Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939 гг.). — М.: Алгоритм, 2015. — С. 15; Мельтюхов М. И. Прибалтийский плацдарм (1939–1940). Возвращение Советского Союза на берега Балтийского моря. — М.: Алгоритм, 2014. — 720 с.

⁶ Тот факт, что эти хронологические рамки совпадают по времени с существованием в России коммунистического режима и, соответственно, с конфронтацией между коммунизмом и капитализмом, может служить дополнительным подтверждением причин устойчивости восприятия стран Балтии в качестве единого региона.

республики получили независимость, в 1921 г. стали членами Лиги наций, к середине 1930-х гг. перешли к авторитарному политическому режиму⁷, в 1940 г. были инкорпорированы в состав СССР, в 1941 г. попали под власть нацистской Германии, в 1944 г. снова стали советскими республиками, пройдя в послевоенное время в том числе через опыт коллективизации, а в 1991 г. оказались первыми республиками, вышедшими из состава СССР, и единственными, чья независимость была признана советским руководством еще до окончательного распада советского государства (6 сентября 1991 г.). Отдельно этот ряд стоит дополнить упоминанием периода массовых репрессий против жителей прибалтийских советских республик, которые осуществлялись в 1940–1941 гг. и 1944–1953 гг. (подчеркнём, однако, что они касались не только этнических латышей, литовцев и эстонцев, а всех «антисоветских элементов» — в особенности до войны) и которые сыграли важную роль в формировании их национального виктимизированного самосознания [9].

В массовом представлении траектории государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии зачастую продолжают оставаться параллельными и после распада СССР. Частично это может быть объяснено инерционностью, даже несмотря на то, что эти государства являются независимыми уже на протяжении двадцати семи лет. Однако более значительную роль в подпитке этой тенденции играет то обстоятельство, что и сегодня Латвия, Литва и Эстония действительно обладают некоторым набором общих характеристик, которые легче всего считаются внешними наблюдателями. К ним можно отнести интеграцию в европейские и евроатлантические структуры с одновременным отказом от участия в деятельности СНГ; унифицированное отношение к советской истории сквозь призму «оккупационной доктрины»; схожий уровень экономического развития, массовую эмиграцию трудоспособного населения и т. д.

Таким образом, главной предпосылкой для становления единой идентичности Латвии, Литвы и Эстонии выступает схожий опыт их государственного развития в XX в., в то время как роль географического фактора представляется вторичной. При этом в результате наложения соответствующего опыта на общую картину международно-политических процессов в годы противостояния советского проекта и Запада восприятие трех стран в качестве единого региона на уровне массового сознания приобрело устойчивый характер, подпитываемый отдельными политическими сюжетами, объединяющими их и сегодня.

* * *

Важный материал для понимания ограниченного характера «прибалтийской идентичности» в современном мире способен дать анализ государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии в широкой исторической ретроспективе. Для начала стоит отметить, что эти страны никогда не входили в единое культурно-языковое пространство. В то время как языки титульного населения Латвии и Литвы принадлежат к балтийской языковой группе индоевропейской семьи (хотя между латышским и литовским языками имеются существенные различия), эстонский язык входит в финно-угорскую семью.

В процессе исторического развития стран Балтии их культурно-языковые различия дополнились политико-географическими. В качестве точки отчета для углубления этого размежевания можно рассматривать XIII в., когда на территории современной Прибалтики вступил в завершающую фазу процесс разложения родоплеменного строя.

Общественная отсталость племен, проживавших на территории современных Латвии, Литвы и Эстонии, делала их уязвимыми для экспансии со стороны более развитых соседей, которые к началу XIII в. уже успели обзавестись собственной государственностью. К востоку от современной Прибалтики находились русские княжества, к югу — Польское королевство, а к юго-западу, через Балтийское море — немецкие земли.

Уязвимость прибалтийских племен усиливало и то обстоятельство, что они оставались последними язычниками в регионе Центральной и Восточной Европы. В рамках господствовавшего тогда религиозного сознания это обстоятельство легитимизовало внешнюю экспансию в регион, придавая ей характер крестового похода против неверных. Впрочем, подобная мотивация была актуальной в первую очередь для соседей-католиков. Как справедливо отмечает эстонский/канадский историк А. Казекамп, «правители Руси и православная церковь не проявляли большого интереса к обращению в христианство соседей-язычников» [4, с. 31].

⁷ Литва осуществила такой переход несколько раньше — в 1926 г.

В результате в начале XIII в. Прибалтика стала объектом немецкой экспансии, сопровождавшейся колонизацией региона и обращением его населения в католицизм. Военной силой этой экспансии стали преимущественно мелкие немецкие рыцари, ведомые смесью религиозных мотивов и желания обзавестись землей. При покорении региона немцы умело использовали в своих интересах противоречия между населявшими его племенами, некоторые из которых принимали участие в их военных кампаниях, выступая в качестве вспомогательного войска.

Первым племенем, сопротивление которого было сломлено в ходе немецкой экспансии, стали населявшие западную часть современной Латвии ливы, окончательно покорившиеся в 1206 г. Благодаря этому за всей территорией распространения немецкого влияния в Прибалтике закрепилось название Ливония. От племени ливов свое название получил и Ливонский духовно-рыцарский орден, который более чем на триста лет превратился в ключевого политического игрока в Ливонии, соперничая за влияние с ганзейской Ригой и католической церковью, представленной одним архиепископством (Рижским) и тремя епископствами (Дерптским, Эзель-Викским и Курляндским).

К середине XIII в. немецкое культурное, политическое и экономическое влияние в Ливонии, практически совпадавшее в своих границах с территорией современных Латвии и Эстонии, стало доминирующим. Одно время исключением являлась северная часть Эстонии (Эстляндия), которая в 1219 г. оказалась под властью Дании. Однако по своей природе эта власть носила скорее номинальный характер, и в 1346 г. датский король Вольдемар IV продал свои владения Ливонскому ордену. Ведущая роль немцев и шведов (позднее получившая название «остзейского порядка») в общественной жизни Ливонии приобрела настолько устойчивый характер, что не подверглась значительной эрозии даже после того, как это государство утратило свою независимость в ходе Ливонской войны 1558–1583 гг., став ареной борьбы между Данией, Швецией и Польшей, а затем вошло в состав Российской империи по итогам Великой северной войны 1700–1721 гг. и разделов Польши (герцогство Курляндия стало частью «большой России» в 1795 г.). При этом коренное население Латвии и Эстонии оказалось дискриминированным.

Совершенно иной оборот приняла судьба литовских племен, для которых немецкая колонизация послужила толчком к обретению государственной самостоятельности. Процесс ее становления тесно связан с фигурой князя Миндовга (или Миндаугаса), которая превратилась затем в один из основополагающих столпов литовской национальной истории. К середине XIII века Миндовгу удалось объединить вокруг себя разрозненные литовские племена, установив свою власть «над территорией, простиравшейся от Жемайтии на западе до Минска на востоке и Черной Руси на юге» [4, с. 39]. Для упрочнения своего положения Миндовг сблизился с набиравшим силу в Прибалтике Ливонским орденом, согласившись в 1251 г. на крещение и принятие христианства по католическому обряду. В обмен на этот шаг римский папа Иннокентий IV в 1253 г. разрешил племенному вождю короноваться в качестве короля Литвы, положив тем самым начало международному признанию нового государства. Впрочем, спустя некоторое время Миндовг разочаровался в перспективах сближения с Орденом и вышел из католической веры, однако эти события уже не имели большого значения с точки зрения дальнейшего укрепления государственной самостоятельности Литвы.

Монгольское нашествие на Русь в 1237–1240 гг. сильно ослабило русские княжества, но при этом практически не затронуло земли Великого княжества Литовского, открыв ему возможность для экспансии на восток. В результате к середине XIV в. Литва превратилось в крупнейшее государство Восточной Европы. В его состав вошли многие значимые города Древней Руси, включая ее столицу Киев.

Нацеленность литовской экспансии на восток все сильнее отдаляло ее от Балтийского региона, по отношению к которому ее ключевой задачей стало сдерживание экспансии Ливонского и Тевтонского орденов. Примечательно, что с того периода выход Литвы к Балтийскому морю ограничивался узкой полоской земли в районе Жемайтии – самого западного региона в составе княжества. Географически княжество в гораздо большей степени тяготело к территориям современной Украины и Белоруссии.

Тем не менее со временем Литва так же, как и земли к северу от нее, не избежала участи стать объектом усиливающегося иностранного влияния, в данном случае польского. В 1385 г. литовский князь Ягайло заключил Кревскую унию, по условиям которой он соглашался принять христианство по католическому обряду и провести христианизацию Литвы. Взамен польская шляхта давала согласие на его брак с королевой Ядвигой, а также на избрание его польским королем под именем Владислава II [11].

Брак литовского князя и польской королевы имел далеко идущие политические последствия, выходящие за рамки образования личной унии между Литвой и Польшей. Он стал началом многовековой истории польско-литовского сближения, в рамках которой со временем проявились тенденции по становлению доминирующего положения Польши в рамках двустороннего союза, а также постепенной полонизации Литвы. Мощным толчком в развитии этих тенденций стало заключение в 1569 г. Люблинской унии, которая окончательно объединила Литву и Польшу в единое конфедеративное государство — Речь Посполитую. Управление новым государством осуществляли избираемый монарх, который получал титул «короля польского и великого князя литовского»⁸, а также объединённый Сейм. При этом из-за большей численности польского населения представителей Польши в Сейме было в три раза больше, чем представителей Литвы [4, с. 77–78].

Литовская знать стала активнее использовать в обиходе польский язык и заимствовать польские традиции, которые виделись ей более утонченными. В 1697 г. польский язык в Великом княжестве Литовском получил статус государственного, заменив собой западнорусский/русинский. Впрочем, эти события стали лишь отражением длительной (с XV в.) тенденции культурной полонизации. Как справедливо пишет американский историк Т. Снайдер, «последний литовский великий князь, который в принципе знал литовский язык, умер в год, когда Колумб открыл Америку» [18, р. 32]. В одном из современных учебников по истории Литвы отмечается: «Хотя Литва не оставляла попыток использовать в письменном творчестве латинский и даже литовский язык, процесс полонизации постепенно охватил всю ее политическую и культурную элиту. Роль польского языка в литовской культуре хорошо обобщил один из Радзивиллов в своем письме 1615 г.: “Хотя литовцем я родился и литовцем мне доведется умереть, но в своем отечестве должно нам использовать польский язык”» [3, с. 82].

Тем не менее полонизация литовского общества не сопровождалась тотальной дискриминацией этнических литовцев (точнее, в расширительной трактовке, литвинов/русинов — выходцев с территории Великого княжества Литовского, тогда как, к примеру, узкая трактовка считает коренными литовцами только жемайтов) в общественной жизни объединенного государства и не носила насильственного характера — «скорее, это был осознанный и, вероятно, единственно возможный после Кревской унии выбор литовского ядра ВКЛ...» [8, с. 21]. При этом на всем протяжении существования Речи Посполитой ключевые военные и политические должности в Великом княжестве занимали литовцы/русины. На территории княжества существовал примат литовского права (право Литовских Статутов в том или ином виде действовало и в XIX в.), а для поднятия статуса литовского дворянства в XVI в. был создан и получил распространение характерный для тех времен миф, согласно которому литовцы были потомками римлян. Если же говорить об идентичности, то у высших слоев Великого княжества Литовского сформировалась особая, как минимум двойная (лат. *“gente Lithuanus, natione Polonus”* = «по роду — литвин/литовец, по национальности — поляк»), а возможно, и множественная идентичность, специфика которой, как представляется, лучше всего была описана следующим образом: «...по своему этническому составу знать формировала дворянский слой с общим литовским национальным самосознанием. По происхождению они (чаще всего) были русинами, по вероисповеданию — греко-католиками, по политическому самосознанию — литовцами, а говорили по-польски» [3, с. 82].

Таким образом, изучение государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии в широкой исторической ретроспективе выводит на первый план не столько объединяющие их элементы, сколько различия. В XIII в. немцы заняли доминирующее положение в общественной жизни на территории современных Латвии и Эстонии, лишив коренное население этих территорий возможности сформировать собственную национальную государственность. В то же время литовцы не только смогли образовать такую государственность, но и довести свое государство до превращения в XIV–XV вв. в крупнейшую восточноевропейскую державу. Впрочем, со временем и их земли подверглись проникновению иностранного культурного и политического влияния (польского). Кроме того, углубился раскол в культурной и экономической ориентации между Латвией и Эстонией, с одной стороны, и Литвой — с другой. Первые две территории оказались интегрированы в единое культурное и экономическое пространство с городами северной Германии, в то время как литовцы явным образом сблизались с соседним славянским населением.

⁸ Важнейшим шагом в политической легитимации этого термина стало создание в 1992 г. региональной международной организации Совета государств Балтийского моря.

Таблица

Исторические и культурно-языковые различия Латвии, Литвы и Эстонии⁹

Страна	Создание государственности	Язык	Доминирующая религия	Политико-географическая	Основное культурное влияние
Латвия	1918 г.	Балтийский (летто-литовская группа, индоевропейская семья)	Лютеранство	Северная Европа	Немецкое, шведское
Литва	XIII век	Балтийский (летто-литовская группа, индоевропейская семья)	Католицизм	Центральная Европа	Польское
Эстония	1918 г.	Финно-угорская группа (уральская семья)	Лютеранство	Северная Европа	Немецкое, датское, шведское, финское

Источник: [17].

В заключение отметим оценку эстонского исследователя К. Яансона, рассматривавшего подход Германии в XIX — начале XX вв. к восточно-балтийскому региону как наиболее близкий к нынешнему представлению, однако в то же время подчеркивавший литовскую специфику: «В более узком смысле и, в особенности, в Германии понятие “Балтийские страны” на рубеже веков относилось к Эстляндии, Лифляндии и Курляндии — провинциям царской России, то есть практически к территории современных Латвии и Эстонии, где балтийские немцы, или, если быть более точным, элита, состоящая из них, доминировали в политическом, экономическом и культурном отношениях веками. В то время, когда концепция балтийских стран, включающих Эстонию, Ливонию и Курляндию, формировалась — это произошло довольно поздно, в середине XIX в., — Литва к ним еще не принадлежала. Следствием этого была точка зрения создателей Балтийского герцогства в 1918 г.: по их мнению, Литва была чем-то отличным от балтийских государств» [14].

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии глубоких исторических и культурных предпосылок для формирования единой «прибалтийской идентичности» для ареала Латвии, Литвы и Эстонии. Они же объясняют укрепление политико-географической самоидентификации Латвии и Эстонии с регионом Северной Европы, а Литвы — с регионом Центральной и Восточной Европы.

* * *

Не менее важным для понимания сегодняшнего состояния вопроса являются краткое сопоставление траекторий государственного развития Латвии, Литвы и Эстонии и характеристика специфики межгосударственного сотрудничества после получения ими независимости и распада СССР.

На общественном уровне такие связи интенсифицировались в виде сотрудничества творческих союзов в годы «перестройки», став логическим дополнением образа Прибалтики как «витрины» советской экономической и общественной жизни. Апофеозом духа общественного единения стала проведенная жителями трёх прибалтийских республик 23 августа 1989 г. акция «Балтийский путь», символизировавшая их «стремление к свободе». А уже менее чем через год, 12 мая 1990 г., несмотря на всю условность (учитывая существование СССР) этого акта, был возобновлён «Договор о согласии и сотрудничестве» от 12 сентября 1934 г. («Балтийская Антанта»).

⁹ Отметим, что в приведенной *Таблице*, составленной литовским исследователем, русское/российское влияние отсутствует в принципе.

В подписанной В. Ландсбергисом, А. Горбуновым и А. Рюйтеlem декларации провозглашалось: «образовать Совет Балтийских государств, помогая тем самым полностью восстановить государственную независимость прибалтийских республик» [1, с. 370].

Как отмечал в мемуарах первый президент независимой Литвы А. Бразаускас, «Балтийские страны сердечно дружили и шёпотом доверчиво разговаривали ещё в годы оккупации СССР. Почувствовав надежду свободы, делали это уже открыто и очень интенсивно. Руководители образовавшихся национальных фронтов (в Литве это был «Саюдис») поддерживали друг друга и согласовывали свои действия... Всех объединял общий интерес: освобождение. Солидарность была дополнительной силой.

Однако после достижения цели интересы разделились. Те же интересы даже стали причиной конкуренции, особенно когда серьёзные западные политики и рядовые функционеры международных организаций заговаривали о том, что одна из Балтийских стран в какой-нибудь области продвинулась больше, другая — меньше, что двери в европейские и трансатлантические структуры могут открыться не всей троице сразу. Тогда началось не только здоровое соревнование, но и определённая скрытность; не стеснялись даже громко сказать, что мы лучше, а вот соседи отстают» [1, с. 367–368].

Разными путями (при внешнем сходстве моделей реформирования) шли и процессы политического и социально-экономического транзита. В частности, разную скорость процессов либерализации экономик стран Балтии предопределило то, каким образом в них проходила приватизация. В Эстонии она осуществлялась наиболее жёстко, и предприятия в соответствии с законом о банкротстве имели выбор только между приватизацией и ликвидацией. Соответственно, не желая ликвидации, эстонцы прибегали к единственному возможному выходу — привлечению иностранного инвестора. Схожая модель была использована в Латвии, однако там получила распространение (хотя и не такое, как в Литве) ваучерная приватизация, поэтому этот процесс шёл медленнее. В Литве, в отличие от Эстонии, процедура банкротства практически не применялась, а ваучеризация была именная (в отличие от Латвии), соответственно, у литовских граждан появилась возможность покупать предприятия за ваучеры. Кроме того, была запрещена продажа земли иностранцам (условия под давлением Европейской комиссии были упрощены только в 2017 г.). Следствием разнообразных методик проведения приватизации стал различный процент присутствия иностранного капитала. В результате наибольшее количество предприятий и банков принадлежит иностранцам в Эстонии (80–90 %), а наименьшее — в Литве (около трети, хотя в банковском и смежных секторах, то есть в страховании, консалтинге, — около 70 %) [10].

Во внутриполитической сфере, при общем сходстве нестабильных¹⁰ многопартийных политических систем, также стоит отметить ключевое различие. Оно заключается в наличии различных моделей взаимоотношений между политическими элитами и национальными меньшинствами — в первую очередь русскоязычными. Этот фактор оказал большое влияние на процесс транзита Латвии, Литвы и Эстонии от советской системы к новым политическим режимам. К примеру, в Латвии и Эстонии стремление элит уменьшить политическое влияние национальных меньшинств сыграло важную в специфике проведения экономических реформ роль, в то время как в Литве с ее относительно гомогенным населением межнациональные противоречия не оказали существенного влияния на формирование постсоветской политической и социально-экономической моделей [16].

Как уже говорилось выше, на уровне массового сознания объединяющие черты выступают доминирующими, что обуславливается в первую очередь ярко выраженным евроатлантическим креном их внешней политики. 12 июня 1995 г. Латвия, Литва и Эстония первыми из постсоветских республик подписали с ЕС Соглашения об ассоциации, а 1 мая 2004 г. официально стали членами союза. 16 января 1998 г. президент США У. Клинтон и лидеры трех прибалтийских республик подписали Балтийскую хартию, в тексте которой было зафиксировано, что Вашингтон приветствует «стремление и поддерживает усилия Эстонии, Латвии и Литвы по присоединению к НАТО»¹¹, а 29 марта 2004 г. они официально стали членами альянса.

Другим фактором является координация внешних политик Латвии, Литвы и Эстонии. В 1990-е гг. эта координация приобрела институциональную основу с созданием органов межпар-

¹⁰ В Латвии за период с 1991 г. до сегодняшнего дня сменилось 20 правительств, в Литве — 15, в Эстонии — 16.

¹¹ Весьма показательно, что ЕС руководствовался так называемым принципом «регалы», то есть началом переговоров с конкретной страной в соответствии с ее собственными достижениями по мере выполнения «домашнего задания». В результате Эстония попала в число стран «первой волны», которые были приглашены к переговорам о членстве в ЕС, в 1997 г., тогда как Латвия и Литва — в 1999 г. [19]

ламентского (Балтийская ассамблея, 1991 г.) и межправительственного сотрудничества (Балтийский совет министров, 1994 г.). В качестве ключевых успехов трехстороннего взаимодействия можно рассматривать создание зоны свободной торговли (1993 г.), а также совместных миротворческого батальона BALTBAT и системы наблюдения за воздушным пространством BALTNET (1994 г.), военно-морской эскадры BALTRON и военного колледжа BALTDEFCOL (1998 г.), а также информационной системы управления и контроля BALTCCIS (2002 г.). При этом на практическом уровне эта координация в основном сегодня ограничивается лишь формальными заявлениями и декларациями. Частично координация трансформировалась в разработку совместных подходов к общеевропейским делам с тремя северными государствами — членами ЕС (Финляндией, Швецией и Данией) в формате NB3+3.

Важной особенностью современного состояния прибалтийского сотрудничества является не только и даже не столько соперничество между странами Балтии в экономической (например, конкуренция в сфере принятия максимальных объемов транзитных перевозок; литовско-латвийский «железнодорожный» конфликт), международно-политической (за региональное лидерство) и даже юридической (например, практически канувшие в лету споры между Литвой и Латвией по поводу государственной принадлежности нефтеносного участка континентального шельфа в районе Клайпеды и Лиепай; конфликт из-за принадлежности промысловых зон между Латвией и Эстонией; «сельскохозяйственные войны» между Литвой и северными соседями и др.) областях, сколько утрата единой цели, а значит, и стратегического смысла совместной реализации проектов, каковыми на рубеже 1980—1990-х гг. было обретение независимости.

По мере углубления интеграции с ЕС потенциал трехстороннего сотрудничества между Латвией, Литвой и Эстонией постепенно сужался в первую очередь из-за диверсификации системы их внешнеэкономических связей. «Вопрос о балтийской региональной интеграции оказался краткосрочным, — отмечается в одном финском исследовании, — поскольку европейская интеграция в долгосрочной перспективе поглотила вопрос региональной интеграции»¹². Проявлением этой тенденции стали трудности в реализации, казалось бы, призванные объединить совместные инфраструктурные проекты — такие как строительство скоростной железнодорожной магистрали Rail Baltica / Rail Baltica 2, новой АЭС (взамен закрытой Игналинской) или общего терминала СПГ. В результате на сегодняшний день трехстороннее сотрудничество стран Балтии сводится преимущественно к общеполитическим и отчасти военным аспектам, в то время как его экономический потенциал «растворился» внутри ЕС и Балтийского региона.

Таким образом, после обретения независимости идея «прибалтийской идентичности» стала подвергаться в своей сути быстрой эрозии, что в свою очередь стало отражением неудачи в формировании ее экономической основы, а также нарастания внутривнутриполитических различий между странами. В результате с точки зрения содержания образ стран Балтии сегодня включает в себя в значительной мере военно-политические аспекты (Латвия, Литва, Эстония как «прифронтовые государства») и лишь отчасти «островную» специфику («инфраструктурный» остров в ЕС), причем оба этих проявления имеют постсоветскую природу, широко используемую в западном медиа- и научном дискурсах и легко воспринимаемую как научно-экспертным сообществом, так и обывателем.

* * *

Выступая в декабре 1999 г. в Шведском институте международных отношений в Стокгольме, министр иностранных дел (1999—2002 гг.) и впоследствии президент Эстонии (2006—2016 гг.) Т. Х. Ильвес сделал ставшее позднее хрестоматийным заявление:

«Пришло время признать, что в Балтийском регионе мы имеем дело с тремя очень разными странами... Не существует какой-либо балтийской идентичности, характеризующей общей культурой, языковой группой, религиозными традициями» [13].

В контексте проведенного анализа оценка Т. Х. Ильвесом данного феномена представляется достаточно точной, тем более что с того момента уже прошло почти два десятилетия. На сегодняшний день развитие концепта «прибалтийской идентичности» ограничивается предоставлением удобного «зонтичного термина» для обозначения Латвии, Литвы и Эстонии, однако не преодолевает эти границы. В смысле политико-географической самоидентификации она

¹² United States — Baltic Charter. Signed in Washington on January 16, 1998. — URL: <http://www.mfa.gov.lv/en/usa/policy/baltic-us-relations/us-baltic-charter>.

оказывается оттесненной на второй план североευропейской (в случае Эстонии и Латвии) или центральноевропейской политико-географической (в случае Литвы) идентичностями. Вместе с тем существенное значение для сохранения этой идентичности продолжает иметь фактор советского прошлого. В условиях усилившегося присутствия стран Балтии в информационных пространствах России и западных стран в негативном и при этом связанном с Россией контексте именно он оказывает определяющую роль для сохранения восприятия массовым сознанием этих государств в рамках «прибалтийской идентичности». В этой связи преодоление странами Балтии фобий, связанных с этим прошлым, вероятнее всего, позволит им вырваться за пределы «прибалтийскости», продолжив движение по пути обретения своего специфического образа в мировой истории и политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бразаускас А. Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли. — М.: Унипринт, 2002. — 623 с.
2. Воротников В. В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. — 272 с.
3. История Литвы / А. Эйдинтас, А. Бумблаускас, А. Кулаускас, М. Тамошайтис. — Вильнюс: Eugrimas, 2013. — URL: <http://www.eu2013.lt/lt/pirmininkavimas-ir-es/kulturine-programa/Lietuvos-istorija>
4. Казекампи А. История балтийских государств. — Тарту: University of Tartu Press, 2014. — 398 с.
5. Кен О. Н., Рупасов А. И. Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. — М.: Алгоритм, 2014. — 720 с.
6. Клемешев А. П., Корнеев В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. — 2017. — Т. 9. — № 4. — С. 7–28.
7. Колосов В. А., Бородулина Н. А. Геополитический дискурс и отношения между Россией и странами Балтии // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 9. — С. 97–106.
8. Польша: политика, экономика, общество / В. В. Воротников, Н. С. Дымищ, А. А. Габарта, Г. М. Лесная, А. В. Мальгин; под ред. А. В. Мальгина. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. — 240 с.
9. Симонян Р. Х. «Оккупационная доктрина» в странах Балтии: содержательный и правовой анализ // Государство и право. — 2011. — № 11. — С. 106–114.
10. Симонян Р. Х. Страны Балтии: общее и особенное (социально-экономический аспект) // Вопросы экономики. — 2002. — № 9. — С. 105–116.
11. Тынянова О. М. Европейская шахматная доска: миттельшпиль в «Миттельевропе» (к 625-летию Кривской унии и 600-летию Грюнвальдской битвы) // Пространство и время. — 2010. — № 1. — С. 79–90.
12. Huang M. Why the “Baltic states”? // Central Europe Review. — November 29, 1999. — Vol. 1. — No. 23. — URL: <http://www.ce-review.org/99/23/amber23.html>
13. Ilves T. Estonia as a Nordic Country. Address at the Swedish Institute for International Relations in Stockholm on December 14, 1999. — URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/toomasilvesestonianordiccountr.htm>
14. Jaanson K. The Baltic Sea region in international relations of the twentieth century: The seminal nature of the interwar period // Journal of Baltic Studies. — 2001, Fall. — Vol. 32. — No. 3. — P. 267–288.
15. Miniotaite G. Convergent Geography and Divergent Identities: a Decade of Transformation in the Baltic States // Cambridge Review of International Affairs. — 2003. — Vol 16. — Issue 2. — P. 209–222.
16. Mygird N. Different Paths of Transition in the Baltics / Copenhagen’s Business School Center for East European Studies (CEES) Working Paper. — 1997. — No. 5. — 37 p. — URL: <http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/7085/wp05.pdf?sequence=1>
17. Paulauskas K. The Baltic States: Picking Regions, Shedding Myths, Decoding Acronyms // Lithuanian Foreign Policy Review. — 2005. — Issue 1–2 (15–16). — P. 51–64.
18. Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. — New Haven & London: Yale University Press, 2003. — 384 p.
19. The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow. Studies&Reports 98 / A. Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L. Zorgenfrei; foreword by E. Buzek. — Paris: Notre Europe — Jaques Delors Institute, July 2013. — 100 p. — URL: <http://www.eng.notre-europe.eu/011-16347-The-Baltic-states-in-the-EU-yesterday-today-and-tomorrow.html>

VLADISLAV VOROTNIKOV, ALEXANDER CHEKOV

The Problem of Political-Geographical Self-Identification of the Baltic States: the Historical Past vs the Objective Present

Vladislav V. Vorotnikov, PhD (History),
Research Fellow, Centre for European Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University;
Associate Professor, Department for European
and American Studies, MGIMO-University;
Leading Research Fellow, Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences.
E-mail: vorotnikov.vladislav@gmail.com

Alexander D. Chekov, Lecturer,
Department of International Relations and Foreign Policy of Russia,
MGIMO-University. E-mail: a.d.chekov@gmail.com

Summary. Today, the term “the Baltic states” is used, as a rule, as an umbrella-name for the three former Soviet republics – Estonia, Latvia and Lithuania. The grounds to unify them into a single construct are, above all, their geographical location, as well as some parallels of state development, deeply rooted in the mass consciousness. However, the problem of whether these grounds are sufficient to speak of a single “Baltic identity” shared by three states, or whether its unifying potential is limited to providing an “umbrella term” convenient under certain circumstances, is still a matter of research interest. How relevant today is the idea of a unified “Baltic identity” of Estonia, Latvia and Lithuania, and how does it correlate to other types of political and geographical identities of these countries?

Keywords: Latvia, Lithuania, Estonia, Baltic states, identity, Baltic region, Eastern Europe.

REFERENCES

- The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow. Studies & Reports* 98. A. Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L. Zorgenfreija; foreword by E. Buzek. Paris: Notre Europe-Jaques Delors Institute; July 2013. 100 p. – URL: <http://www.eng.notre-europe.eu/011-16347-The-Baltic-states-in-the-EU-yesterday-today-and-tomorrow.html>.
- Brazauskas A. *Pyat' let Prezidenta: sobytiya, vospominaniya, mysli* [Five Years of the President: Events, Memories, Thoughts]. Moscow: Uniprint, 2002. 623 p.
- Huang M. Why the “Baltic States”? *Central Europe Review*. November 29, 1999. Vol. 1. No. 23. – URL: <http://www.ce-review.org/99/23/amber23.html>
- Ilves T. *Estonia as a Nordic Country*. Address at the Swedish Institute for International Relations in Stockholm on December 14, 1999. – URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/toomasilvesestonianordiccountr.htm>
- Istoriya Litvy* [History of Lithuania] / A. Ejdtintas, A. Bumblauskas, A. Kulakauskas, M. Tamoshajtis. Vilnius: Eugrimas, 2013. – URL: <http://www.eu2013.lt/lt/pirmininkavimas-ir-es/kulturine-programa/Lietuvos-istorija>
- Jaanson K. The Baltic Sea Region in International Relations of the Twentieth Century: The Seminal Nature of the Interwar Period. *Journal of Baltic Studies*. 2001, Fall. Vol. 32. No. 3. P. 267–288.
- Kasekamp A. *Istoriya baltiyskikh gosudarstv* [History of the Baltic States]. Tartu: University of Tartu Press, 2014. 398 p.
- Ken O. N., Rupasov A. I. *Zapadnoe prigranich'e. Politbyuro CK VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami* [West Frontier. Politburo of the Central Committee of the CPSU (b) and Relations of the USSR with the Western Neighboring States]. Moscow: Algoritm, 2014. 720 p.
- Klemeshev A. P., Korneev V. S., Pal'movskij T., Studzhinicki T., Fedorov G. M. *Podhody k opredeleniyu ponyatiya*

- “Baltiiskij region” [Approaches to Defining the Baltic Region]. *Baltiiskij region*. 2017. Vol. 9. No. 4. P. 7–28.
- Kolosov V.A., Borodulina N.A. Geopoliticheskij diskurs i otnosheniya mezhdru Rossiej i stranami Baltii [Geopolitical Discourse and Relations Between Russia and the Baltic Countries]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2007. No. 9. P. 97–106.
- Miniotaitė G. Convergent Geography and Divergent Identities: a Decade of Transformation in the Baltic States. *Cambridge Review of International Affairs*. 2003. Vol 16. Issue 2. P. 209–222.
- Mygird N. *Different Paths of Transition in the Baltics*. Copenhagen’s Business School Center for East European Studies (CEES) Working Paper. 1997. No. 5. 37 p. — URL: <http://openarchive.cbs.dk/bitstream/handle/10398/7085/wp05.pdf?sequence=1>
- Paulauskas K. The Baltic States: Picking Regions, Shedding Myths, Decoding Acronyms. *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2005. Issue 1–2 (15–16). P. 51–64.
- Pol’sha: politika, ehkonomika, obshchestvo [Poland: Politics, Economics, Society] / V. V. Vorotnikov, N.S. Dymshits, A. A. Gabarta, G. M. Lesnaya, A.V. Mal’gin, U. Moskva; ed. by A.V. Mal’gin. M.: Izdatel’stvo “Aspekt Press”, 2016. 240 p.
- Simonyan R. H. “Okkupacionnaya doktrina” v stranah Baltii: sodержatel’nyj i pravovoj analiz [“Occupation Doctrine” in the Baltic States: A Substantive and Legal Analysis]. *Gosudarstvo i pravo*. 2011. No. 11. P. 106–114.
- Simonyan R. H. Strany Baltii: obshchee i osobennoe (social’no-ehkonomicheskij aspekt) [Baltic Countries: General and Particular (Socio-economic Aspect)] // *Voprosy ehkonomiki*. 2002. No. 9. P. 105–116.
- Snyder T. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven & London: Yale University Press: 2003. 384 p.
- Tynyanova O.M. Evropejskaya shahmatnaya doska: mittel’shpil’ v “Mittel’evrope” (k 625-letiyu Krevskoj unii i 600-letiyu Gryunval’dskoj bitvy) [European Chessboard: the Middle Game in Mittel Europe (to the 625th Anniversary of the Krevo Union and the 600th Anniversary of the Battle of Grunwald)]. *Prostranstvo i vremya*. 2010. No. 1. P. 79–90.
- Vorotnikov V. V. *Vneshnyaya politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka* [Foreign Policy of the Baltic States at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Izdatel’stvo “Aspekt Press”, 2015. 272 p.

В. Н. ЧЕРНЕГА

Внешнеполитический курс Э. Макрона: между «державностью» и евроатлантизмом

Владимир Николаевич Чернега, д-р юрид. наук,
вед. науч. сотр. ИНИОН РАН.
Чрезвычайный и Полномочный Посланник.
E-mail: vladimir.tchernega@free.fr

Аннотация. В статье рассматривается внешнеполитический курс Франции при Э. Макроне. Отмечается стремление нового президента вести «державную», то есть более независимую политику в отношении главных мировых акторов, вносить в нее, по сравнению с предшественниками, больше элементов реализма и гибкости. Вместе с тем показываются его попытки активизировать процесс углубления евро-интеграции, линия на сохранение сотрудничества в рамках НАТО. Анализируется, как данное противоречие сказывается на франко-российских отношениях. Прогнозируются перспективы этих отношений.

Ключевые слова: внешнеполитический курс, «державная политика», реализм, гибкость, евро-атлантизм, франко-российские отношения.

Избрание Э. Макрона президентом Франции в мае 2017 г. вызвало у значительной части населения страны своего рода эйфорию, связанную с надеждами на обновление внутренней и внешней политики. Как известно, самый молодой в истории Пятой республики глава государства (39 лет) с точки зрения французских традиций появился буквально «ниоткуда». До назначения Э. Макрона в 2014 г. министром экономики, промышленности и цифровых технологий широкая публика о нем практически ничего не знала. «Новый человек», не ассоциировавшийся с традиционными элитами, своими программными установками сумел лучше, чем другие кандидаты в президенты, ответить на противоречивые чаяния французов. С одной стороны, ссылаясь на императивы глобализации и «цифровой революции», он обещал повысить эффективность национальной экономики благодаря увеличению свободы частнопредпринимательского сектора и усилению конкурентного начала. С другой стороны, гарантировать большее «равенство шансов» и в целом социальную справедливость путем реформирования систем образования и социальной защиты.

Реализовать эти обещания, как и предсказывали многие эксперты, оказалось делом чрезвычайно трудным, если вообще возможным. Как развивается в связи с этим внутренняя ситуация — тема отдельного исследования. Следует отметить только, что от первоначальной «макронии» не осталось и следа. Личный рейтинг Э. Макрона, получившего во втором туре выборов 66 % голосов, колеблется сейчас в пределах 33–34 %. Нужно подчеркнуть также, что, несмотря на падение популярности, сопротивление профсоюзов и острую критику со стороны оппозиции, президент все же пытается продолжать линию на модернизацию Франции, как он ее понимает. Он по-прежнему пользуется поддержкой большинства в Национальном собрании, которое обеспечила победа на парламентских выборах в июне 2017 г. его партии «Республика в движении», созданной в апреле 2016 г.

Склонность к «синтезу» противоречивых установок Э. Макрон проявляет и во внешнеполитической области. Стоит напомнить, что его опыт в международной политике и дипломатии

был весьма невелик и специфичен. Во время учебы в 2002–2004 гг. в Национальной школе администрации — главном «инкубаторе» французских элит — Э. Макрон шесть месяцев стажировался в Посольстве Франции в Нигерии. В 2012–2014 гг. во время работы в качестве заместителя главы руководителя президентской администрации Ф. Олланда он курировал вопросы «зоны евро». В 2014–2016 гг. на посту министра экономики, промышленности и цифровых технологий ему довелось заниматься двусторонними и многосторонними связями Франции по своей линии, в частности, в рамках ЕС, Группы семи и «двадчатки». Определенная «свежесть» взгляда, свойственная новичку, сочетается у него с более значительным, чем у большинства традиционных политиков, прагматизмом, видимо, сформировавшимся в период работы в Банке Ротшильда в 2008–2012 гг.

В теоретическом плане Э. Макрон, судя по его собственным воспоминаниям, изначально тяготел к указанному «синтезу». Среди «духовных отцов» своих внешнеполитических предпочтений он называет одновременно Ш. де Голля и центристского деятеля П. Мендес Франса. Если первый был привержен идее «величия Франции» и видел в тогдашнем ЕЭС главным образом союз суверенных государств, то второй был убежденным сторонником европейской интеграции. В начале своей карьеры Э. Макрон работал с видным экономистом Ж. Аттали (в 1991–1993 гг. возглавлял Европейский банк реконструкции и развития), который был одним из идеологов неолиберальной глобализации «без границ». Но в 1999 г. после начала натовских бомбардировок Югославии Ж. Аттали опубликовал в газете «Монд» серию статей под общим названием «Об опасности унижать Россию», в которых предсказал нынешнюю конфронтацию между нашей страной и Западом (см., напр., [3]).

Позже Э. Макрон посещал кружок Ж.-П. Шевенмана, начинавшего политическую деятельность в качестве левого голлиста, а затем занимавшего министерские посты, в том числе внутренних дел и обороны, в социалистических правительствах при Ф. Миттеране. Тот был убежденным «суверенистом» и выступал против «федерализации» ЕС. Голлистское начало у Ж.-П. Шевенмана проявлялось, помимо прочего, в его взгляде на Россию, которую он считал неотъемлемым элементом европейской цивилизации и «европейского равновесия». Влияние этого деятеля ощущается в таких, например, строках Э. Макрона в его книге «Революция», опубликованной в 2016 г.: «С русскими, ...которые являются европейцами, мы делим один континент, одну историю и даже одну литературу. Тургенев жил во Франции, Пушкин любил нашу страну, Чехов и Толстой оказали на нее большое влияние. Дважды мы сражались вместе в самых ужасных конфликтах в мировой истории» [5, р. 208–209]. На тех же страницах содержатся, с одной стороны, призыв покончить с конфронтацией и «восстановить» отношения с Россией на основе «прямого и откровенного диалога», в частности по Украине и Сирии, с другой стороны, предостережение о необходимости проявлять бдительность перед лицом «заслуживающего критики режима», который якобы стремится разрушить Евросоюз.

Последний тезис имеет ключевое значение для понимания внешнеполитической «синтетической» концепции Э. Макрона. В упомянутой книге и в своих выступлениях в качестве главы государства он неоднократно подчеркивал, что считает Францию великой державой, которая должна вести независимую политику перед лицом таких «грандов», как США, Китай, Россия, Индия. Однако, поскольку ей все больше недостает собственного потенциала, реализовать свои державные амбиции она может только в рамках ЕС, который должен превратиться в мировой «центр силы». С точки зрения Макрона, ЕС является «продвинутым» региональным вариантом глобализации, которая носит объективный характер и будет продолжаться, несмотря ни на какие кризисы, хотя и потребует коррективов, особенно в социальной сфере. Углубление евроинтеграции, таким образом, гарантирует Франции достойное место в глобализирующемся мире и одновременно полноценное участие в «цифровой революции» и переменах в различных областях, связанных с разработками в области искусственного интеллекта. Как, однако, сочетать независимый курс с передачей всё большей части суверенитета наднациональным структурам ЕС остается не ясным.

В выступлении в Сорбонне в сентябре 2017 г. президент, отталкиваясь от данной концепции, представил амбициозную программу реформ в ЕС, по сути, нацеленную на трансформацию последнего в асимметричное федеративное образование. В ней предлагалось, например, продвигать евроинтеграцию прежде всего в рамках «твердого ядра» в виде «зоны евро» (и, таким образом, пойти по пути «двухскоростной Европы»). С этой целью учредить для нее общий бюджет и пост министра финансов, создать единый рынок цифровых технологий, ввести новые «европейские» налоги, в определенной степени унифицировать системы социальной защиты го-

сударств-членов, назначать евро-комиссаров и избирать евро-депутатов на транснациональной основе, а не от национальных государств, как сейчас, реанимировать планы создания автономной «европейской обороны». Хотя Франция и при предшественниках Э. Макрона все глубже втягивалась в интеграционный процесс, он в данном отношении существенно превзошел их.

Автор уже имел возможность более или менее детально проанализировать эти предложения в другой своей публикации [2]. В настоящей статье представляется целесообразным лишь подчеркнуть, что двигателем данных реформ, по Э. Макрону, должна быть франко-германская «ось», которую он призвал усилить и активизировать (в чем не преуспели Н. Саркози и Ф. Олланд). В этой связи он выдвинул инициативу заключить уже в январе 2018 г. «новый Елисейский договор» между двумя государствами взамен договора, заключенного в 1963 г. Ш. де Голлем и К. Аденауэром. Если старое соглашение олицетворяло, прежде всего, примирение между прежними врагами, то новое было бы направлено на их максимальное сближение. В экономической области Э. Макрон дополнил эту инициативу идеей полной интеграции Францией и Германией к 2024 г. своих рынков и перехода на единые правовые нормы и правила, регламентирующие деятельность предприятий¹. Столь сплоченная «ось», с учетом «Брекзита», экономической мощи Германии, геополитического и военного веса ядерной державы Франции, по определению была бы безусловной руководящей силой в ЕС. Похоже, расчеты Э. Макрона на возможность для Франции вести державную политику, опираясь на ресурсы объединения, основываются именно на этом. Однако подобная перспектива требует равноправного партнерства, опирающегося на со-относимость экономических потенциалов. Между тем германская экономика значительно превосходит французскую как количественно, так и качественно, и разрыв не прерастает увеличиваться.

В любом случае большинство предложений Э. Макрона повисло в воздухе. На поверхности главной причиной явились правительственный кризис и ослабление позиций А. Меркель в Германии после парламентских выборов в сентябре 2017 г. Не состоялся «новый Елисейский договор», не начались и переговоры о слиянии рынков двух стран. В апреле 2018 г. Э. Макрону удалось добиться от А. Меркель согласия на выработку «дорожной карты» углубления евроинтеграции. В июне 2018 г. в Мезеберге они достигли договоренности по вопросу о необходимости добиваться введения к 2021 г. общего бюджета «зоны евро» и продвижения идеи создания «европейского валютного фонда»². Однако при этом канцлер Германии не проявила большого энтузиазма. Конечно, германская экономика, доминирующая в ЕС, больше всех выигрывает от интеграционного сплочения, но у лидерства есть и своя обратная сторона. В моменты кризисов государствам — членам ЕС, главным образом Германии, приходится раскошеливаться, чтобы выправить ситуацию (самый яркий пример — Греция). Радикальные реформы, продвигаемые Э. Макроном, тоже имеют свою цену. Немцы опасаются, что именно им придется быть главными донорами, в то время как наибольшие политические дивиденды получит экономически более слабая Франция.

Кроме того, согласие на «общий бюджет» и «европейский валютный фонд» должны дать другие страны «зоны евро». В этой связи стоит напомнить, что в Австрии и Италии к власти пришли силы, которые, мягко говоря, без энтузиазма относятся к углублению евроинтеграции. В ряде других государств-членов, в том числе в Германии, большую активность проявляют «евро-скептические» движения. Есть они и во Франции. В первом туре президентских выборов кандидаты, выступавшие за ослабление зависимости Франции от ЕС (и НАТО), получили почти 50 % голосов. Идея «двухскоростной Европы» вызвала настороженность или откровенную враждебность стран, не входящих в «зону евро», в частности Польши и Венгрии. Неслучайно Э. Макрон в своем выступлении в Европейском парламенте 17 апреля 2018 г., говоря об этой ситуации, употребил термин «гражданская война»³. Конечно, это было эмоциональное преувеличение в духе латинского красноречия, но оно отразило явную обеспокоенность президента Франции отсутствием единства в ЕС по вопросу его будущего.

Более заметных результатов Э. Макрона добился в деле продвижения ЕС к автономной «европейской обороне». Он неоднократно указывал на необходимости для ЕС уменьшить зависи-

¹ Initiative pour l'Europe. Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique, publié le 26 Septembre 2017. — URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique/>

² Emmanuel Macron et Angela Merkel signent la déclaration de Meseberg pour réformer l'Europe // Ouest-France, 20 juin 2018, p. 1–2

³ Discours du Président de la République au Parlement européen, publié le 17 Avril 2018. — URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-au-parlement-europeen/>

мость от США в обеспечении своей безопасности. В выступлении в Сорбонне в сентябре 2017 г. президент предлагал, например, создать Общие силы вмешательства ЕС и выработать для них Общую стратегию, создать Европейскую разведывательную академию, а для начала — организовать стажировки офицеров армий ЕС во французских штабах⁴.

В ноябре 2017 г. — по инициативе Франции — 23 государства ЕС (из 28) договорились о присоединении к Постоянному структурированному сотрудничеству ЕС по вопросам обороны (PESCO), учрежденному Лиссабонским договором 2007 г. Именно эта структура должна заниматься вопросами «европейского оборонного строительства». Так же по инициативе Франции в ЕС был учрежден Фонд европейской обороны, который должен начать функционировать в 2019 г. после утверждения его Европарламентом. Первые два года его бюджет будет составлять 500 млн евро, в 2021 г. он должен увеличиться до 1–1,5 млрд. На практике, однако, в обоих случаях речь идет пока главным образом о налаживании кооперации в области разработки и производства вооружений в целях экономии средств [4, р. 461–465]. «Пионерами» здесь выступают Франция и Германия, которые договорились о совместных разработках новых типов танков и боевых самолетов.

Такая кооперация, однако, не равнозначна «европейской обороне», которая требует, как минимум, тесного сотрудничества вооруженных сил на основе соответствующих соглашений и структур, координирующих это сотрудничество. По максимуму необходимы объединенное командование, согласованная военная доктрина и стратегия, общие силы и инфраструктура для проведения тех или иных операций.

Проблема в том, что все это давно имеется у Североатлантического альянса, который связан с объединением ст. 28А Лиссабонского договора 2007 г. Согласно этой статье для государств ЕС, одновременно являющихся членами НАТО (25 из 28), Альянс является «фундаментом коллективной обороны и инстанцией по ее осуществлению». Изменение этой статьи требует единодушного одобрения всех членов ЕС, которое, с учетом очевидного пронатовского настроения ряда государств (Польша, прибалтийских государств, Нидерландов), вряд ли достижимо.

В этом контексте Э. Макрону вновь пришлось проявить талант «синтезатора». С одной стороны, выступая в августе 2017 г. на ежегодной конференции французских послов, он утверждал, что НАТО в любом случае остается «полезной» организацией, которой нужно придать «второе дыхание»⁵. На совместном заседании Национального собрания и Сената в июле 2018 г. президент также подчеркивал, что Франция «остается верной своим союзам»⁶. С другой стороны, в июне 2018 г. ему удалось добиться подписания девятью странами (кроме Франции): Бельгией, Великобританией, Германией, Голландией, Данией, Люксембургом, Испанией, Эстонией и Португалией протокола о намерениях, касающегося «европейской инициативы вмешательства». В соответствии с ним в Париже планируется создать небольшой орган, который будет заниматься вопросами стратегического прогнозирования и планирования, поддержки операций и изучения опыта в рамках военных миссий ЕС, в частности в Африке⁷. По замыслу Э. Макрона, это должно быть первым шагом на пути создания предложенных им Общих сил вмешательства.

В июне 2018 г. на упоминавшейся выше встрече в Мезеберге Э. Макрон и А. Меркель выступили с декларацией, в которой говорилось о необходимости для ЕС отказаться от принципа единогласия при голосовании вопросов безопасности. В ней также продвигалась идея создания Европейского совета безопасности (по образцу СБ ООН)⁸.

Таким образом, подвижки в данной области налицо, но получают ли они продолжение, с учетом сказанного выше, остается под вопросом.

Президент постарался компенсировать недостаток реального прогресса на евроинтеграционном направлении активностью на «державном» треке своей политики. В январе 2018 г. он

⁴ Initiative pour l'Europe — Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique, publié le 26 Septembre 2017. — URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique/>

⁵ Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs, publié le 29 Août 2017. — URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs/>

⁶ Discours du Président de la République devant le Parlement réuni en Congrès à Versailles, publié le 10 Juillet 2018. — URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-devant-le-parlement-reuni-en-congres-a-versailles/>

⁷ Initiative pour l'Europe. Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique, publié le 26 Septembre 2017. — URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique/>

⁸ Emmanuel Macron et Angela Merkel signent la déclaration de Meseberg pour réformer l'Europe // Ouest-France, 20 juin 2018, p. 1–2.

нанес визит в Китай, а в марте 2018 г. — в Индию. Помимо достижения взаимопонимания с руководством двух стран по таким важным вопросам, как, например, борьба с международным терроризмом или необходимость добиваться выполнения Парижских соглашений по климату, заключенных в ноябре 2015 г. и поставленных под вопрос Д. Трампом, были подписаны крупные контракты, в частности на поставку в Китай самолетов Airbus A320 на сумму в 18 млрд евро, строительство в Индии французской компанией «Орано» крупной атомной электростанции и поставки индийским ВВС французских многоцелевых самолетов «Рафаль». В геополитическом и военно-стратегическом плане предпочтение было отдано Индии, с которой были заключены соглашения о взаимном использовании военных баз в Индийском океане (со стороны Франции — на о-ве Реюньон, в Джибути и, возможно, в ОАЕ). Антикитайская направленность этих соглашений не вызывала сомнений. Намекая на совместные инфраструктурные проекты Китая и Пакистана, Э. Макрон заявил, что «новые варианты китайского Шелкового пути угрожают балансу сил в Индийском океане»⁹. Помимо игры на противоречиях двух держав в целях повышения собственного геополитического веса, Париж отреагировал таким образом на проникновение Китая в бывшие французские колониальные владения в Африке, особенно — открытие Китаем в августе 2017 г. военной базы в Джибути. Франция традиционно придает большое значение своему присутствию в регионе, реализуемому в том числе базой в Джибути, занимающей стратегическую позицию в Аденском заливе.

В апреле 2018 г. Э. Макрон совершил государственный визит в США. Как отмечалось выше, он полагает необходимым придерживаться «державного курса» и в отношениях с Америкой. При этом, однако, он всячески подчеркивал важность сохранения сложившихся связей с ней. В июле 2017 г. он пригласил Д. Трампа на празднование Дня взятия Бастилии в Париже, несмотря на весьма критическое отношение к американскому президенту неолиберальных кругов Франции. Во время визита в Вашингтон Э. Макрон рассчитывал, в частности, уговорить Д. Трампа не выходить из Парижских соглашений по климату и из «ядерной сделки» с Ираном (Совместный всеобъемлющий план действий), заключенной в 2015 г. Хотя оба лидера демонстрировали теплые отношения, планы Э. Макрона потерпели фиаско — как известно, США вышли из указанных соглашений. В более широком плане Д. Трамп, по сути, проигнорировал державные амбиции своего гостя. Между тем в интервью, которое Э. Макрон дал американскому телеканалу Fox News перед визитом, он утверждал, что его целью является «возвращение Франции ее величия», тем самым поставив себя в один ряд с Ш. де Голлем. Стоит также отметить, что, пытаясь понравиться американской аудитории, Э. Макрон повторил тезис, особенно популярный в правящих элитах в США и Великобритании: «Путин везде вмешивается — в Европе, в США — с целью ослабить нашу демократию»¹⁰.

Среди других направлений, на которых Э. Макрон стремился усилить «державную» политику, следует выделить Ближний Восток, особенно Ливию и Сирию. В частности, стабилизация ситуации в Ливии была объявлена им приоритетом французской внешней политики. Как известно, именно военная интервенция Франции вместе с Великобританией при поддержке США и ряда союзников по НАТО в 2011 г. явилась главной причиной нынешнего хаоса в этой стране и потока беженцев из нее в Европу. В феврале 2018 г. Э. Макрон выступил с открытой критикой данной акции, заявив об ответственности Евросоюза, НАТО и США за сложившуюся ситуацию¹¹. Французская дипломатия начала уделять повышенное внимание Ливии, как на многостороннем уровне (ООН, Лига арабских государств, группа стран Сахеля), так и на двустороннем. В мае 2018 г. в Париже удалось организовать международную конференцию по Ливии с участием лидеров противоборствующих ливийских группировок, на которой было достигнуто согласие о принятии в сентябре 2018 г. «конституционного документа» и проведении в декабре этого же года парламентских и президентских выборов¹².

Одной из целей «ливийского разворота», помимо утверждения влияния Франции в этой стране и уменьшения потока беженцев, является прекращение поступления оружия и исламистов из Ливии в Чад, Мали и другие страны Сахеля, где французские войска на протяжении ряда лет проводят операции («Сервал», «Бархан») против различных исламистских и сепара-

⁹ Delfranoux L. L'Inde: le grand jeu stratégique de Macron // Libération, 11 mars 2018, p. 1.

¹⁰ Macron sur Fox News: «Je suis là pour rendre à la France sa grandeur». Emmanuel Macron a répondu aux questions de Chris Wallace pour Fox News, dimanche 22 avril. — URL: <https://actu.orange.fr/societe/videos/macron-sur-fox-news-je-suis-la-pour-rendre-a-la-france-sa-grandeur-CNT0000011NLbq.html>

¹¹ A Tunis Macron critique l'intervention de l'OTAN en Libye en 2011 // Le Monde, 1 février 2018, p. 1.

¹² France Diplomatie, 21 août 2018, p. 1.

тистских группировок. Для Франции ее доминирующие позиции в этом регионе и в целом в бывших колониях на Юго-Западе Африки являются важнейшим фактором «державности», не говоря уже о значимости региона в снабжении бывшей метрополии нефтью, ураном, медной и железной рудой и другими видами стратегического сырья. Быстрое экономическое развитие ряда африканских стран в сочетании с ростом населения, превращающие их в привлекательные рынки, вызывает всё больший интерес французского капитала.

Э. Макрон попытался также вывести Францию из сирийского тупика, куда ее завела непримиримая позиция Ф. Олланда в отношении режима Б. Асада. С учетом груза прошлого на этом направлении новому президенту особенно понадобился талант «синтезатора». С одной стороны, он неоднократно подчеркивал, что для разрешения сирийского кризиса необходимо «вывести за скобки» в качестве предварительного условия уход Б. Асада от власти, поскольку это создало бы «вакуум власти» в стране, которым непременно воспользуются исламисты. Иначе говоря, Б. Асад должен остаться участником процесса урегулирования. На фоне беспрецедентной демонизации сирийского лидера неолиберальными кругами и подконтрольными им «мейстримовскими» СМИ Франции это был достаточно смелый шаг.

С другой стороны, Э. Макрон заявлял, что после урегулирования «преступный режим» нужно будет предать суду¹³. Более того, как известно, в апреле 2014 г. Франция под предлогом применения Дамаском химического оружия приняла участие в нанесении ударов, вместе с США и Великобританией, по якобы имевшимся «центрам производства и складирования» такого оружия на территории, контролируемой режимом. Вновь оставалось гадать, как при этом Париж рассчитывал привлечь режим к урегулированию на своих условиях.

Стремление Франции при Э. Макроне «вернуться» в Сирию в качестве более или менее весомого актора, а не просто «младшего партнера» США (хотя президент неоднократно призывал Вашингтон «не уходить» из этой страны) не вызывает сомнений. Оно проявилось, в частности, в предпринятой в сентябре 2017 г. инициативе Парижа по созданию «контактной группы по Сирии» с участием постоянных членов Совета Безопасности ООН (в том числе, естественно, России), а также Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Катара. Позже, в апреле 2018 г., Париж собрал «малую группу» в составе Франции, США, Великобритании, Германии, Саудовской Аравии и Иордании. Обе эти инициативы, вроде бы направленные на облегчение сирийского урегулирования, должны были обозначить альтернативу «астанинскому процессу» под эгидой России, Ирана и Турции. Но поскольку какого-то осязаемого успеха они не принесли, Франция сделала шаг в сторону сотрудничества с Россией. В июле 2018 г., в соответствии с договоренностью, достигнутой ранее на Петербургском международном экономическом форуме, обе страны совместно организовали доставку гуманитарной помощи в Восточную Гуту. С учетом отношения Запада к роли России в сирийском конфликте и отмеченной демонизации режима Б. Асада это был еще один смелый шаг. Французский исследователь И. Деланоз пишет, что «новации» президента в сирийской политике встретили сопротивление даже в МИД Франции [1, с. 12]. В нем давно утвердилось заидеологизированное видение данного конфликта («кровавый тиран истребляет собственный народ» и т. п.).

Усилившаяся идеологизация внешней политики и дипломатии западных государств после исчезновения СССР заслуживает отдельного рассмотрения. Применительно к Франции в данной статье представляется необходимым лишь отметить, что для ее дипломатии рубежом явилось назначение президентом Н. Саркози в 2007 г. на пост министра иностранных дел Б. Кушнера — одного из основателей известной международной организации «Врачи без границ». Как свидетельствуют французские эксперты, при нем специалисты по странам и проблемам начали вытесняться «идеологизированными либеральными универсалами» [6, р. 1]. Неформальным и весьма влиятельным советником министра стал «гуру» в области прав человека Б.-А. Леви, ратовавший за «право гуманитарного вмешательства» в дела других стран и в 1999 г. поддержавший натовские бомбардировки Югославии. Президент-социалист Ф. Олланд, пришедший к власти в 2012 г., поднял идеологизацию дипломатов и внешнеполитического курса страны на базе «либеральных ценностей» на еще более высокий уровень. Б.-А. Леви пользовался влиянием уже не только в МИДе, но и в президентской администрации.

Эти перемены вписывались в более широкую тенденцию — всё большую вовлеченность доминирующих фракций французских элит в неолиберальную глобализацию, прежде всего на

¹³ Discours du Président de la République à la conférence des Ambassadeurs, publiée le 27 Août 2018. — URL : <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs/>

уровне ЕС. Вместе с тем эти фракции поддерживали строительство глобального мирового неолитерального порядка во главе с США, а ряд их видных представителей вошли в мировую транснациональную элиту [7, р. 76–77]. Закономерно, что именно в данной среде наиболее сильны евро-атлантические настроения. «Брекзит», приход к власти в США Д. Трампа, олицетворяющего своего рода «новый американский национализм», вызвали среди неолитералов Франции, как в других западных странах, растерянность, но вряд ли поколебали их установки. Россию они всегда воспринимали прежде всего как угрозу неолитеральному порядку, а ее действия в отношении Грузии, Украины, Сирии — как прямой вызов последнему.

Сказанное помогает лучше понять тот контекст, в котором Э. Макрон выстраивает свою политику в отношении России. Как показано выше, он разделяет неолитеральные и евро-атлантические установки, но в то же время пытается сочетать их с элементами голлистской традиции, которой привержены многие французы. Свойственный ему прагматизм (французские эксперты предпочитают термин «реализм») толкает его в сторону сотрудничества с Россией. «Брекзит», «односторонность» в международной политике Д. Трампа, которой Э. Макрон противопоставляет необходимость «многосторонности», разрыв в экономической мощи с Германией — всё это побуждает его видеть в России элемент «европейского равновесия» и «многосторонности». Неслучайно, выступая в октябре 2017 г. в Совете Европы, он призвал Россию оставаться в «нашем общем доме», который символизирует эта организация¹⁴.

В своей речи на конференции французских послов в августе 2018 г. Э. Макрон пошел значительно дальше. Подчеркнув, что ЕС не может больше зависеть в вопросах безопасности от США, он заявил о необходимости «переосмыслить» архитектуру европейской безопасности и обороны, в том числе наладить диалог с Россией по вопросам территориальных конфликтов, неядерных вооружений, безопасности в космосе, химического оружия, кибербезопасности, охраны окружающей среды в Арктике. Более того, Франции, по его словам, нужно выстраивать с Россией (а также с Турцией) отношения стратегического партнерства в интересах всего континента. В этой связи президент выдвинул концепцию «Европы нескольких концентрических кругов». Самый широкий из них представлен 47 государствами — членами Совета Европы, в том числе Россией¹⁵. Иначе говоря, Э. Макрон обратился к идее Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, которая вновь приобретает определенную популярность во многих странах ЕС.

Буквально сразу после своего избрания Э. Макрон пригласил В. Путина в Версаль — символ французского величия, где постарался продемонстрировать «диалог с позиций твердости», в частности, по Украине и Сирии. Вместе с тем Э. Макрон подтвердил приверженность формату «нормандской четверки». На встрече была достигнута договоренность о создании гражданского форума «Трианонский диалог» для поощрения двусторонних связей в различных общественных сферах (сопредседателем с российской стороны является ректор МГИМО А. Торкунов, с французской — посол П. Морель). Контакты двух лидеров с тех пор стали регулярными. В мае 2018 г. Э. Макрон принял участие в Петербургском международном экономическом форуме, где было подписано более пятидесяти соглашений о сотрудничестве в различных областях и принято упоминавшееся выше решение о координации действий в гуманитарной сфере в Сирии. Довольно быстро восстанавливается экономическое взаимодействие двух стран, которому был нанесен ущерб при Ф. Олланде. Э. Макрон, как известно, приезжал на чемпионат мира по футболу, состоявшийся в июне—июле 2018 г. в России, несмотря на призывы Великобритании бойкотировать его в связи с «делом Скрипалей». В ходе этого визита состоялась его встреча с В. Путиным.

Вместе с тем Э. Макрон не забывал время от времени демонстрировать «евроатлантическую солидарность», как это было в случаях с нанесением ударов по мнимым центрам производства и складирования химического оружия в Сирии или высылки российских дипломатов из Франции в апреле 2018 г. в связи с «делом Скрипалей». Он неоднократно говорил о необходимости для ЕС противостоять влиянию России на Балканах. Впрочем, у Парижа есть и собственные мотивы для демонстрации недовольства Москве. Французские военные рассматривают появление российских военных баз в Сирии как потенциальную угрозу своим стратегическим ин-

¹⁴ Déclaration conjointe du Président de la République Emmanuel Macron avec le Secrétaire Général du Conseil de l'Europe, Thorbjørn Jagland, publiée le 31 Octobre 2017. — URL : <http://www.elysee.fr/declarations/article/declaration-conjointe-du-president-de-la-republique-emmanuel-macron-avec-le-secretaire-general-du-conseil-de-l-europe-thorbjorn-jagland/>

¹⁵ Discours du Président de la République à la conférence des Ambassadeurs, publiée le 27 Août 2018. — URL : <http://www.elisee.fr/declaration/article/-discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs/>

тересам в этом районе Средиземноморья. Активизация российской политики на африканском континенте, особенно в его юго-западной части (например, в ЦАР, Мали), которую Франция привыкла считать своим «задним двором», также вызывает раздражение Парижа.

В целом же факторы, побуждающие к сотрудничеству с Россией, очевидно перевешивают. Как представляется, оно будет продолжаться в рамках диалектики «державность — евроатлантическая солидарность», несмотря на давление извне, прежде всего со стороны США, Великобритании, и изнутри, со стороны французских неолиберальных «евроатлантических» кругов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деланоэ И. Сирия: какая роль у государств, не принадлежащих к региону Ближнего Востока // Актуальные проблемы Европы. — 2018. — № 4.
2. Чернега В. Н. Франция и Россия в эпоху Э. Макрона: возможно ли реальное сближение? // Россия и современный мир. — 2018. — № 1. — С. 113–135.
3. Attali J. Du danger d'humilier la Russie // Le Monde, 8 avril 1999, p. 6.
4. Dumoulin A., Gros-Verheyde N. La politique européenne de sécurité et de défense commune. — Paris; Bruxelles: Editions du Villard, 2017. — 490 p.
5. Macron E. Révolution. — Paris: XO Editions, 2016. — 270 p.
6. Pichon F. Syrie. Pourquoi l'Occident s'est trompé. — Paris: Editions du Rocher, 2015. — 148 p.
7. Rothkopf D. La caste. Les nouvelles élites et le monde, qu'elles nous préparent. — Paris: Editions Laffont, 2009. — 330 p.

VLADIMIR CHERNEGA

Foreign Policy Course of Emmanuel Macron: Between “Great Power Policy” and Euro-Atlanticism

Vladimir Chernega, Doctor Habilitated (in Law);
Leading Researcher, Institute of Scientific Information
on Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences;
Extraordinary and Plenipotentiary Envoy.
E-mail: vladimir.tchernega@free.fr

Summary. The article considers the foreign policy course of France under Emmanuel Macron. The desire of the new president to conduct a “great power policy”, i.e. more independent policy vis-a-vis main world actors, introduce into it more elements of realism and flexibility is noted. At the same time, attempts to intensify the process of deepening euro-integration, the line for preserving co-operation within the framework of the NATO are showed. The impact of this contradiction on French-Russian relations is analyzed. The prospects of these relations are predicted.

Keywords: foreign policy course, “great power policy”, realism, flexibility, euro-atlanticism, French-Russian relations.

REFERENCES

- Attali J. Du danger d'humilier la Russie. *Le Monde*, 8 avril 1999, p. 6.
- Chernega V. Frantsiya i Rossiya v epokhu E. Makrona: vozmozno li real'noye sblizheniye? [France and Russia in the Era of E. Macron: a Real Rapprochement is It Possible?]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 2018. No. 1. P. 113–135.

- Delanoe I. Siriya: kakaya rol' u gosudarstv, ne prinadlezhashchikh k regionu Blizhnego Vostoka [Syria: what Role for non-Middle Eastern Powers?]. *Aktual'nyye problemy Yevropy*. 2018. № 4.
- Dumoulin A., Gros-Verheyde N. *La politique européen de sécurité et de défense commune*. Paris; Bruxelles: Editions du Villard, 2017. 490 p.
- Macron E. *Révolution*. Paris: XO Editions, 2016. 270 p.
- Pichon F. *Syrie. Pourquoi l'Occident s'est trompé*. Paris: Editions du Rocher, 2015. 148 p.
- Rothkopf D. *La caste. Les nouvelles élites et le monde, qu'elles nous préparent*. Paris: Editions Laffont, 2009. 330 p.

ЕВРАЗИЙСКИЕ ПЕРЕКРЕСТКИ

И. Г. ЧУБАРОВ

Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс, один путь» *

Илья Георгиевич Чубаров, канд. геогр. наук,
ст. науч. сотр. Института Дальнего Востока РАН.
E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Аннотация. В данной статье предпринята попытка выйти за рамки распространенного представления о китайской стратегии «Один пояс, один путь» (ОПОП) как наборе евроазиатских логистических коридоров и привязанных к ним инвестиционных и транспортных проектов. Анализ содержания пяти выдвинутых «интеграционных направлений» (внешнеполитического, инфраструктурного, торгово-экономического, финансового и гуманитарного) и практики работы китайского правительства показывает, что ОПОП представляет собой комплекс разнородных мероприятий по сопровождению выхода китайских коммерческих фирм на лидирующие позиции в самых разных отраслях мировой экономики. Продвижение «национальных чемпионов» вверх по цепочкам добавленной стоимости является необходимым условием закрепления Китая в ядре мирового хозяйства. Арена действий – страны периферии и полупериферии («страны пояса и пути»), где Китай в рамках ОПОП постепенно теснит корпорации развитых стран. Кроме этого, самостоятельную значимость для народа и руководства имеет укрепление статуса Китая в глазах международного сообщества и формирование имиджа великой державы. Рассмотрение ОПОП как следующего, закономерного этапа политики внешнеэкономической открытости Китая на новом витке глобализации и одновременно самоценного инструмента восстановления престижа страны на мировой арене позволяет более точно определить целеполагание китайской стороны при реализации совместных проектов.

Ключевые слова: Китай, «Один пояс, один путь», глобализация.

Китайский народ, вооруженный всеми производительными силами, необходимыми для дальнейшего внутреннего развития своей страны, может отвернуться от своих цивилизаторов: выбившись из-под промышленной опеки, он вытеснит их со своего рынка, захватит в свои руки зарубежные рынки и возьмет на себя задачу развития отстающих частей земного шара.

Джон Гобсон. Империализм (1902 г.)

В 2018 г. Китай отмечает 40 лет с начала реформ и открытости, в ходе которых произошел относительно безболезненный переход от плановой системы советского образца к регулируемой многоукладной рыночной модели смешанного типа. Претворение в жизнь градуалистских рыночно-ориентированных реформ привело к существенному повышению уровня жизни всего населения и формированию мощнейшей производственной базы, что можно считать основными критериями успеха. Несмотря на признание в 2013 г. решающей роли

* Исследование проведено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых ученых – кандидатов наук № МК-2007.2017.6.

рынка, важнейшей характеристикой «китайской модели» было и остается сохранение государственного планирования и сильные позиции госсобственности во многих отраслях (подробнее о китайской модели и ходе реформ см.: [1; 2; 7]). Исходя из этого, закономерности отраслевого и территориального развития Китая невозможно выявить, опираясь исключительно на анализ рыночных факторов конкурентоспособности, без учета государственной политики и механизмов её реализации [23].

Аналогичная конфигурация в последние годы отчетливо вырисовывается и во внешнеэкономической деятельности. Стремительное увеличение объема внешних связей Китая демонстрирует признаки перехода в новое качество. Если в первые десятилетия реформ усилия правительства были почти полностью сосредоточены на привлечении в страну иностранных инвестиций, то в последние годы, в связи с концентрацией капитала внутри страны и закономерным увеличением китайского коммерческого присутствия за рубежом, административное руководство всех уровней всё больше внимания уделяет содействию заграничной деятельности местных фирм.

Руководство Китая ещё в начале 1990-х гг. начало обсуждать выход китайских фирм на зарубежные рынки, а оформленный вид и название «выход вовне» (*цзоу чу цюй*) этот курс приобрел в середине 2000-х гг. В то время казалось, что инициатива явно опережала реальные возможности и потребности, но за прошедшие годы вынос производства за границу получил солидную экономическую основу. «Национальные чемпионы» (*лунтоу ци'е* — дословно, «голова дракона») — крупные китайские производственные, строительно-подрядные и финансовые корпорации, как государственные, так и частные, — за счет работы на внутреннем рынке накопили значительный объем средств и достигли технологического и управленческого уровня, позволившего начать самостоятельную работу на иностранных рынках. Рост оплаты труда, сокращение численности трудоспособного населения, повышение себестоимости производства, насыщение рынка госзаказа в сфере инфраструктуры в Китае создали условия не просто для экспорта товаров, а для переноса за рубеж части или всей экспортно-ориентированной производственной цепочки.

Стратегической реакцией на появление новых возможностей стала предложенная Китаем в 2013 г. инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП, англ. Belt and Road Initiative, BRI). В 2017 г. положение о создании ОПОП вошло в устав правящей партии. В зарубежной прессе и профессиональном сообществе распространено понимание ОПОП как транспортно-логистической программы строительства связывающих государства Евразии торговых путей и интегрированных с ними инвестиционных проектов. Такой акцент обусловлен рядом факторов — прежде всего, широко растиражированными технологическими успехами Китая в этой области, а также выбранным названием с отсылкой к транспортным путям. Немаловажно и словоупотребление: китайский глагол *цзяньшиэ*, используемый в официальных документах по ОПОП, обычно дословно переводится как «строить», в то время как в контексте обсуждения государственной программы больше подходит другое значение — «создавать», «созидать», «формировать». Однако цели международного курса Китая явно шире — на официальном уровне говорится о «великом возрождении китайской нации» и «движении к центру мировой сцены»¹. Поэтому и многие эксперты приходят к выводу, что «прокладка транспортных артерий не является главной целью [ОПОП]» [11, с. 6].

После первого упоминания ОПОП в 2013 г. основные положения и формулировки «шлифовались» около пяти лет и были опубликованы двумя официальными изданиями [14; 16]. Представление о практике ОПОП можно получить из опубликованных в мае 2017 г. «Списка достижений ОПОП»² и совместного коммюнике Форума «Пояса и пути»³, материалов официального сайта «Один пояс, один путь» (<https://www.yidaiyilu.gov.cn/>, ведется Канцелярией малой руководящей группы по делам ОПОП), крупномасштабного 6-серийного документального фильма центрального телевидения «Пояс и путь» (2016)⁴, телепрограммы «Расшифровывая ОПОП» (2016—

¹ China Moving Closer to Global Center Stage in the New Era // China Today, Vol. 66, No. 12, December 2017.

² «И дай и лу» гоцзи хэцзо гаофэн луньтань чэнго циндань (цюань вэнь) [Список результатов международного Форума «Один пояс, один путь»] // Официальный сайт МИД КНР. — 2017. 16 мая — URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1461873.shtml>

³ Совместное коммюнике по итогам круглого стола лидеров в рамках международного Форума «Один пояс, один путь» // Официальный сайт Президента РФ. — 2017. 15 мая — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5188>

⁴ *И дай и лу* (The Belt and Road) // Сайт онлайн-кинотеатра iQiyi. — URL: http://www.iqiyi.com/a_19rrh9qrm9.html

2018 гг.)⁵, документального кинофильма «Великолепный Китай» (2018 г.)⁶, данных с регулярных мероприятий Пресс-канцелярии Госсовета КНР, в том числе пресс-конференции в честь 5-летия ОПОП в 2018 г.⁷, выступлений китайских руководителей на различных площадках и др.

Каркасом ОПОП, согласно этим материалам, являются «пять интеграционных направлений» (*у тун*):

- внешнеполитическое (*чжэнцэ гоутун*, дословно «координация политических курсов»);
- инфраструктурное (*шэши лянътун*, «взаимосвязь инфраструктуры»);
- торгово-инвестиционное (*маои чантун*, «бесперебойная торговля»);
- финансовое (*цзыцзинь жунтун*, «свободное передвижение капитала»);
- гуманитарное, или «мягкая сила» (*миньсинь сянтун*, «укрепление близости народов»).

Объектом ОПОП являются «страны пояса и пути» (*яньсянь гоцзя*), в число которых, согласно различным официальным и экспертным источникам, входят от 40 до 60 и более стран Азии, Африки и Восточной Европы. В последнее время «страны “Пояса и пути”» в расширенном виде трактуются как весь развивающийся мир, что позволяет рассматривать их как периферию и полупериферию мирового хозяйства целиком, без жесткой географической привязки [19].

ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Торгово-инвестиционное направление ОПОП является стержнем всей стратегии и представляет собой комплекс мер по активизации и поддержке самостоятельных торговых, инвестиционных и производственных проектов китайских компаний за рубежом.

Согласно данным ЮНКТАД (World Investment Report 2018), за 2000–2017 гг. доля КНР в мировых накопленных ПИИ выросла с 0,4 до 4,8 %, а их общий объем превысил 1,4 трлн долл. (без Гонконга). По оценкам, за 2015–2020 гг. они вырастут еще как минимум на 500 млрд долл.⁸, а объем иностранных активов под китайским контролем возрастет с нынешних 6,5 до 20 трлн долл.⁹ Выделяют четыре основных направления инвестирования Китая за рубеж: получение доступа к современным технологиям (покупка существующих фирм), к сырьевым ресурсам (разработка месторождений), к дешевой рабочей силе (перенос трудоемких производственных звеньев) и к местному рынку (создание сбытовых и сервисных подразделений) [15].

Используя свои конкурентные преимущества (в первую очередь капитал и технологии), Китай руками частных и государственных компаний постепенно разворачивает индустриализацию менее развитых регионов мира. Быстрее всего этот процесс идет в Юго-Восточной Азии, Африке и Пакистане. Дешевая рабочая сила и хорошие политические отношения создают условия для переноса туда трудоемких производств, малорентабельных в самом Китае. К примеру, среди африканских стран лидером в привлечении китайских производственных инвестиций является Эфиопия, где эксперты насчитывают более 400 реализованных китайских промышленных проектов. Примером поощряемой Китаем модели является шэньчжэньская компания «Чуань Инь» (Transsion). Компания производит мобильные телефоны под брендами Itel и Tecno, за последние пять лет они были выведены на лидирующее место на африканском рынке (38 % в 2016 г.). В 2011 г. компания локализовала производство в Эфиопии и готовит к открытию вторую фабрику в Нигерии. Общее число местных сотрудников превышает 4 тыс.¹⁰

Получила широкое распространение модель «совместного выхода» за границу нескольких

⁵ *Цзема и дай и лу* (Decoding the BRI) // Сайт онлайн-кинотеатра iQiyi. — URL: http://www.iqiyi.com/a_19rrham3l5.html

⁶ *Лихай лэ, во дэ го* (Amazing China) // Сайт онлайн-кинотеатра iQiyi. — URL: http://www.iqiyi.com/lib/m_216901214.htm

⁷ URL: Госиньбань цзюйсин гунцзянь «И дай и лу» 5 нянь цзиньчжань цинкуан цзи чжаньван фабухуй [Пресс-канцелярия Госсовета провела пресс-конференцию, посвященную развитию за 5 лет и дальнейшим перспективам совместного построения ОПОП] // Официальный сайт Госсовета КНР. 27.08.2018. — URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/xwfbh/wqfbh/37601/38866/wz38868/Document/1636162/1636162.htm>

⁸ Chinese President's Speech at Boao Forum for Asia // Синьхуаван [Интернет-сайт ИА «Синьхуа»]. — 2015. 28 марта — URL: http://news.xinhuanet.com/english/2015-03/29/c_134106145.htm

⁹ China to Become One of World's Biggest Overseas Investors by 2020 // Financial Times, June 26, 2015. — URL: <https://www.ft.com/content/5136953a-1b3d-11e5-8201-cbdb03d71480>

¹⁰ Transsion, the King of Mobile Phone in Africa Makes a Fortune in Low-profile // Pandaily, October 19, 2017. — URL: <https://pandaily.com/transsion-king-mobile-phone-africa-makes-fortune-low-profile/>

предприятий-смежников через создание промышленного парка. Совместный промпарк обладает рядом преимуществ: государственное финансирование, официальный межгосударственный статус (внимание со стороны принимающих властей и льготный административный режим), экономия за счет коллективного пользования сопутствующей инфраструктурой (гостиницы, конференц-залы, переводческие, юридические, бухгалтерские услуги, найм персонала и т. п.). Есть выгоды и для принимающей стороны — «одно окно» для общения с китайскими предприятиями и возможность воздействия по межгосударственным каналам. В отдельных случаях китайские предприятия в промпарках ради снижения конкуренции с местными производствами и купирования социальной напряженности работают только на экспорт. За пять лет с начала ОПОП Китаем за рубежом было создано 82 таких парка, в которых разместилось почти 4 тыс. предприятий. За время своей работы они уплатили в казну принимающих стран 2 млрд долл. налогов и создали 244 тыс. рабочих мест.

Важным, но относительно малоизвестным механизмом содействия продвижению китайских предприятий за рубеж является государственная Китайская экспортно-кредитная страховая корпорация (Sinasure). По данным на конец 2017 г., за годы своей деятельности (создана в 2001 г.) Sinasure застраховала торговые и инвестиционные операции 110 тыс. китайских компаний общей суммой более 3,3 трлн долл. США и выплатила им 11 млрд долл. компенсаций по страховым случаям¹¹. Корпорация не получает операционной прибыли, но при сопровождении сделок специалисты Sinasure накапливают уникальный по объему опыт работы на зарубежных рынках. Это позволяет оказывать квалифицированную аналитическую, правовую и консультационную поддержку обращающимся клиентам (например, по работе с иностранным госзаказом), многие из которых не имеют опыта работы за рубежом. За годы работы специалисты Sinasure сопроводили более 1 000 инвестиционных проектов китайских фирм в 62 странах, на основании чего издают ежегодный справочник зарубежных коммерческих рисков.

Китайское правительство не только стимулирует иностранные инвестиции своих фирм. Несколько неудачных примеров наглядно продемонстрировали не всегда удовлетворительный уровень компетенций китайских предпринимателей при ведении бизнеса за границей и их способности ответственно распорядиться заработанным на внутреннем рынке капиталом. Одним из наиболее показательных можно считать пример компании «Лэ Ши» («LeEco»). Начав в 2004 г. с успешного на внутреннем рынке онлайн-кинотеатра, через 10 лет компания попыталась одновременно выйти на американский и европейский рынки смартфонов, а также запустила проекты в ряде других популярных отраслей. Однако потраченные инвестиции не принесли результата, закрепиться на иностранных рынках не удалось, в результате фирма оказалась на грани банкротства. Начиная с 2016 г. китайское правительство значительно ужесточило контроль исходящих инвестиций в ряде отраслей.

Слабым местом Китая являются торговые марки (бренды). Благодаря формированию устойчивых символических ассоциаций и неформальных репутационных привязанностей бренд повышает лояльность клиентов и позволяет повысить прибыльность реализации аналогичной продукции. Стоимость бренда зачастую не привязана к товару, а отражает его известность и уровень доверия потребителей и профессионального сообщества. Большое число всемирно известных брендов — одно из важных экономических преимуществ развитых стран.

В Китае относительная закрытость внутреннего рынка позволила сформироваться большому числу успешных брендов почти в каждой товарной или сервисной группе. Однако за исключением фирм «Леново» и «Хуавэй», занимающих, соответственно, 100-е и 70-е места в рейтинге самых дорогих брендов, остальные китайские торговые марки малоизвестны за рубежом¹². Международным китайским компаниям мешает отсутствие глобальной маркетинговой стратегии, погоня за краткосрочными интересами, недостаток собственных квалифицированных кадров и понимания у топ-менеджмента значимости выстраивания бренда¹³. Негативную роль играет и слабая защита интеллектуальной собственности на внутреннем рынке.

Чтобы догнать лидеров, китайские компании развивают собственные бренды и покупают уже существующие. В рамках ОПОП Китай прикладывает усилия для формирования глобального маркетингового охвата «национальных чемпионов». Как одну из мер в этом направлении

¹¹ Corporate Profile. Официальный сайт «China Export and Credit Insurance Corporation». — URL: <http://www.sinasure.com.cn/en/Sinasure/Profile/index.shtml>

¹² Best Global Brands 2017 Rankings // Interbrand. — URL: <http://interbrand.com/best-brands/best-global-brands/2017/ranking/>

¹³ What Chinese Brands Must Do to Go Global // China Daily, May 17, 2018. — URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201805/17/WS5afce3bfa3103f6866ee8f1d.html>

Центральное телевидение в конце 2016 г. запустило на общенациональном уровне проект «Национальная программа торговых марок» (*гоцзя пиньпай цзихуа*). Были отобраны 45 лидирующих компаний различных потребительских отраслей. При помощи своих медийных ресурсов ЦТ популяризирует их бренды и помогает выстраивать маркетинговую стратегию за рубежом. С 2017 г. ежегодно проводится национальный «День бренда», призванный повысить грамотность предпринимателей в этом аспекте ведения бизнеса. К нему приурочена выставка китайских брендов в Шанхае (впервые состоялась в мае 2018 г.).

Растущая международная активность китайских компаний закономерно подтверждается статистикой заявок на регистрацию торговых марок. По данным агентства CompuMark, в период 2012–2017 гг. число заявок на регистрацию торговых марок, поданных китайскими компаниями в остальных странах мира, выросло с 40 до 120 тыс. Три главных региона, где китайские компании стремятся зарегистрировать свои торговые марки, – Северная Америка, Европа и крупные соседние страны (Япония, Корея, Индия, Малайзия, Таиланд). 30 % всех заявок составляют торговые марки в сфере электроники и телекоммуникаций, 25 % – одежда, обувь и бижутерия, 20 % – бытовая техника и инструменты [21]. Показательно, что это те отрасли, в которых китайская продукция доминирует на мировом рынке и созрели предпосылки формирования глобальных брендов.

Помимо развития своих брендов, китайские компании при содействии государства (переговорная поддержка, льготные кредиты и др.) приобретают уже состоявшиеся зарубежные бренды (см. Табл.). Наиболее показательными сделками стали покупка компаний «Леново» американских брендов IBM (2005 г., 1,8 млрд долл.) и Motorola (2014 г., 2,9 млрд долл.), компанией «Хайер» – бренда General Electric Appliances (2016 г., 5,4 млрд долл.), компанией «Цили» – бренда Volvo (2010 г., 1,3 млрд долл.), компанией «Шуанхуэй» – бренда Smithfield (2013 г., 4,7 млрд долл.), компанией ChemChina – бренда Pirelli (2016 г., 7,6 млрд долл.). Китайские компании покупают бренды своих прямых конкурентов и в дальнейшем развивают их с привлечением собственных ресурсов.

Таблица

Крупнейшие сделки по покупке зарубежных компаний и брендов

Компания и страна происхождения	Отрасль	Покупатель	Стоимость, млрд долл. США	Год приобретения
Pirelli (Италия)	Автошины	ChemChina	7,6	2016
General Electric Appliances (США)	Бытовая техника	Haier	5,4	2016
KUKA (Германия)	Промышленные роботы	Midea	5,1	2016
Smithfield (США)	Мясные продукты	Shuanghui	4,7	2013
Motorola (США)	Мобильные телефоны	Lenovo	2,9	2014
Volvo (Швеция)	Автомобили	Geely	1,3	2010
IBM (США)	ПК	Lenovo	1,8	2005
Toshiba (Япония)	Бытовая техника	Midea	0,5	2016

Составлено автором по данным СМИ.

«ФИНАНСОВАЯ ИНТЕГРАЦИЯ»

Облегчить китайскому капиталу проникновение на зарубежные рынки призвана «финансовая интеграция» ОПОП. Для полноценного участия в мирохозяйственных связях Китай стремится к изменению глобальной валютно-финансовой инфраструктуры. Эксперты, в частности, отмечают, что «занятие доминантных позиций в многосторонних банках развития открывает широкие возможности реализовывать национальные интересы» [10, с. 81]. В силу этого Китай последовательно выступает за увеличение квоты развивающихся стран в международных финансовых организациях, которые в настоящее время контролируются субъектами центра мирового хозяйства. Доля КНР в мировой экономике уже превысила 15 %, однако даже после

последних раундов пересчета доля его голосов в МВФ составляет лишь 6,41 %, а во Всемирном банке — 4,57 %, что меньше, чем у США и Японии.

Столкнувшись в последние годы с нежеланием поделиться контролем за системообразующими финансовыми институтами, Китай создал новые каналы международного финансирования — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) со штаб-квартирой в Пекине (уставный капитал 100 млрд долл., доля КНР 26,6 %) и Новый банк развития (НБР) со штаб-квартирой в Шанхае (уставный капитал 50 млрд, доля КНР 20 %). Их деятельность призвана оказать давление на традиционные многосторонние банки развития в направлении реформирования структуры управления, операционных правил и инвестиционных приоритетов [10]. Находящиеся под контролем КНР международные финансовые институты мультиплицируют имеющиеся в ее распоряжении финансовые рычаги. На один вложенный Китаем доллар другие участники добавляют ещё 3–4, при этом по отдельности их вес мал, что оставляет право итогового решения Китаю. Объем проинвестированных АБИИ средств по данным на середину 2018 г. составил 5,2 млрд, НБР — 4,9 млрд долл. США.

Помимо многосторонних финансовых институтов, Китай создает совместные инвестиционные фонды для работы с отдельными странами. Например, Российско-китайский инвестиционный фонд распоряжается капиталом в 2 млрд долл. в равных долях от РФ и КНР, китайско-бразильский фонд — 20 млрд (доля КНР — 75 %), совместный фонд с ОАЭ — 10 млрд и т. д. В эту же категорию можно отнести созданные в 2007 г. Китайско-африканский фонд развития и в 2015 г. Китайско-африканский фонд промышленного сотрудничества (оба с капиталом 10 млрд долл. и долей КНР в 100 %). По ряду оценок объем капитала, который Китай реализует на внешних рынках через свои институты развития (Государственный банк развития и Экспортно-импортный банк Китая), уже превысил аналогичные показатели МВФ и Всемирного банка.¹⁴

Параллельно с развитием альтернативных каналов международного финансирования Китай прилагает усилия для интернационализации юаня. Помимо очевидной имиджевой составляющей, основная цель заключается в устранении сложностей реализации зарубежных проектов, связанных с выводом полученных в местной валюте средств, потерями на колебаниях обменного курса (наиболее актуально для долгосрочных проектов в слаборазвитых странах) и трудностями с получением займов на китайском финансовом рынке под залог иностранных активов. Для этого Китай, опираясь на большой объем накопленных валютных резервов, активно продвигает использование юаней на финансируемых зарубежных проектах, выпускает юаневые займы с выгодной ставкой и прикладывает усилия по переводу на юани деятельности совместных индустриальных парков за рубежом. Для облегчения кредитования в юанях иностранными банками Китай расширяет охват валютных свопов и число клиринговых центров. В 2015 г. была запущена межбанковская платежная система CIPS (Cross-Border Interbank Payment System), в которой участвуют 11 иностранных банков (в их числе российский ВТБ).

Успехом на этом направлении стало включение в 2016 г. китайского юаня в корзину специальных прав заимствования МВФ (вес — 10,92 %), что стало подтверждением его значимой роли и свободного обращения в международной торговле. Тем не менее доля юаня в структуре международных платежей и резервов пока не превышает 2–3 %. Другим свидетельством усиления роли Китая в мировой финансовой системе является развитие платежных систем UnionPay, AliPay и WeChatPay как альтернативы Visa и MasterCard в развивающихся странах¹⁵, создание международных рейтинговых агентств (в частности, Chengxin Credit Ratings, Lianhe Credit Rating и Dagong Global Credit) и выход китайских банков за рубеж. По данным на середину 2018 г., в общей сложности 11 банков с китайским капиталом открыли за рубежом 71 филиал.

Приведенные факты свидетельствуют, что в рамках ОПОП Пекин ведет курс на выстраивание китаецентричной системы международных правил, норм и институтов [9]. Путем предоставления «странам «Пояса и пути»» альтернативно развитым странам и контролируемым ими международным институтам целевого и политического финансирования Китай создает условия для успешного выхода своих частных и государственных компаний на зарубежные рынки.

¹⁴ China's Growing Clout in International Economic Affairs // The Economist, March 23, 2017. — URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2017/03/23/chinas-growing-clout-in-international-economic-affairs>

¹⁵ China's Fight with Visa and MasterCard Goes Global // Financial Times, April 24, 2017. — URL: <https://www.ft.com/content/a67350fa-1f6f-11e7-a454-ab04428977f9>

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Внешнеполитическое направление призвано поддерживать зарубежные китайские коммерческие проекты с помощью межправительственных и дипломатических механизмов. Крупнейшим мероприятием стал пекинский Форум «Пояса и пути» в 2017 г., в котором приняли участие представители 130 стран и 70 международных организаций. На двусторонней основе Китай к середине 2018 г. заключил 118 соглашений в рамках ОПОП с 103 государствами и международными организациями, в том числе с Россией (ЕАЭС).

Одной из главных задач является борьба с протекционизмом. В знаковом выступлении на экономическом форуме в Давосе в 2017 г. Си Цзиньпин охарактеризовал ОПОП как «китайский способ защитить открытость мировой экономики»¹⁶. Общеизвестно, что Китай является одним из главных выгодоприобретателей современного этапа экономической глобализации, он «успешно приспособился к американской модели глобализации и не заинтересован в дроблении и кластеризации единого мирового рынка» [17, с. 21]. К настоящему времени Китай имеет соглашения о свободной торговле с 24 странами (Австралия, Республика Корея, Швейцария, Исландия, Коста-Рика, Перу, Сингапур, Чили, Пакистан, Грузия, Мальдивы и 10 стран АСЕАН), из них 13 заключены за последние 5 лет. Вкладу Китая в либерализацию международного торгово-инвестиционного режима посвящена опубликованная пресс-канцелярией Госсовета КНР «белая книга» «Китай и ВТО»¹⁷. При этом доступ иностранных компаний на внутренний рынок Китая по-прежнему затруднителен. В ответ на связанные с этим недовольства зарубежных партнеров в середине 2018 г. Китай объявил о наращивании импорта, в рамках чего среди прочего организована первая Китайская международная ярмарка импорта (ноябрь 2018 г.)¹⁸.

Борясь с протекционизмом, в начале 2018 г. Китай выдвинул идею создать международные арбитражные центры на своей территории. На первом этапе объявлено о создании двух «международных коммерческих судов», которые будут располагаться в Шэньчжэне и Сиане. Международный арбитраж открылся в 2018 г. в Хайкоу (пров. Хайнань). Такой подход несет потенциал коренной трансформации международной правовой системы, основой которой в настоящее время являются английский язык и западные правовые нормы.

Принципиальной чертой политической координации в рамках ОПОП является отсутствие требований политико-идеологического характера. В отличие от западных стран, китайское руководство считает, что каждая страна имеет право на подходящую местным условиям общественную модель¹⁹. Избегая прямой критики, в качестве альтернативы «универсальным демократическим ценностям» Китай продвигает более мягкие идеи об «инклюзивной глобализации» (*баожунсин цюаньцюхуа*, см. [12]) и человечестве как «сообществе общей судьбы» (*мин'юнь гунтунти*). Среди всех прав человека Китай акцентирует право на развитие и улучшение материальных условий жизни²⁰.

В дополнение к двусторонним и многосторонним форматам, под эгидой ОПОП Китаем выдвинута концепция шести «экономических коридоров Шелкового пути», каждый из которых по географическому признаку объединяет несколько приграничных стран и макрорегионов. Сопоставление планов развития западных и северо-восточных регионов КНР свидетельствует, что по своей пространственной конфигурации предлагаемые в рамках «Пояса и пути» международные коридоры являются выдвинутым за рубеж продолжениями осей территориального развития приграничных регионов Китая. «Коридоры ОПОП» в этом контексте являются «интерфейсом» доступа к территориальному и отраслевому планированию приграничных стран и регионов для поддержки вариантов, наиболее способствующих развитию Китая (подробнее см. [18]).

¹⁶ Economic Watch: Boao Forum to Rally Support for Globalization // Синьхуаван [Интернет-сайт ИА «Синьхуа»]. — 2017. 24 марта. — URL: http://news.xinhuanet.com/english/2017-03/23/c_136152630.htm

¹⁷ *Чжунго юй Шицзе маои цзучжи* [Китай и ВТО] // Официальный сайт Госсовета КНР. — 2018. 28 июня — URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-06/28/content_5301884.htm

¹⁸ *Гуан юй кода цзинькоу цзунь дуйвай маои пинхэн фачань дэ ицзянь* [Мнение по поводу увеличения импорта и стимулирования сбалансированной внешней торговли] // Канцелярия Госсовета КНР. Го Бань Фа. (2018) № 53 от 02.07.2018. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2018-07/09/content_5304986.htm

¹⁹ China Rejects Claim It Wants to Change Global Order // China Daily, March 4, 2018. — URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201803/04/WS5a9b8171a3106e7dccc13f686.html>

²⁰ South-South Human Rights Forum Calls for Protection of People's Right to Development // China Daily, December 8, 2017. — URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201712/08/WS5a2a8f63a310eefe3e99ef75.html>

В координации ОПОП активно задействованы межрегиональные связи: выходящим к госгранице китайским провинциям вменяется наращивать частоту обменов и свои компетенции в отношении соседних стран. Одновременно стимулируется использование трансграничного потенциала для повышения уровня жизни в периферийных регионах Китая. Естественный процесс трансграничных коммуникаций в рамках ОПОП проходит дополнительную институционализацию. К примеру, в Гуанси-Чжуанском автономном районе ежегодно проводится выставка «Китай – АСЕАН», во Внутренней Монголии выставка «Китай – Монголия», в Хэйлунцзяне – Российско-китайское ЭКСПО.

В силу исторических факторов китайцы придают повышенное значение статусу своей страны в мире («возрождение после столетия унижений») и выстраиванию образа «ответственной глобальной державы» (подробнее см. [13]). В силу этого широкое освещение в СМИ получают даже самые общие соглашения в рамках ОПОП, которые подаются как укрепление международных позиций страны.

ИНФРАСТРУКТУРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Транспорт и инфраструктурное направление являются наиболее обсуждаемой в СМИ стороной ОПОП. Накопив в ходе модернизации инфраструктуры внутри страны опыт и технологии, китайские строительные компании в последние годы успешно борются за подряды на строительство большого числа объектов за рубежом. При этом «модернизация инфраструктуры» в китайской трактовке включает в себя не только транспорт, но также и все другие объекты, которые необходимы для функционирования общества и во многих странах находятся на государственном балансе – электросети, подстанции мобильной связи, больничные, учебные и научные корпуса, административные здания, культурные и музейные центры. При таком подходе потенциальный зарубежный рынок инфраструктурных заказов увеличивается многократно.

В области транспортной инфраструктуры компоненты китайского курса включают в себя строительство новых и модернизацию старых путей автомобильного и железнодорожного сообщения между Европой и Китаем, а также общее увеличение транспортной связности между странами Евразии [24]. Для развития международных железнодорожных грузовых перевозок в 2011 г. был создан зонтичный бренд China Railway Express (*Чжуноу баньле*). Государство субсидирует такие товарные поезда, выделяет для них лучшие локомотивы и приоритетные временные слоты. С 2011 по август 2018 г. было отправлено 10 тыс. подобных международных товарных составов, прямое железнодорожное сообщение связало Китай с 43 городами 15 европейских стран. К 2020 г. планируется довести число товарных составов до 5 тыс. ежегодно²¹.

Обращает на себя внимание «дипломатия» скоростных железных дорог. Благодаря успешной локализации зарубежных технологий и государственной поддержке китайские фирмы добились значительного прогресса в технологиях строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей (ВСМ). За последнее десятилетие в стране была построена самая крупная в мире сеть ВСМ, составляющая более 20 тыс. км. Успешный опыт позволяет китайским компаниям браться за зарубежные проекты ВСМ и обычных железнодорожных линий (на разных стадиях находятся линии Момбаса – Найроби, Аддис-Абеба – Джибути, Белград – Будапешт, Куала-Лумпур – Сингапур, Москва – Казань и др.).

Важную роль играет модернизация трансграничной инфраструктуры, актуальная для развития периферийных регионов [20]. В частности, на российско-китайской границе идет строительство мостов через Амур между городами Благовещенск и Хэйхэ, Нижнеленинское и Тунцзян, а также мостового погранперехода Полтавка – Дуннин.

«Инфраструктурное» направление ОПОП направлено на увеличение портфеля заказов китайских строительных корпораций и их дальнейшее закрепление на рынках развивающихся стран через связанные кредиты смежным компаниям. Развитие инфраструктуры в этих странах также облегчает перенос туда производства китайских фирм и последующую работу китайских специалистов. Запуск трансевроазиатских маршрутов для Китая является одним из способов снизить транспортные расходы и тем самым поддержать конкурентоспособность китайских то-

²¹ Чжуноу баньле цзяньшэ фачжань гуйхуа (2016–2020 гг.) [План развития CRExpress на 2016–2020 гг.]. Государственный комитет КНР по реформе и развитию // Официальный сайт ОПОП – 2016. 24 октября – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/yw/qwfb/4802.htm>

варов на рынках стран ЕС и ЕАЭС, а также попыткой хотя бы в небольшой степени диверсифицировать каналы поставок и придать импульс развитию приграничных районов.

ГУМАНИТАРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Выход в центр мировой экономической системы нуждается в соответствующем росте культурного влияния. Китай применяет широкий спектр ресурсов наращивания «мягкой силы с китайской спецификой» [3]. В их число входит подготовка зарубежных специалистов со знанием китайского языка, предоставление гуманитарной помощи и содействие развитию (developmental aid) зарубежных стран, участие в миротворческих операциях ООН и др.

За 2005–2014 гг. в два раза увеличилось число принимающих иностранцев китайских высших учебных заведений и утроилось число иностранных учащихся, благодаря чему Китай вышел на третье место в мире по этому показателю после США и Великобритании. В 2017 г. в 935 китайских ВУЗах прошли обучение 490 тыс. иностранцев, три четверти которых приехали из стран полупериферии и периферии. Десятки тысяч иностранцев ежегодно обучаются полностью бесплатно за счет стипендии правительства КНР (в 2017 г. — 58 тыс.), значительное число (точной статистики нет) — бесплатно за счет провинциальных или городских стипендий. Распространены стажировки и курсы повышения квалификации иностранных научно-педагогических работников и преподавателей китайского языка. На конец 2017 г. в мире функционировало 525 Институтов Конфуция (в высших учебных заведениях) и 1 113 классов Конфуция (в школах), где ежегодно обучается более 5 млн слушателей. Китай также финансово поддерживает образование на китайском языке для проживающих за рубежом этнических китайцев и их потомков, 304 таких учебных заведения действует в более чем 50 странах мира. Показателем роста популярности изучения китайского языка в мире является число желающих сдать государственный аттестационный тест на владение китайским языком для иностранцев (HSK, требуется при поступлении в китайские университеты, проводится в 130 странах). В 2017 г. в нем приняло участие более 6,5 млн экзаменуемых, что на 8 % больше, чем годом ранее²².

Укрепляется взаимодействие между китайскими и зарубежными научными, творческими, медицинскими (в том числе по линии традиционной медицины) организациями. В частности, в ноябре 2016 г. в Пекине состоялось совещание Академий наук стран «Пояса и пути», направленное на выработку совместной программы исследований²³. Быстро растет не только число расположенных при иностранных ВУЗах Институтов Конфуция, но и самостоятельных Китайских культурных центров. В середине 2017 г. за рубежом функционировало 30 таких центров, а к 2020 г. их число должно вырасти до 49²⁴.

Для расширения зарубежного информационного присутствия КНР инвестирует значительные средства в вещательную сеть. Ведущее свою историю ещё с социалистических времен китайское иновещание с 2018 г. работает под единым названием «Голос Китая» (Voice of China). Его задачами являются создание альтернативной информационной повестки в части взаимодействия Китая с миром, оппонирование теории «китайской угрозы» и создание позитивного образа китайских проектов у международной аудитории²⁵.

Для закрепления статуса «ответственной державы», которая защищает право жителей других стран на развитие, Китай предоставляет гуманитарную помощь и помогает развитию отстающих стран. Например, Китай по своей инициативе обнулил 97 % всех торговых пошлин для товаров из 36 наименее развитых стран. По собственным оценкам, в 1949–2016 гг. Китай оказал

²² Цзяоюйбу цзюйсин 2017 нянь Чжунго юйянь вэньцзы шиэ фачжэнь чжуанкуан фабухуэй [Министерство образования провело пресс-конференцию, посвященную вопросам языка и письменности в Китае] // Официальный сайт Пресс-канцелярии Госсовета КНР. — 2018. 29 мая. — URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/gbwxfbh/xwfbh/jyb/Document/1630260/1630260.htm>

²³ Шоу цзе «и дай и лу» гоцзи кэцзи гаофэн луньтан цзй цзин чжаокай [В Пекине открылся первый Научно-технический форум «Одного пояса и одного пути»] // Официальный сайт Государственного комитета по реформе и развитию. — 2016. 8 ноября. — URL: http://www.ndrc.gov.cn/gzdt/201611/t20161108_825904.html

²⁴ Госиньбань цзюйсин «и дай и лу» яньсянь гоцзя миньсинь сянтун цинкуан фабухуэй [В Пресс-канцелярии Госсовета КНР состоялась пресс-конференция, посвященная развитию связей между народами стран «Пояса и пути»] // Официальный сайт Госсовета КНР. 11.05.2017. — URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/xwfbh/wqfbh/35861/36653/wz36655/Document/1551339/1551339.htm>

²⁵ World Needs a Better Understanding of China, “Voice of China” Can Help // Жэньминьван [Интернет-сайт ИА «Жэньминь жибао»]. — 2018. 22 марта. — URL: <http://en.people.cn/n3/2018/0322/c90000-9440715.html>

зарубежным странам помощь на общую сумму 400 млрд юаней и подготовил 12 млн специалистов²⁶. В 2018–2020 гг. объем помощи оценивается в 9 млрд долл. США.

Китай неизменно подчеркивает, что сам до сих пор борется с экономическими проблемами. В силу этого его помощь «носит комплексный характер и обусловлена стремлением содействовать как социально-экономическому развитию стран-реципиентов, так и реализации собственных интересов в сфере экономики и политики», в частности получению доступа к минеральных ресурсам и рынкам сбыта и загрузке китайских промышленных мощностей [5, с. 206]. Такой «горизонтальный» подход с пониманием воспринимается слаборазвитыми государствами и позволяет преодолевать ограничения традиционной модели международной помощи [25].

Показательным направлением помощи развитию является строительство на безвозмездной основе административных и общественных зданий для развивающихся стран и международных организаций. Крупнейшим проектом такого рода является строительство штаб-квартиры Африканского союза в Аддис-Абебе (Эфиопия), завершенное в 2012 г. В 2018 г. подписан меморандум о строительстве за китайский счет штаб-квартиры ЭКОВАС (Экономическое сообщество западноафриканских государств) в Абудже (Нигерия). По данным СМИ, за счет китайской помощи возведены здания парламентов в Зимбабве, Конго, Малави, Гвинее-Бисау, Лесото и Габоне, президентского дворца в Кабо-Верде, Национального торгово-выставочного центра в Лаосе и др. В Сенегале за счет китайской дотации строятся монументальный Музей черных цивилизаций и Большой национальный театр, в Камбодже — Национальный стадион.

Увеличение расходов на международную помощь в последние годы приносит свои плоды. Согласно оценкам исследовательской организации AidData, за 2014–2017 гг. Китай поднялся на 8 мест в рейтинге наиболее влиятельных международных доноров (21-е место) [22]. Однако оценка «полезности» Китая в глазах получателей помощи оставалась невысокой (31-е место) в основном из-за несогласованности различных каналов предоставления помощи. Ситуация может быстро улучшиться после создания в 2018 г. Государственного агентства по сотрудничеству в области международного развития в прямом подчинении Госсовета КНР. Его функционал включает в себя разработку и проведение единой стратегии зарубежной гуманитарной помощи, контроль и координацию ведомств-исполнителей.

Важным способом продемонстрировать свой вклад в решение международных проблем является участие в миротворческих операциях ООН. Миротворческий контингент Китая (2,5 тыс. человек) в конце 2017 г. численно превышал контингенты других членов Совбеза ООН, хотя и уступал ряду развивающихся стран. Помимо увеличения численности своего контингента и числа наблюдателей, Китай делает финансовые взносы на миротворческую деятельность. На период 2016–2018 гг. он пожертвовал 810 млн долл. — это 10,3 % всех взносов — второе место после США [8].

Таким образом, курс на укрепление близости между народами включает в себя подготовку кадрового резерва из числа своих и зарубежных граждан для осуществления зарубежных проектов китайских ТНК, а также последовательную работу с общественным мнением для купирования опасений по поводу экспансионистских намерений Китая, продвижение позитивного имиджа, «мягкой силы». Уже сейчас, по данным социологов, жители развивающихся стран лучше жителей развитых оценивают Китай и ОПОП, более положительно относятся к китайской модели²⁷.

* * *

Несмотря на распространенное мнение, главное содержание китайского мега-проекта «Один пояс, один путь» значительно шире развития трансконтинентальных логистических маршрутов и фактически включает в себя комплексное содействие коммерческой деятельности китайских компаний на зарубежных рынках. Анализ закрепленных в официальных документах положений и практики госполитики свидетельствует, что пять «интеграционных направлений» ОПОП являются теми «рельсами», по которым Китай движется к центру «мировой сцены». Конкрет-

²⁶ *Фачжаньцзянь: Чжунго дэ линянь, шицзянь юй гунсянь* [Право на развитие: теория, практика и вклад Китая] // Официальный сайт Пресс-канцелярии Госсовета КНР. — 2016. 1 декабря. — URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016-12/01/content_5141177.htm

²⁷ Доклад о государственном имидже Китая // Китай. — 2018. — № 3. — С. 12–13.

нее, это пять аспектов поддержки своих корпораций в их движении вверх по цепочкам добавленной стоимости ради вхождения экономики страны в центр мирового хозяйства.

Резюмируя анализ, можно кратко сформулировать ключевые моменты пяти направлений внешнеэкономического курса «Один пояс, один путь». Путем внешнеполитического согласования (1) Китай выводит коммерческие проекты на межгосударственный уровень, что упрощает работу в странах со сложным деловым климатом, а также участвует в разработке отраслевой и территориальной политики государств-партнеров. В сфере международных финансов (2) Китай стремится повысить интернационализацию юаня и выстроить альтернативную систему международных финансовых институтов для увеличения преимуществ домашних компаний при реализации зарубежных проектов. В сфере инфраструктуры (3) Китай работает на расширение рынка заказов для своих строительно-подрядных корпораций, а также старается снизить себестоимость доставки производимой в Китае продукции на зарубежные рынки. Торгово-инвестиционная интеграция (4) направлена на борьбу с торговыми барьерами, облегчение экспорта капитала и производственных мощностей, в том числе в форме совместных промышленных парков. Гуманитарная «мягкая сила» (5) призвана облегчать реализацию зарубежных коммерческих проектов, для чего Китай инвестирует в обучение иностранцев, увеличивает свой «полезный вклад» в международные дела (гуманитарная помощь, миротворческая деятельность и др.), развивает иновещание и пр.

Проанализированные меры укладываются в довольно стройную картину усилий по обеспечению бесконфликтного расширения присутствия китайских частных и государственных компаний за рубежом. Арена действий — периферия и полупериферия мирового хозяйства («страны «Пояса и пути»», в первую очередь Юго-Восточная Азия, Африка, Средний и Ближний Восток, Средняя Азия), где Китай с помощью финансовых и политических рычагов теснит компании из развитых стран. Нельзя игнорировать и внутривнутриполитическую мотивацию внешнеэкономических мер: самостоятельную значимость для народа и руководства имеет укрепление статуса Китая в глазах международного сообщества и формирование имиджа великой державы.

Ещё недавно господствовало мнение, согласно которому Китай неохотно берет на себя лидерство в международных вопросах, а китайский народ не одобряет зарубежные инициативы правительства (см., например, [26]). Однако с тех пор появились признаки отхода Китая от курса на «нераспространение» своей экономической модели. В последние годы в Китае на разных уровнях заявляется о полезности передачи опыта экономического строительства развивающимся странам²⁸. Позиция «мудреца» в китайском мировоззрении находится не ниже позиции «правителя», а знание ценится больше, чем власть, что обеспечивает широкую поддержку такого подхода к международной политике среди граждан. Китай видит в развивающихся странах себя в недалеком прошлом, и цель государства — направить ресурсы китайских предприятий туда, где они имеют больше опыта и перспектив.

За четыре десятилетия с начала реформ Китай кардинально изменился и продолжает меняться. Завершается фундаментальный переход от планового хозяйства с доминированием государственной и коллективной собственности к многоукладной экономике на рыночных принципах. Уже фактически состоялся отраслевой переход от аграрно-индустриальной к индустриально-сервисной структуре занятости с растущей долей технических инноваций. «Один пояс, один путь», будучи новым, закономерным этапом политики открытости, направлен на реализацию следующего внешнеэкономического перехода — от импорта инвестиций и капитала к его экспорту, от объекта к субъекту глобальной экономики. «Фабрика мира» выходит «в мир», и в этом смысле ОПОП является полноценным «локомотивом включения развивающихся стран в международное разделение труда» [6, с. 5] и трансформации международного разделения труда, конечная успешность которого, при всем этом, неочевидна [4]. Для подлинно взаимовыгодного сотрудничества китайским компаниям предстоит научиться гармонично сочетать достоинства национальной системы менеджмента и опыт работы на внутреннем рынке с требованиями и интересами стран-партнеров.

²⁸ Примером может служить выступление заместителя председателя КНР Ван Цишаня на 3-ем Китайско-африканском форуме сотрудничества региональных администраций в мае 2017 г. См: China's Know-how to Aid Africa // China Daily, May 9, 2018. — URL: <http://europe.chinadaily.com.cn/a/201805/09/WS5af2372fa3105cdcf651cbf4.html>

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая. — М.: Форум, 2009. — 560 с.
2. Гельбрас В. Г. Экономика Китайской Народной Республики. — М.: Квадрига, 2010. — 642 с.
3. Жигарьков Г. А. «Мягкая сила» с китайской спецификой: конкуренция за общественное мнение // *Международная жизнь*. — 2018. — № 6. — С. 48–61.
4. Калашников Д. Б. Трансформация мирового хозяйства под воздействием экономического развития Китая // *Мировое и национальное хозяйство* [Электронный журнал МГИМО МИД России]. — 2017. — № 4. — URL: <http://www.mirec.ru/2017-04/the-rise-of-china-and-its-impact-on-the-evolution-of-the-world-economy>
5. Кашин В. Б., Королев А. С., Пятачкова А. С. Китайская политика помощи зарубежным странам: основные принципы и направления // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. — М.: ИДВ РАН, 2017. — Вып. 22. — С. 204–218.
6. Колосов В. А., Гречко Е. А., МIRONENKO К. В., Самбунова Е. Н., Слука Н. А., Тикунова И. Н., Ткаченко Т. Х., Федорченко А. В., Фомичев П. Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. — 2016. — № 1. — С. 3–12.
7. Кондрашова Л. И. Китай: к новой модели общественного развития. — М.: Форум, 2017. — 336 с.
8. Лексютин Я. В. Вклад современного Китая в миротворческую деятельность ООН / Под ред. А. И. Кобзева // *Общество и государство в Китае*. Т. XLVIII. Ч. 1 — М.: ИВ РАН, 2018. — С. 305–311.
9. Лексютин Я. В. Китай и реформирование международной экономической системы // *Сравнительная политика*. — 2018. — № 3. — С. 26–41.
10. Лексютин Я. В. Функциональные изменения участия Китая в многосторонних банках развития: от заемщика к кредитору // *Вестник международных организаций*. — 2018. — Т. 13. — № 1. — С. 80–98. — DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-05
11. Лузянин С. Г., Афонасьева А. В. Один пояс, один путь — политические и экономические измерения // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. — 2017. — № 40. — С. 5–14.
12. Лю Вэйдун. «И дай и лу»: иньлин баожунсин цюаньцюхуа [«Один пояс, один путь»: направляя инклюзивную глобализацию]. — Пекин: Шан'у иншугуань, 2017. — 195 с.
13. Портяков В. Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. — М.: ИДВ РАН, 2013. — 240 с.
14. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути 21 века. — Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2017. — 45 с.
15. Самбунова Е. Н., МIRONENKO К. В. Китай в мировом хозяйстве: пути взаимодействия / Под ред. Л. М. Синцера // *География мирового хозяйства: сборник научных трудов*. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. — Вып. 3. — С. 422–434.
16. Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. — Пекин: Изд-во литературы на ин. языках, 2017. — 75 с.
17. Титаренко М. Л., Ломанов А. В. Политические и культурные аспекты стратегии становления Китая как великой державы // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2015. — № 3. — С. 17–27.
18. Чубаров И. Г. География сопряжения: региональная политика КНР и пространственное развитие стран ЕАЭС // *Проблемы Дальнего Востока*. — 2017. — № 5. — С. 114–125.
19. Чубаров И. Г., Калашников Д. Б. «Один пояс — один путь»: глобализация по-китайски // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2018. — № 1. — С. 25–33.
20. Чубаров И. Г., Михайлова Е. В. Проблемы преодоления периферийности российско-китайского трансграничья // *Россия в АТР*. — 2017. — № 4. — С. 88–105.
21. Chinese Brands Go Global: China Trademark Report / CompuMark. — 2018. — 65 p.
22. Custer S., DiLorenzo M., Masaki T., Sethi T., Harutyunyan A. Listening to Leaders 2018: Is Development Cooperation Tuned-in or Tone-deaf? — Williamsburg, VA: AidData at the College of William & Mary, 2018.
23. Hu Binliang. China's Key to Success // *China Today*. — 2017. — № 12. — P. 25–30.
24. Kolosov V. A., Suocheng D., Portyakov V. Y., Chubarov I. G., Tarkhov S. A., Shuper V. A. The Chinese Initiative “The Belt and Road”: a Geographical Perspective // *Geography, Environment, Sustainability*. — 2017. — № 10. — P. 5–20. DOI: 10.24057/2071-9388-2017-10-1-5-20
25. Ngangom T. The Sharp Power of Development Diplomacy and China's Edge // *Observer Research Foundation*, March 11, 2018. — URL: <https://www.orfonline.org/expert-speaks/sharp-power-development-diplomacy-china-edge/>
26. Stiglitz J. E. The Chinese Century // *Vanity Fair*, January 2015. — URL: <https://www.vanityfair.com/news/2015/01/china-worlds-largest-economy>

ILYA CHUBAROV

Five Connectivity Areas of the China's Belt and Road Initiative

Ilya Chubarov, PhD (Human Geography), Senior Research Fellow,
Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences.
E-mail: ilya.chubarov@gmail.com

Summary. The article strives to go beyond the common understanding of China's BRI strategy as a set of Eurasian logistics corridors and related investment and transportation projects. Scrutinizing the five integration areas (*wu tong*), namely foreign policy, infrastructure, trade & economic, financial and humanitarian, one can come to the conclusion that it is a set of activities to support the "going out" of the Chinese commercial firms to the leading positions in various sectors of the world economy. Climbing up the value chain by the "national champions" is a necessary condition for China's entrance to the center of the world economy. The arena of action is the periphery and semi-periphery (so called "countries along the belt and road"), where China is gradually pushing out corporations of developed countries. In addition, the strengthening of China's status in the eyes of the international community and the formation of the image of a great power hold independent importance for the people and leadership. Assessing BRI as the next natural stage of China's foreign economic openness policy at the new stage of globalization and at the same time as a self-valuable tool for restoring the country's prestige on the world stage allows more accurate evaluate Chinese intentions in joint projects.

Keywords: China, BRI, globalization.

REFERENCES

- Berger Ya. M. *Ekonomicheskaya strategiya Kitaya* [Economic Strategy of China]. — Moscow: Forum, 2009. — 560 p.
- Building the Belt and Road: Concept, Practice and China's Contribution*. May 10, 2017. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/12731.htm>
- Chinese Brands Go Global: China Trademark Report*. CompuMark, 2018. 65 p.
- Chubarov I. G. Geografiya sopryazheniya: regional'naya politika KNR i prostranstvennoe razvitiye stran EAES [Geography of Conjunction: Regional Policy of the PRC and Spatial Development of the EAEU Countries]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2017. No. 5. P. 114–125.
- Chubarov I. G., Kalashnikov D. B. "Odin poyas — odin put": globalizatsiya po-kitaiski [Belt and Road Initiative: Globalization Chinese Way?] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. No. 1. P. 25–33.
- Chubarov I. G., Mikhailova E. V. Problemy preodoleniya periferiynosti rossiisko-kitaiskogo transgranich'ya [Overcoming the Periphery: Sino-Russian Borderland]. *Rossiya v ATR*. 2017. No. 4. P. 88–105.
- Custer S., DiLorenzo M., Masaki T., Sethi T., and A. Harutyunyan. *Listening to Leaders 2018: Is Development Cooperation Tuned-in or Tone-deaf?* Williamsburg, VA: AidData at the College of William & Mary, 2018.
- Gel'bras V. G. *Ekonomika Kitaiskoi Narodnoi Respubliki* [PRC: National Economy]. Moscow: Kvadriga, 2010. 642 p.
- Hu Binliang. China's Key to Success. *China Today*. 2017. No. 12. P. 25–30.
- Kalashnikov D. B. Transformatsiya mirovogo khozyaistva pod vozdeistviem ekonomicheskogo razvitiya Kitaya [The Rise of China and Its Impact on the Evolution of the World Economy]. *Mirovye i natsional'noye khozyaistvo*. 2017. No. 4. — URL: <http://www.mirec.ru/>
- Kashin V. B., Korolev A. S., Pyatachkova A. S. Kitaiskaya politika pomoshchi zarubezhnyim stranam: osnovnye printsipy i napravleniya [Chinese Foreign Aid: Main Principles and Directions]. *Kitai v mirovoi i regional'noi politike: istoriya i sovremennost'*. Issue 22. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017. P. 204–218.

- Kolosov V. A., Suocheng D., Portyakov V. Y., Chubarov I. G., Tarkhov S. A., Shuper V. A. The Chinese Initiative “The Belt and Road”: a Geographical Perspective. *Geography, Environment, Sustainability*. 2017. No. 10. P. 5–20. DOI: 10.24057/2071-9388-2017-10-1-5-20
- Kolosov V. A., Grechko E. A., Mironenko K. V., Samburova E. N., Sluka N. A., Tikunova I. N., Tkachenko T. Kh., Fedorchenko A. V., Fomichev P. Yu. Gorizonty issledovaniy v oblasti geografii mirovogo khozyaistva [Horizons of Research in the Geography of World Economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya*. 2016. No. 1. P. 3–12.
- Kondrashova L. I. *Kitai: k novoi modeli obshchestvennogo razvitiya* [China: Towards the New Model of Social Development]. Moscow: Forum, 2017. 336 p.
- Leksytina Ya. V. Vklad sovremennogo Kitaya v mirotvorcheskuyu deyatel'nost' OON. [Chinese Contribution to the UN Peacekeeping Activities]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. Vol. XLVIII, Part .1. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018. P. 305–311.
- Leksytina Ya. V. Kitai i reformirovanie mezhdunarodnoi ekonomicheskoi sistemy [China and Remaking of the International Economic System]. *Sravnitel'naya politika*. 2018. No. 3. P. 26–41.
- Leksytina Ya. V. Funktsional'nye izmeneniya uchastiya Kitaya v mnogostoronnikh bankakh razvitiya: ot zaemshchika k kreditoru [Functional Changes in Chinese Participation in the Multilateral Development Banks: from the Debtor to the Creditor]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. 2018. Vol. 13. No. 1. P. 80–98. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-01-05
- Liu Weidong. Yi dai yi lu: yinling baorongxing quanqiuhua [One Belt, One Road: Leading the Inclusive Globalization]. Beijing: Commercial Press, 2017. 195 p.
- Luzyanin S. G., Afonas'eva A. V. Odin poyas, odin put' — politicheskie i ekonomicheskie izmereniya [One Belt, One Road: Political and Economic Dimensions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 2017. No. 40. P. 5–14.
- Ngangom T. The Sharp Power of Development Diplomacy and China's Edge. *Observer Research Foundation*, March 11, 2018. — URL: <https://www.orfonline.org/expert-speaks/sharp-power-development-diplomacy-china-edge/>
- Portyakov V. Ya. *Stanovlenie Kitaya kak otvetstvennoi global'noi derzhavy* [The Formation of China as a Responsible Global Power]. M.: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013. 240 p.
- Samburova E. N., Mironenko K. V. Kitai v mirovom khozyaistve: puti vzaimodeistviya [China in the World Economy: Ways of Interaction]. *Geografiya mirovogo razvitiya*. Issue 3. Moscow, 2016. P. 422–434.
- Stiglitz J. E. The Chinese Century. *Vanity Fair*. January 2015. URL: <https://www.vanityfair.com/news/2015/01/china-worlds-largest-economy>
- Titarenko M. L., Lomanov A. V. Politicheskie i kul'turnye aspekty strategii stanovleniya Kitaya kak velikoi derzhavy [Political and Cultural Aspects of Strategy of Formation China as a Great Power]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2015. No. 3. P. 17–27.
- Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road*. March 28, 2015. — URL: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html
- Zhigar'kov G. A. «Myagkaya sila» s kitaiskoi spetsifikoi: konkurentsia za obshchestvennoe mnenie [“Soft Power” with Chinese Characteristics: Competing for the Public Opinion]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 2018. No. 6. P. 48–61.

Е. Я. АРАПОВА

Потенциал РИК в условиях нарастания индийско-китайских противоречий

Екатерина Яковлевна Арапова, канд. экон. наук,
начальник Отдела экспертизы магистерских программ,
ст. науч. сотр. Центра БРИКС Института международных
исследований МГИМО МИД России.
E-mail: arapova_katrin@mail.ru

Аннотация. Целью настоящей работы стала оценка потенциала трехстороннего взаимодействия России, Китая и Индии в условиях нарастающих в последние годы геополитических и экономических противоречий между Индией и Китаем, а также возможной роли России в укреплении трехстороннего партнерства. Несмотря на отсутствие положительной динамики в разрешении латентных конфликтов, высокая экономическая взаимозависимость и значимость трех стран друг для друга подталкивает их к поиску возможностей взаимовыгодного конструктивного партнерства на равноправной основе.

Проведенный анализ свидетельствует о низком потенциале трехстороннего сотрудничества. Значительно более эффективным может оказаться взаимодействие на многостороннем уровне: в рамках ШОС, БРИКС и, вполне вероятно, «БРИКС+», если этот формат будет сформирован в соответствии с российским подходом при участии всех членов интеграционных объединений, возглавляемых странами – участницами БРИКС. При этом Россия может взять на себя роль модератора индийско-китайских противоречий, сосредоточив усилия в первую очередь в экономической плоскости для достижения максимальной эффективности в кратко- и среднесрочной перспективах.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, БРИКС, территориальные споры, многостороннее взаимодействие, экономическое сотрудничество.

Последние годы характеризуются ростом напряженности в отношениях Китая и Индии. Обостряются традиционные латентные конфликты, существующие между странами уже более полувека (в том числе не без участия третьих стран), возникают новые противоречия, связанные с трансформацией моделей экономического развития в обеих странах и изменением стратегий взаимодействия с азиатскими гигантами внешних игроков, в частности США. В таких условиях России крайне важно выработать комплексный сбалансированный подход к взаимодействию с двумя державами с учетом ее геополитических и экономических интересов.

В индийских академических кругах дискуссия вокруг отношений Китая и Индии разворачивается в рамках противостояния двух полярных позиций. С одной стороны, направления и характер исследований предопределены опасениями «китайской угрозы». Эксперты подчеркивают стремление обеих стран занять доминирующее положение в регионе, что обостряет существующие противоречия и может вести к военным столкновениям между двумя державами или, как минимум, росту потенциально опасной милитаризации региона [7]¹. С другой сторо-

¹ См. также: Roy B. Managing India – China Relations // Eurasia Review, December 29, 2011. – URL: <http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers49%5Cpaper4834.html>

ны, приверженцы более либеральной позиции исходят из высокой взаимозависимости двух крупных экономик и стратегической значимости экономических связей [17]. При этом они отмечают относительно более высокую зависимость Индии от Китая. Китайские технологии и оборудование обеспечивают работу крупных энергетических предприятий Индии [17], а более интенсивное встраивание Индии в региональные цепочки добавленной стоимости, центральные позиции в которых занимают китайские предприятия, рассматривается в качестве одного из главных потенциальных драйверов индийской экономики в ближайшие годы [16]. Индия заинтересована в расширении доступа своих товаров и компаний на емкий китайский рынок, отличающийся высоким потребительским потенциалом [1], в развитии двустороннего сотрудничества в сфере информационных технологий, образовании, здравоохранении, финансовой сфере и туризме [17], подчеркивая при этом необходимость выстраивания двусторонних отношений на равноправной основе². Концепция «китайской угрозы» на текущий момент доминирует в академической литературе и СМИ [7], значительное число исследований сконцентрировано вокруг существующих двусторонних противоречий. Опасения Индии вызывает и сближение Китая и России [10]. Настороженность и обеспокоенность политических и академических кругов Индии интенсивностью развития китайской экономики подчеркивают и китайские эксперты, называя их одним из ключевых факторов, препятствующих нормализации двусторонних отношений и налаживанию конструктивного диалога [13]³. Сами китайские исследователи настроены значительно более либерально и оптимистично. При этом очень важно, что они рассматривают трехстороннее партнерство не в качестве инструмента противостояния оси США — ЕС, а механизма продвижения идеи многополярности мира и демократизации системы международных отношений на основе равноправия, взаимовыгодности и общего процветания [9; 14]. Основой успешного долгосрочного стратегического партнерства призвано стать сочетание китайских мощностей и технологий в строительстве инфраструктуры, избыточного финансового капитала и высокого рыночного потенциала, индийской высокотехнологичной рабочей силы и конкурентных преимуществ в области программного обеспечения и российских стратегических инициатив развития Дальнего Востока и транс-Евразийского пояса развития [9].

Китайские эксперты подчеркивают важность трехстороннего партнерства России, Индии и Китая в формировании региональной архитектуры безопасности в АТР [9], призывают к расширению торгового и инвестиционного партнерства [16], хотя и подчеркивают, что не стоит переоценивать шансы на успешное партнерство в виду того, что каждая из трех стран будет стремиться в большей степени к укреплению собственных позиций и статуса в системе международных отношений и мировой экономике, нежели формированию трехстороннего союза для достижения максимальных взаимных выгод [9].

Мысль о том, что большинство факторов, негативно сказывающихся на российско-китайском взаимодействии, являются производными от ключевого фактора соперничества двух стран, разделяют и российские исследователи [5]. Вслед за индийскими экспертами они значительно более скептически настроены относительно перспектив разрешения территориальных споров и политических противоречий между Индией и Китаем [11], хотя и признают положительную динамику экономического взаимодействия двух стран и широкий спектр точек сопряжения экономических интересов [5]. Укрепление трехстороннего партнерства может значительно снизить ущерб от необоснованного протекционизма, предложить альтернативный сценарий экономического развития для всех трех государств и привести к формированию так называемой буферной зоны в преодолении глобальных экономических кризисов⁴. При этом Россия расценивает взаимодействие трех стран исключительно как трехстороннее диалоговое партнерство, а не «стратегический треугольник»⁵.

² Banerjee D. India-China Relations. Negotiating a Balance [2010]. — URL: www.ipcs.de; Nalpathamkalam A. R. Cooperation Without Trust: India-China Relations Today. — URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/9155/ad9d91e0911a31a3daa6f212df64e6c687d6.pdf>

³ См. также: Xiao Xian. Eliminating Communication Deficit between China and India // World Affairs. — 2015. — No. 4; Yin Xian. Public Diplomacy and National Image: A New Perspective on China-India Relations // South Asia Studies Quarterly. — 2013. — No. 3.

⁴ Высокую взаимозависимость экономик подчеркивали и эксперты в 2000-е гг., в частности, см.: Yakshina G. Russia-China-India: Prospects for Trilateral Cooperation // Far Eastern Affairs. — 2003. — No. 31 (1). — P. 16–27.

⁵ См.: Denisov I. Russia-India-China Triangle — From Russian Perspective. Discussion Paper / 11th Berlin Conference on Asian Security (BCAS). Triangular Formations in Asia Genesis, Strategies, Value Added and Limitations. — Berlin, September 7–8, 2017. — URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/arbeitspapiere/BCAS2017_Paper_Igor_Denisov.pdf

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Отношения Индии и Китая, начиная с середины XX в., складываются непросто, однако в последние несколько лет напряженность возросла. Обострились давние политические противоречия, возникли новые экономические поводы эскалации напряженности, связанные с «переформатированием» китайской экономики и инициированием Китаем крупных международных проектов, которые не могут не вызывать обеспокоенности в политических, деловых и научных кругах Индии.

Одним из главных факторов роста напряженности являются неурегулированные территориальные споры на нескольких участках границы [4; 5]. До сих пор не разрешен давний территориально-пограничный спор между Китаем и Индией на двух участках границы: северо-западном, в районе Аксай-Чин, связывающем два автономных района Китая – Тибет и Синьцзян; и восточном, в районе индийского штата Аруначал-Прадеш, который, по мнению китайской стороны, был незаконно отторгнут у Китая Великобританией. При этом граница в районе Аксай-Чин до сих пор не демаркирована, что служит поводом периодических стычек между пограничными войсками двух стран. Кроме того, Индия выступает на стороне Бутана в территориальном споре между Бутаном и Китаем в районе плато Доклам, где соприкасаются границы Китая, Индии и Бутана. Когда в 2017 г. Китай развернул на спорной территории строительные работы, Индия вмешалась в конфликт, защищая интересы своего стратегического союзника. Противостояние на южном участке границы, сопровождавшееся взаимными обвинениями и стычками, продолжалось более недели, однако завершилось мирным отводом войск (и китайских строителей) от спорной границы.

По-прежнему сохраняется и проблема Тибета [4; 5; 6]. Позиции Китая и Индии в отношении тибетских беженцев и религиозного лидера Далай-ламы значительно различаются. Индия активно поддерживает демократические движения на Тибете, предоставляя гуманитарную помощь вынужденным переселенцам и организуя пропагандистские кампании в защиту демократии на Тибете. Более того, индийская сторона предоставила убежище Далай-ламе, что трактуется китайской стороной как поддержка сепаратизма, наносящая ущерб интересам страны. Ситуация усугубляется размещением китайских ядерных ракет на Тибете, что расценивается индийской стороной как акт агрессии, направленный против Индии.

Одной из ключевых в отношениях Китая и Индии остается проблема ядерной безопасности [5]. Индия не является участницей Договора о нераспространении ядерного оружия, активно развивая при этом собственную ядерную программу, которая включает программу ядерной энергетики и программу создания и развития ядерного вооружения. Китай неоднократно заявлял об угрозе индийской ядерной программы как интересам Китая, так и глобальной безопасности. При этом сам Китай стремительно наращивает расходы на вооружение, занимая вторую позицию в мире после США по данному показателю, что не может не беспокоить Индию, у которой темпы роста соответствующих расходов значительно ниже. Ситуация усугубляется еще и тем, что, помимо наращивания собственного военного арсенала, государства обеспечивают вооружением своих экономических союзников, выступающих сторонами территориальных конфликтов в регионе. В частности, Китай обвиняет Индию в поставках вооружений в Бутан, а Индия обеспокоена растущим пакистанским импортом вооружений и ядерных технологий из Китая.

Обеспокоенность со стороны Индии вызывает укрепление сотрудничества Китая и Пакистана на стратегически важных направлениях, в том числе в осуществлении ядерной и ракетной программ, реализации проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (China-Pakistan Economic Corridor, CPEC), сопряженного с расширением инвестирования Китаем в пакистанскую промышленность и инфраструктуру (реконструкция порта Гвадар и налаживание автомобильного и железнодорожного сообщения между ним и Китаем)⁶. Индия обеспокоена и наращиванием поставок в Пакистан китайских вооружений, хотя, стоит отметить, что в последние два года Китай уступил позиции лидера в поставках вооружений в Пакистан Соединенным Штатам, которые стремятся извлечь максимальную выгоду из сложившейся геополитической напряженности.

В свою очередь расширение партнерства Индии и США вызывает обеспокоенность Китая [3; 5]. США рассматривают Индию в качестве «союзника в целях завершения процесса окру-

⁶ См.: *Chang Jung. Mao. The Unknown Story*. London: Vintage Books, 2016.

жения Китая». США и Индия расширяют гуманитарные контакты, проводят консультации, совместные военные учения и патрулирование прибрежных территорий, организовано взаимодействие спецслужб в рамках борьбы с террористической угрозой. В 2016 г. Индия приняла участие в крупнейших военно-морских учениях Rim-of-the-Pacific (RIMPAC), организуемых ВМС США, расширяются объемы контрактов на поставку вооружения США в Индию.

Усиливается противостояние двух стран в борьбе за политических союзников [8; 14]. Индия интенсивно налаживает контакты со странами Центральной Азии, а также стремится расширять военно-политическое сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии и Японией. Китай в свою очередь активизировал военное сотрудничество с Бангладеш и Мьянмой и стремится расширить контакты с «мусульманским миром» посредством налаживания взаимодействия с Пакистаном и поддержки борьбы палестинцев за автономию.

В последние годы усиливается соперничество Китая и Индии как военно-морских держав. Китай активно реализует свою военно-морскую доктрину «Нить жемчуга», которая предусматривает расширение числа баз для флота КНР, в том числе по соседству с Индией — в Пакистане, Мьянме, Шри-Ланке. В свою очередь Индия активно проводит консультации и военно-морские учения с США, Австралией и Японией, а также со странами Юго-Восточной Азии, осуществляет совместное патрулирование.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Помимо политических противоречий, нарастают и экономические. Среднегодовые темпы роста китайской экономики в 2005–2014 гг. были значительно выше темпов роста экономики Индии (10,05 % против 7,7 %, соответственно, по данным Всемирного банка). При этом в 2014–2017 гг. на фоне относительного экономического замедления в Китае темпы роста индийской экономики опережали китайские.

Индия сейчас имеет более высокие темпы экономического роста, а Китай целенаправленно идет по пути трансформации своей экономики в направлении «инновационного развития», движимого внутренним потреблением [1]. В долгосрочной перспективе это серьезная заявка на лидерство и, что важно, уже не в качестве «мировой фабрики», движимой внутренними инвестициями и обеспечивающей высокую конкурентоспособность товаров за счет низкой себестоимости, а в качестве высокотехнологичной экономики, способной конкурировать на региональном и мировом рынках благодаря неценовым преимуществам.

Обе страны сохраняют позиции региональных лидеров по темпам экономического роста, и это способствует усилению амбиций и притязаний если не на глобальное, то на региональное лидерство, с одной стороны, и конкуренции за рынки сырья, сбыта и инвестиционных вложений — с другой.

Опасения Индии связаны в первую очередь с относительно «агрессивной» инвестиционной политикой Китая. Китай стремительно наращивает объемы исходящих инвестиций, при этом в последние годы наметились существенные изменения в его инвестиционной политике⁷. Во-первых, происходит быстрая переориентация китайских компаний с инвестирования в реальный сектор в направлении сферы услуг и участия в крупных инфраструктурных проектах. Во-вторых, расширяется инвестирование в относительно более высокотехнологичные проекты, в том числе в сектор альтернативной энергетики, биотехнологии и пр.; растет число сделок по приобретению высокотехнологичных компаний и производств, которые китайские власти рассматривают в качестве самого быстрого и эффективного способа получить доступ к передовым технологиям. В-третьих, от тактики инвестирования в качестве миноритарных акционеров с целью извлечения прибыли китайские корпорации постепенно переходят к увеличению числа сделок по приобретению зарубежных компаний, наращиванию собственной доли в проектах, участию в принятии решений и использовании инфраструктурных объектов в соответствии с собственными стратегическими приоритетами. Именно участие Китая в принятии решений и расширение инвестирования в стратегические сектора экономики и вызывает обеспокоенность не только в странах — реципиентах китайских ПИИ, но и Индии, которая осознает как экономические, так и геополитические выгоды, которые может получить Китай, расширяя инвестирование в стратегические сектора.

⁷ Подробный анализ инвестиционной стратегии Китая. См.: *Арапова Е. Я.* Экспансия китайского капитала // Азия и Африка сегодня. — 2017. — № 2. — С. 21–26.

В контексте существующих территориальных споров усиливаются противоречия двух стран в рамках реализации китайского трансрегионального проекта «Один пояс — один путь». Индия — чуть ли не единственная страна, выступающая против его реализации [3]. С одной стороны, такая позиция объясняется негативным отношением Индии к развитию Китайско-пакистанского экономического коридора, с другой — стремлением реализовать собственные трансрегиональные инфраструктурные инициативы, для которых китайский проект выступает конкурентом. В первую очередь это касается «Транспортного коридора Север — Юг» (North-South Transport Corridor), цель которого — улучшение транспортных связей между Ираном, Россией, Кавказом и Центральной Азией. К числу прочих проектов относятся создание автомобильной дороги Бангладеш — Бутан — Индия — Непал, автомобильной магистрали Индия — Мьянма — Таиланд и расширение порта Тринкомали в Шри-Ланке.

В последние годы усиливается конкуренция Китая и Индии на азиатских рынках и в Африке [2]. Если конкуренция за влияние в Азиатском регионе является традиционной, то усиление конкуренции в Африке — сравнительно новая тенденция. До недавнего времени Китай рассматривал Африку главным образом как источник ресурсов. В последние годы ярко выраженный объектный подход проявляется не только в налаживании торговых связей, но и в активном инвестировании Китаем в стратегически важные проекты сельского хозяйства: для обеспечения в будущем собственной продовольственной безопасности, для развития инфраструктуры в рамках глобального проекта «Один пояс — один путь», что зачастую сопряжено с экспортом относительно избыточной в Китае рабочей силы. Африканский вектор наметился и во внешне-экономической стратегии Индии, однако, в отличие от Китая, стратегические интересы Индии сводятся главным образом к расширению экспорта традиционных товарных групп, в частности продукции фармацевтической отрасли, для производства которой Индия обладает конкурентными преимуществами. Укрепление позиций на рынках африканских стран обеспечивалось и инвестированием в производственный сектор. Обе страны активно инвестируют в тяжелую и легкую промышленность: металлургию, машиностроение, пищевую промышленность, фармацевтику и т. д., что может обострить экономические противоречия между ними.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ VS СОТРУДНИЧЕСТВО: БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Перспективы сотрудничества двух стран на двустороннем, трехстороннем (с участием России) и многостороннем уровнях зависят, во-первых, от наличия так называемых точек сопряжения позиций в вопросах глобальной и региональной политической и экономической повестки, а во-вторых, от интенсивности развития и значимости данных направлений взаимодействия для Китая и Индии с учетом их стратегических интересов.

К числу потенциальных точек сопряжения позиций Китая и Индии можно отнести:

- Единство подходов к вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом [11].
- Признание верховенства международного права, главенствующей роли Совета Безопасности ООН в вопросах международной безопасности [6].
- Стремление к созданию многополярного мира [6; 9; 12; 14] и укреплению позиций развивающихся стран в системе мировой экономики, в мировой торговле и мировой финансовой системе.
- Стремление к дедолларизации экономики и более активному использованию национальных валют в международных расчетах. В 2009 г. Китай принял стратегию интернационализации юаня посредством развития сети двусторонних валютных своп-соглашений между Народным банком Китая и центральными банками государств-партнеров. Органы денежно-кредитной политики Индии также прорабатывают вопрос об интернационализации рупии, хотя пока данное направление не возводится в ранг одного из национальных приоритетов.
- Общность позиций в рамках Дохийского раунда переговоров ВТО [18]. Китай и Индия вместе с группой других развивающихся государств отстаивают интересы развивающихся стран, выступая совместно за сокращение развитыми странами сельскохозяйственных субсидий, снижение импортных пошлин на сельскохозяй-

ственные и промышленные товары, облегчение движения прямых иностранных инвестиций и рабочей силы.

- Общность социально-экономических проблем и вызовов, в том числе (1) проблемы обеспечения продовольственной безопасности в свете растущего населения и ускоренных процессов урбанизации и внедрения трудосберегающих технологий, а также сокращения сельскохозяйственных земель; (2) проблемы охраны окружающей среды; (3) необходимость обеспечения энергетической безопасности [12].

Несмотря на общность подходов по ряду вопросов международной повестки в ближайшие годы рассчитывать на снижение напряженности в отношениях Китая и Индии не приходится. Значимость и острота противоречий будут усиливаться, так же, как и препятствия в реализации точек сопряжения интересов двух стран [14].

Дополнительным фактором обострения противоречий стал приход к власти в США Д. Трампа, который делает ставку на Индию как главного союзника в Азии. «Американский фактор» остается чуть ли не главным объектом изучения как одним из ключевых, предопределяющих отношения Индии и с Россией, и с Китаем. Исследования потенциала трехстороннего сотрудничества Россия – Индия – Китай традиционно соседствуют с исследованиями взаимоотношений в треугольнике США – Индия – Китай, предопределяющих, по мнению ряда авторов, баланс сил на международной политической арене⁸.

Именно Д. Трамп более активно стал употреблять в отношении региональной политической архитектуры в Азии термин «Indo-Pacific» вместо «Asia-Pacific». Пакистан более не рассматривается американцами как надежный союзник в борьбе с радикалами в Афганистане, что трактуется Индией как еще одно подтверждение союзнического настроения США. Кроме того, Индия полагает, что при Д. Трампе снизится давление на индийские решения по ядерной программе – как со стороны США, так и со стороны мирового сообщества.

Тем не менее развязывание нынешней американской администрацией торговых войн, ключевым объектом которых выступает Китай, может оказать весьма противоречивое влияние на динамику индо-китайских двусторонних отношений. Если угрозы США будут реализованы и под санкционный механизм второй волны подпадет до 50 % китайского экспорта в США, Китай будет вынужден искать дополнительные рынки сбыта, позволяющие по своим объемам и динамике роста компенсировать потери от снижения торговли с США. В этих условиях рынки России и Индии можно отнести к числу приоритетных. С другой стороны, неопределенность относительно поставок в Китай американских технологий и высокие риски введения против китайских компаний новых санкций, обусловленные опасениями США утратить лидерство в технологическом секторе, могут в средне- и долгосрочной перспективе создать плацдарм для расширения трехстороннего технологического партнерства.

Еще одним фактором усиления противоречий может стать еще большая активность Китая на внешних рынках. В процессе структурной трансформации экономики Китай будет еще более интенсивно развивать все направления внешних связей, в том числе⁹:

- «Торговую экспансию» – поиск новых рынков растущего спроса, который способен компенсировать уменьшение внешней торговли с развитым миром.
- «Инвестиционную экспансию» – реализацию масштабных долгосрочных стратегически важных для Китая инвестиционных проектов.
- «Валютную экспансию», осуществляемую посредством активной реализации стратегии интернационализации, принятой в 2009 г., и развития сети двусторонних валютных своп-соглашений между Народным банком Китая и центральными банками государств-партнеров.
- «Территориальную экспансию» – посредством приобретения в собственность и на правах долгосрочной аренды земельных участков, используемых в соответствии со стратегическими приоритетами Китая.
- «Трудовую экспансию» – посредством экспорта рабочей силы как относительно избыточного фактора производства, с одной стороны, и инструмента «мягкой силы» – с другой.

Такое активное наращивание Китаем своего присутствия, в том числе в приграничных с Индией странах, на которые Индия намерена расширять свое экономическое и политическое

⁸ В частности, см.: *Luce E.* In Spite of the Gods. London: Abacus, 2006.

⁹ См.: *Арапова Е. Я.* Экспансия китайского капитала // *Азия и Африка сегодня.* – 2017. – № 2. – С. 21–26.

влияние, будет усиливать напряженность в двусторонних отношениях.

Конкуренция Китая и Индии за экономическое влияние на внешних рынках (в первую очередь в Азии, а в средне- и долгосрочной перспективах — в Африке) будет усиливаться. В обеих странах продолжаются серьезные процессы трансформации экономики. Китай идет по пути превращения в инновационную экономику, движимую внутренним потреблением, наращивает исходящие инвестиции, в том числе в стратегически важные сектора экономики. Индия также стремится нарастить собственное присутствие в регионе, переходя от реализации политики Look East к стратегии Act East [3; 16]. Структурные изменения повлекут за собой обострение конкуренции за рынки сырья и сбыта, торговые маршруты и транспортные коридоры экономических союзников (в том числе посредством формирования сетей торговых соглашений).

Даже несмотря на признание обеими сторонами верховенства международного права в вопросах международной безопасности, в силу партнерских отношений с США Индия вынуждена занимать сдержанную позицию в оценке действий коалиции во главе с США в международных военных операциях. Нью-Дели старается избегать прямого осуждения действий коалиции (в частности, в ходе бомбардировок Сирии в апреле 2018 г.), ограничиваясь исключительно призывами к мирному урегулированию конфликта и проведению международного расследования наличия оснований для проведения военных операций (химического оружия в Сирии).

В свою очередь, несмотря на стремление Индии к интернационализации рупии и снижению зависимости от доллара в международных расчетах, страна в значительной степени зависит от внешнего финансирования, в том числе со стороны международных финансовых институтов, в частности МВФ. Фактически такая зависимость ограничивает свободу рук в проведении денежно-кредитной политики и реализации инициатив, нацеленных на снижение зависимости от американского доллара.

Таким образом, на сегодняшний день число и острота противоречий между Китаем и Индией значительно выше потенциальной заинтересованности сторон в налаживании конструктивного диалога и поиске взаимовыгодных направлений сотрудничества. Эти противоречия практически сводят к нулю возможности налаживания диалога Китая и Индии на двустороннем уровне или в формате трехстороннего альянса с участием России.

РОЛЬ РОССИИ

В сложившихся условиях Россия может выступить в качестве модератора индийско-китайских противоречий с учетом собственных стратегических интересов. Отношения России и Индии никогда не имели идеологической подоплеки, у Индии с Россией значительно больше точек сопряжения внешнеполитических позиций [11]¹⁰ по сравнению с Китаем, несмотря на асимметрию в экономическом взаимодействии¹¹.

Однако данную функцию можно реализовать исключительно на многостороннем уровне, в рамках многосторонних форматов взаимодействия, участниками которых выступают все три государства. К их числу можно отнести в первую очередь ШОС, БРИКС и формирующийся формат «БРИКС+».

Индия пока не готова к конструктивному диалогу с Китаем на двусторонней или трехсторонней основе (при участии России). Более того, даже при взаимодействии на многостороннем уровне Нью-Дели может болезненно реагировать на инициативы, исходящие от Пекина, в том числе и тогда, когда их реализация частично соответствует ее стратегическим интересам. Соответственно, Москва может взять на себя роль инициатора проектов и программ, в основе которых могут лежать общие интересы, и содействовать их продвижению на многостороннем уровне. Цель — способствовать дистанцированию Китая и Индии от политических противоречий в обсуждении перспективных направлений экономического взаимодействия.

Многие исследователи подчеркивают важность многосторонних платформ и «посреднической» роли России в урегулировании двусторонних противоречий [8; 9; 10; 11]. В рамках ШОС основной задачей России должно стать продвижение идеи присоединения Индии к Договору о нераспространении ядерного оружия, в первую очередь с акцентом на стремление Индии получить статус полноправного члена Совета Безопасности ООН.

¹⁰ См. также: Anupama K. India-Russia Relations: As an Overview in 21st Century // International Journal of Academic Research and Development. — 2017. — Vol. 2. — Issue 5. — P. 263–269.

¹¹ В частности, см.: Lo Bobo. New Order for Old Triangles? The Russia-China-India Matrix // Russie.Nei.Visions. — 2017. — No.100.

Относительно более эффективным может оказаться взаимодействие в рамках БРИКС и расширенного формата «БРИКС+» в том случае, если он будет сформирован при участии всех членов интеграционных объединений, возглавляемых государствами — участниками формата БРИКС (в соответствии с концепцией российского экономиста, главного экономиста Евразийского банка развития Я. Д. Лисоволика [15]). Именно в рамках расширенного формата «БРИКС+» можно попытаться максимально эффективно развить идею многополярности мира и повышения роли развивающихся стран в системе мировой экономики, в реализации которой Индия и Китай могут выступить единым фронтом.

При этом взаимодействие может лежать в первую очередь в экономической плоскости. К числу наиболее перспективных направлений сотрудничества на многостороннем уровне, выгодным для России, с одной стороны, и могущим стать платформой для конструктивного диалога Китая и Индии — с другой, логично отнести:

- Гармонизацию норм технического регулирования, а также санитарных и фитосанитарных стандартов в отношении импортной продукции. Именно эти две категории составляют наибольшую долю в общем числе нетарифных ограничений, вводимых как странами БРИКС, так и государствами расширенного формата в целом.
- Гармонизацию банковских правил и процедур, в частности, при проведении расчетно-платежных операций. Интересам стран — участниц формата может отвечать и создание единой трансрегиональной платежной системы БРИКС, чему может предшествовать взаимодействие на двустороннем уровне. В 2015 г. было подписано соглашение между китайской UnionPay International и NPCI (Национальная платежная система Индии) об использовании в Индии карт UnionPay. На уровне БРИКС и «БРИКС+» необходимо продвигать идею сотрудничества в данной сфере на паритетных началах, на принципах двустороннего использования платежных систем между странами — участницами формата.
- Создание единого информационного пространства электронной коммерции (transregional e-Commerce platform). Это направление — очень перспективное, оно интенсивно развивается как в Китае, так и в Индии, особенно учитывая, что обе страны обладают колоссальным потребительским потенциалом, обусловленным в числе прочего значительной численностью и быстрым ростом доходов населения. Кроме того, Китай нацелен на ускоренное внедрение новых технологий и переход к инновационной модели развития, в том числе посредством развития ИТ-сектора. В свою очередь Индия, благодаря низкооплачиваемой, но при этом относительно более образованной и квалифицированной рабочей силе, обладает конкурентными преимуществами для развития сектора услуг, в первую очередь в сфере информационных технологий и бизнес-процессов. Соответственно, экономические модели двух стран могут оказаться взаимодополняющими.
- Формирование сети двусторонних валютных своп-соглашений, нацеленных на сокращение долларовых расчетов и заключение торговых соглашений между участниками формата в национальных валютах. Причем данное направление взаимодействия, возможно, было бы более эффективно обсуждать даже не в формате БРИКС, а в расширенном формате «БРИКС+». Соответствующее соглашение уже подписано между Россией и Китаем. Несмотря на инициативу со стороны Китая, Индия пока настороженно настроена в отношении заключения с Китаем двустороннего валютного своп-соглашения. Китай уже заключил соответствующие соглашения со Шри-Ланкой и Пакистаном, и Индия относится к этому вопросу весьма ревностно, воспринимая формирование Китаем сети соглашений как очередную заявку на региональное лидерство, подтверждение враждебного настроения по отношению к Индии. Лоббирование данного направления взаимодействия всеми государствами формата БРИКС и в особенности «БРИКС+» в рамках общего стремления к дедолларизации и укреплению позиций развивающихся стран в международной финансовой системе и противопоставление международным финансовым институтам во главе с МВФ и ВБ может некоторым образом сгладить двусторонние противоречия, а более активное вовлечение Индии в процесс формирования сети двусторонних валютных своп-соглашений с другими участниками расширенного формата может ускорить и процесс заключения аналогичного соглашения с Китаем. Система валютных своп-соглашений может быть дополнена развитием сетей

межбанковских соглашений о предоставлении кредитных линий в национальных валютах, то есть функционирующего в рамках БРИКС механизма межбанковского сотрудничества.

- Создание на базе БРИКС и «БРИКС+» многостороннего механизма поддержки малого и среднего бизнеса стран-участниц, трансрегиональной информационной и консультационной платформы в области транснационализации бизнеса по типу Enterprise Europe Network в Европе, нацеленной, с одной стороны, на повышение прозрачности в вопросах организации бизнеса и предоставление консультационной поддержки по широкому спектру вопросов (правовых и административных), а с другой – на создание эффективного механизма государственно-частного партнерства и прямого взаимодействия бизнеса с потенциальными инвесторами.
- Расширение культурных и научных контактов, проведение совместных исследований и разработок [5].

Стратегически важной для России является задача разработать и предложить на уровне БРИКС (а в перспективе и «БРИКС+») проект сопряжения китайской инициативы «Один пояс – один путь», транспортных коридоров ЕАЭС и индийских проектов развития региональной транспортной инфраструктуры. Разработка и инициирование Россией такого мега-проекта принесет стране репутационные выгоды, укрепив ее позиции как одного из ключевых игроков на мировой политической и экономической арене. С другой стороны, его реализация позволит снизить экономические и геополитические противоречия Индии и Китая и реализовать странам ЕАЭС свой транзитный потенциал. Дополнительно имеет смысл проработать вопрос о возможности финансирования проекта из средств Нового банка развития БРИКС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и региональных банков развития.

В рамках двустороннего взаимодействия стратегически важным и экономически выгодным для России может оказаться формирование зоны свободной торговли между странами ЕАЭС и Индией (процесс уже вступил в переговорную фазу). В торговле с Индией у России складывается положительный торговый баланс, а отраслевая структура торговли относительно более благоприятна для России. Реализация интеграционного сценария позволит расширить российский экспорт в Индию, увеличив профицит двустороннего баланса. Кроме того, создание зоны свободной торговли может способствовать отраслевой диверсификации сырьевого компонента российского экспорта в Индию: на фоне сравнительно небольшого прироста нефти и нефтепродуктов опережающими темпами может расти экспорт меди и изделий из нее, а также алюминия и изделий из него, а учитывая растущий импортный спрос в Индии на эти металлы (в свете ускоренного процесса урбанизации), их доля в структуре российского экспорта может увеличиться. Россия может существенно нарастить экспорт отдельных категорий сельскохозяйственной продукции, азотных и калийных удобрений, а также отдельных видов неорганических химических соединений (фосфинатов, фосфатов и полифосфатов)¹².

* * *

Взаимодействие России, Индии и Китая можно рассматривать на двустороннем, трехстороннем и многостороннем уровнях. На сегодняшний день шансов на эффективное взаимодействие на трехстороннем уровне (в рамках альянса трех стран РИК, инициатором которого в 1990-х гг. выступал Е. М. Примаков) практически нет. На двустороннем уровне относительно более эффективно могут развиваться отношения на уровне Россия – Индия и Россия – Китай. Что же касается двустороннего взаимодействия Китая и Индии, то оно скорее всего будет развиваться в рамках «инерционного тренда», обусловленного взаимозависимостью в торговой и инвестиционной областях. При этом ожидать возникновения некоего «нового качества» двусторонних отношений в обозримой перспективе не приходится. По-прежнему слишком велики противоречия между двумя странами по ряду болезненных для них тем.

Куда более эффективным может оказаться взаимодействие на многостороннем уровне: в рамках ШОС, БРИКС и, вполне вероятно, «БРИКС+», если этот формат будет сформирован при участии всех членов интеграционных объединений, возглавляемых государствами – участниками БРИКС. Включение большего числа стран, расширение повестки многосторонних форматов при одновременном участии в них России, способной выступить в качестве своего

¹² Арапова Е. Я. Азия: на пути к обществу потребления // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 7. – С. 45–53.

рода модератора индийско-китайских противоречий, может способствовать налаживанию конструктивного диалога между Пекином и Нью-Дели. При этом относительно более перспективным направлением взаимодействия выступает экономика. Хотя Китай и Индия воспринимают друг друга в качестве конкурентов за экономическое влияние (особые опасения исходят со стороны Индии в адрес Китая), в данной сфере больше «точек сопряжения» интересов и, соответственно, выше шансы на сглаживание противоречий и достижение консенсуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арапова Е. Я.* Азия: на пути к обществу потребления // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2017. — Т. 61. — № 7. — С. 45–53.
2. *Арапова Е. Я.* Китай: международное взаимодействие в условиях внутренних вызовов // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2018. — Т. 62. — № 6. — С. 77–85.
3. *Волхонский Б. М.* Актуальные проблемы индийско-китайских отношений // *Российский институт стратегических исследований*, 2011. — URL: <https://riss.ru/analitics/2372/>
4. КНР в интернационализированных локально-региональных конфликтах XXI века / Отв. ред. *С. А. Канчуков, В. А. Абрамов*. — Чита: ЧитГУ, 2007. — 231 с.
5. *Лунев С. И.* Потенциал сотрудничества в формате БРИКС и культурно-цивилизационный фактор // *Сравнительная политика*. — 2014. — Т. 5. — № 1 (14). — С. 65–76. DOI:10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-65-76
6. *Шаумян Т. Л.* Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // *Сравнительная политика*. — 2013. — Т. 4. — № 3 (13). — С. 44–64.
7. *Banyan.* India-China relations and the media. Blame the messenger // *The Economist*. — 2012. — May 2. — URL: <http://www.economist.com/blogs/banyan/2012/05/india-china-relations-and-media>
8. *Chu Shulong.* A Chinese Take on India's Eastward Strategy and its Implications // *ASAN Forum*. — 2016. — URL: www.theasanforum.org
9. *Chen Dongxiao, Feng Shuai.* The Russia-India-China Trio in the Changing International System // *China Quarterly of International Strategic Studies*. — 2016. — Vol. 2. — No. 4. — P. 431–447. DOI: 10.1142/S2377740016500275
10. *Gupta C. V.* Is the Growing Warmth in the Relationship Between Russia and China a Threat to India in the Next 10 Years? // *Indo-Pacific Strategic Digest*. — 2017. — URL: http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/documents/digest/Spring_2017/IPSD_Gupta_spring2017.pdf
11. *Kumar R., Belokrenitsky V.* India-Russia-China Trilateral on Peace&Stabilisation of Afghanistan / *Delhi Policy Group and the Institute of Oriental Studies*. — 2015. — June 29–30.
12. *Kundu N. D.* Russia-India-China: Prospects for Trilateral Cooperation. — 2004. — URL: http://www.helsinki.fi/aleksanteri/english/publications/contents/ap_3-2004.pdf
13. *Li Xin.* India Through Chinese Eyes / *World Policy Institute*. — 2013. — URL: www.worldpolicy.org
14. *Li Xing, Cheng Zhi-jie.* China-Russia-India — The BRICS Countries in Eurasia Are the Key Factors in the Construction of the Silk Road Economic Belt // *Journal of Literature and Art Studies*. — 2016. — Vol. 6. — No. 3. — P. 286–297. — DOI:10.17265/2159-5836/2016.03.009
15. *Lissovlik Y.* BRICS-plus: Alternative Globalization in the Making? // *World Economic Forum*. — 2018. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/01/brics-plus-an-alternative-to-globalization-in-the-making>
16. *Rana P. B., Chia W.-M.* Jumpstarting South Asia. Revisiting Economic Reforms and Look East Policies. — Oxford University Press, 2018. — 254 p.
17. *Sharma A.* Trade Gap Strains India-China Ties // *The Wall Street Journal*. — 2012. — August, 3. — URL: <http://online.wsj.com/article/SB10000872396390443687504577563542149677000.html>
18. *Whalley J., Shekhar Tanmaya.* Rapidly Deepening India-China Economic Relationship // *CESIFO Working Paper*. — 2010. — URL: <https://www.CESifo-group.org/wp>

EKATERINA ARAPOVA

The RIC Potential Amid Growing Indian-Chinese Contradictions

Ekaterina Arapova, Ph.D. (Economics),
Senior Research Fellow, BRICS Center,
Institute for International Studies;
Head, Department of Master's Programs Assessment,
MGIMO University.

E-mail: arapova_katrin@mail.ru

Summary. The article aims at assessing the potential of trilateral cooperation of Russia, China and India amid growing geopolitical and economic contradictions between India and China in recent years, as well as the role of Russia in strengthening trilateral partnership. Despite the unfavorable dynamics in latent conflicts resolution, the high economic interdependence and importance of the three countries for each other push them to search for opportunities for mutually beneficial constructive partnership on an equal footing.

The study demonstrates the low potential of trilateral cooperation. At the same time, cooperation at the multilateral level can be much more effective: within the SCO, BRICS and, quite possibly, "BRICS+", if this initiative is implemented in accordance with the Russian approach, with the participation of all members of the BRICS-driven integration blocks. At the same time, Russia can take on the role of moderator of the Indian-Chinese contradictions, concentrating efforts primarily in the economic area to achieve higher efficiency in the short- and medium term.

Keywords: Russia, India, China, BRICS, territorial disputes, multilateral interaction, economic cooperation

REFERENCES

- Arapova E. Y. Aziya: na puti k obshchestvu potrebleniya [Asia: on the Way to Consumer Society]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2017. Vol. 61. No. 7. P. 45–53.
- Arapova E. Y. Kitay: mezhdunarodnoye vzaimodeystviye v usloviyakh vnutrennikh svyazey [China: Trends of International Interaction amid Contemporary Challenges]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2018. Vol. 62. No. 6. P. 77–85.
- Banyan. India-China relations and the media. Blame the messenger. *The Economist*. 2012. May 21. – URL: <http://www.economist.com/blogs/banyan/2012/05/india-china-relations-and-media>
- Chen Dongxiao, Feng Shuai. The Russia-India-China Trio in the Changing International System. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2016. Vol. 2. No. 4. P. 431–447. DOI: 10.1142/S2377740016500275
- Chu Shulong. *A Chinese Take on India's Eastward Strategy and its Implications*. ASAN Forum. 2016. – URL: www.theasanforum.org
- Gupta C.V. Is the growing warmth in the relationship between Russia and China a threat to India in the next 10 years? *Indo-Pacific Strategic Digest*. 2017. – URL: http://www.defence.gov.au/ADC/Publications/documents/digest/Spring_2017/IPSD_Gupta_spring2017.pdf
- KNR v internatsionalizirovannykh lokal'no-regional'nykh konfliktakh XXI veka* [PRC in international local and regional conflicts of the XX century]. Otv. red. S. A. Kanchukov, V. A. Abramov. Chita: ChitGU, 2007. 231 p.
- Kumar R., Belokrenitsky V. *India-Russia-China Trilateral on Peace&Stabilisation of Afghanistan*. Delhi Policy Group and the Institute of Oriental Studies. 2015. June 29–30.
- Kundu N. D. *Russia-India-China: Prospects for Trilateral Cooperation*. 2004. – URL: http://www.helsinki.fi/aleksanteri/english/publications/contents/ap_3-2004.pdf

- Li Xin. *India through Chinese Eyes*. World Policy Institute. 2013. — URL: www.worldpolicy.org
- Li Xing, Cheng Zhi-jie. China — Russia — India — The BRICS Countries in Eurasia Are the Key Factors in the Construction of the Silk Road Economic Belt // *Journal of Literature and Art Studies*. 2016. Vol. 6. No. 3. P. 286–297. DOI:10.17265/2159-5836/2016.03.009
- Lissovlik Y. *BRICS-plus: Alternative globalization in the making?* World Economic Forum. 2018. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2018/01/brics-plus-an-alternative-to-globalization-in-the-making>
- Lunev S. I. Potentsial sotrudnichestva v formate BRIKS i kul'turno-tsivilizatsionnyy factor [BRICS Potential of Cooperation and Cultural-Civil Factor]. *Sravnitel'naya politika*. 2014. Vol. 5.— No. 1 (14). P. 65–76. DOI: 10.18611 / 2221-3279-2014-5-1 (14) -65-76
- Rana P.B., Chia W-M. *Jumpstarting South Asia. Revisiting Economic Reforms and Look East Policies*. Oxford University Press, 2018. 254 p.
- Sharma A. Trade Gap Strains India-China Ties // *The Wall Street Journal*. 2012. August 3. — URL: <http://online.wsj.com/article/SB10000872396390443687504577563542149677000.html>
- Shaumyan T. L. Indiya, SHOS i BRIKS v sovremennoy geopolitike [India, SCO and BRICS in Contemporary Geopolitics]. *Sravnitel'naya politika*. 2013. Vol. 4. No. 3 (13). P. 44–64.
- Volkhonskiy B. M. *Aktual'nyye problemy indiyско-kitayskikh otnosheniy* [Actual problems of Indian-Chinese relations]. Rossiyskiy institut strategicheskikh issledovaniy. 2011. — URL: <https://riss.ru/analytics/2372/>
- Whalley J., Shekhar Tanmaya. *Rapidly Deepening India-China Economic Relationship*. CESIFO Working Paper. 2010. — URL: <https://www.CESifo-group.org/wp>

Н. Н. БОЛЬШОВА

Торговля услугами и перспективы общего рынка услуг в ЕАЭС

Наталья Николаевна Большова, канд. полит. наук,
вед. науч. сотр. Центра европейских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России,
доцент Кафедры интеграционных процессов
Европейского учебного института МГИМО МИД России.
E-mail: varioukhina@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ процесса создания общего рынка услуг в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Рассматриваются структурные экономические и институциональные факторы, препятствующие интеграции рынков услуг государств-членов. Среди негативных экономических факторов выделяются низкий объем внутрирегиональной торговли услугами, ориентация государств-членов на третьи страны в торговле услугами, низкая степень диверсификации отраслевой структуры в торговле взаимными услугами, неразвитость деловых и инновационных секторов услуг, а также моноцентричная система торговли услугами (в которой роль главного поставщика и потребителя услуг играет одно государство). В качестве институционального фактора отмечается отсутствие наднационального механизма либерализации торговли взаимными услугами. Несмотря на то что Евразийская экономическая комиссия разрабатывает планы либерализации правил торговли взаимными услугами, ее возможности повлиять на решения государств-членов ограничены, так как регулирование общего рынка услуг не входит в сферу ее прямой компетенции.

Ключевые слова: интеграция, общий рынок услуг, либерализация торговли услугами, транспортные услуги, Евразийский экономический союз, Евразийская экономическая комиссия, Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения.

Международная торговля услугами интенсивно развивается в последнее десятилетие под влиянием процессов глобализации и интернационализации и по темпам роста опережает динамику торговли товарами [4, с. 162–163; 6, с. 47]. В 2017 г. стоимостной объем мирового экспорта услуг составил 5,3 трлн долл. США (в 2011 г. — 4,4 трлн), объем мирового импорта услуг был равен 5,1 трлн долл. США (в 2011 г. — 4,2 трлн)¹.

Наиболее активно в международную торговлю услугами вовлечены такие страны, как США, Великобритания, Германия, Франция, Китай, Нидерланды, Ирландия, Япония, Индия, Сингапур. На них приходится около 53 % мирового экспорта и 53 % мирового импорта услуг. Вклад ЕАЭС в международный обмен услугами в настоящее время скромнее — 1,4 % в мировом экспорте и 2,1 % в мировом импорте услуг² (подробнее см. *Табл. 1*).

¹ По данным International Trade Centre (ITC). Trade statistics for international business development. ITC Trade map. — URL: <http://www.intracen.org/>

² Там же.

Таблица 1

Экспортеры и импортеры услуг в мире, тыс. долл. США

Экспортеры	Объем экспорта в 2017 г.	Доля в мировом экспорте 2017 г., %	Импортеры	Объем импорта в 2017 г.	Доля в мировом импорте 2017 г., %
Всего в мире	5 301 744 745	100	Всего в мире	5 078 364 711	
США	780 874 951	14,7	США	538 110 013	10,6
Великобритания	350 687 320	6,6	Китай	467 589 372	9,2
Германия	304 058 253	5,7	Германия	323 647 331	6,4
Франция	249 473 755	4,7	Франция	240 472 261	4,7
Китай	228 090 293	4,3	Великобритания	214 945 652	4,2
Нидерланды	218 310 047	4,1	Нидерланды	210 821 262	4,1
Ирландия	186 490 973	3,5	Ирландия	198 887 858	3,9
Япония	184 770 756	3,5	Япония	190 889 261	3,8
Индия	183 980 371	3,5	Сингапур	170 795 155	3,4
Сингапур	164 679 617	3,1	Индия	154 013 602	3,0
...					
Россия	57 828 391	1,09	Россия	88 646 693	1,75
Белоруссия	7 819 000	0,15	Казахстан	10 849 482	0,21
Казахстан	6 436 569	0,12	Белоруссия	4 829 600	0,10
Армения	1 895 042	0,04	Армения	1 957 592	0,04
Киргизия	846 118	0,02	Киргизия	875 907	0,02

Источник: International Trade Centre Trade Map. — URL: <https://www.trademap.org/>

Структура международной торговли услугами имеет отличия в развитых и развивающихся странах. Так, в развивающихся странах основное место во внешней торговле услугами занимают поездки (туристические услуги). В 2016 г. стоимость экспорта услуг развивающихся стран в данном сегменте составила 447 млрд долл. США, что эквивалентно совокупному объему экспорта развитых стран в сфере страховых, пенсионных и финансовых услуг. В структуре внешней торговли услугами развитых стран доминируют деловые (коммерческие) услуги, в частности научные исследования и разработки, консалтинговые, технические услуги, услуги, связанные с торговлей, а также плата за пользование интеллектуальной собственностью. Общая стоимость деловых услуг развитых стран достигает 1 трлн долл. США. Поездки находятся только на втором месте в общем объеме экспорта развитых стран, их стоимость оценивается в 700 млрд долл. США³.

ТОРГОВЛЯ ВЗАИМНЫМИ УСЛУГАМИ В ЕАЭС

Экономическое значение международной торговли услугами характеризуется относительными показателями в процентах к ВВП⁴. В 2017 г. самые высокие показатели доли экспорта и импорта услуг в ВВП наблюдались в Армении: 16 % — экспорт услуг к ВВП и 17 % — импорт услуг к ВВП, соответственно, в Белоруссии: 14 % — экспорт и 9 % — импорт; в Киргизии: 11 % — экспорт и 12 % — импорт. Самые низкие показатели отмечались в Казахстане: 4 % — экспорт и 7 % — импорт; в России: всего 4 % — экспорт и 6 % — импорт⁵.

Суммарный объем внешнеторгового оборота услуг государств — членов ЕАЭС в 2017 г. уве-

³ UNCTAD Handbook of Statistics. 2017. P. 39. — URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat42_en.pdf

⁴ Экспорт и импорт услуг государств — членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. Экспресс-информация. 18 апреля 2018. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/documents/services/express_services_4q2017.pdf

⁵ Статистика внешнего сектора ЕАЭС. Оперативные данные за 2017 г. Статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия. — М., 2018. С. 16. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_4/finstat_4_2017.pdf

личился на 15 % (23,1 млрд долл. США) в сравнении с 2016 г., составив около 182 млрд долл. США (экспорт — 74,8 млрд, импорт — 107,1 млрд)⁶.

Суммарный торговый оборот взаимных услуг ЕАЭС в 2017 г. насчитывал около 17,5 млрд долл. и находился примерно на уровне 2014 г. (17,9 млрд) [5, с. 193] (подробнее см. Табл. 2).

Таблица 2

Экспорт, импорт и оборот взаимных услуг стран ЕАЭС, млн долл. США⁷

	Экспорт взаимных услуг		Импорт взаимных услуг		Оборот взаимных услуг	
	2014 г.	2017 г.	2014 г.	2017 г.	2014 г.	2017 г.
Армения	319,2	296,6	326,4	374,6	645,6	671,2
Белоруссия	2 257,3	2 235,2	1 504,6	1 594,1	3 761,9	3 829,3
Казахстан	2 494,9	1 785,9	2 040,1	2 316,2	4535	4 102,1
Киргизия	500,5	493,3	529,7	584,9	1 030,3	1 078,2
Россия	4 223,1	4 218,9	3 700,1	3 590,1	7 923,2	7 809,0
ЕАЭС-5	9 795,0	9 029,9	8 100,9	8 459,9	17 895,9	17 489,8

Примечание: курсивом выделены расчеты на основе «зеркальных» потоков.

Внутрирегиональная торговля услугами в ЕАЭС не имеет пока ощутимого веса в общем объеме торговли услугами ЕАЭС. Удельный вес торговли взаимными услугами в общем объеме внешнеторгового оборота услуг ЕАЭС в 2017 г. составил 9,6 % (в 2014 г. — 8 %), доля экспорта взаимных услуг ЕАЭС — 12 %, доля импорта взаимных услуг — около 8 %⁸. Для сравнения: в Европейском союзе доля экспорта взаимных услуг в общем объеме экспорта услуг достигает 56 %, доля импорта взаимных услуг в общем объеме импорта — 58 %⁹.

Невысокие показатели торговли взаимными услугами в ЕАЭС объясняются рядом факторов. Так, препятствующим фактором является географическая структура торговли услугами стран ЕАЭС. Для всех стран, исключая Киргизию, характерно преобладание ориентации на третьи страны, преимущественно на страны дальнего зарубежья. Так, в 2017 г. удельный вес торговли взаимными услугами ЕАЭС во внешней торговле услугами России составил 5,3 %, Армении — 17 %, Белоруссии — 30 %, Казахстана — около 24 %. Только в Киргизии данный показатель доходил почти до 63 % (подробнее см. Табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес взаимных услуг в экспорте, импорте и обороте услуг государств — членов ЕАЭС в 2017 г.¹⁰

	Доля взаимных услуг в экспорте услуг страны / ЕАЭС, %	Доля взаимных услуг в импорте услуг страны / ЕАЭС, %	Доля взаимных услуг в торговом обороте услуг страны / ЕАЭС, %
Армения	15,65	19,14	17,42
Белоруссия	28,59	33,01	30,27
Казахстан	27,75	21,35	23,73

⁶ International Trade Centre Trade Map. — URL: <https://www.trademap.org/>

⁷ Расчеты 2017 г. сделаны автором по: Статистический бюллетень Евразийской экономической комиссии. Экспорт и импорт услуг в ЕАЭС. 2017 г. по оперативным данным. — М., 2018; а также по данным статистики внешнего сектора Центрального Банка России (URL: <http://www.cbr.ru>). Показатели объема взаимной торговли услугами ЕАЭС в 2014 г. были взяты из [7, с. 195].

⁸ Расчеты сделаны автором по: Статистический бюллетень Евразийской экономической комиссии. Экспорт и импорт услуг в ЕАЭС. 2017 г. по оперативным данным. — М., 2018. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_6/finstat_6_2017.pdf; а также данным Статистики внешнего сектора Центрального Банка России. Внешняя торговля РФ услугами за 2017 год. <http://www.cbr.ru>

⁹ По данным Eurostat.

¹⁰ Статистический бюллетень Евразийской экономической комиссии. Экспорт и импорт услуг в ЕАЭС. 2017 г. по оперативным данным. — М., 2018; а также по данным статистики внешнего сектора Центрального Банка России (URL: <http://www.cbr.ru>).

Киргизия	58,30	66,78	62,61
Россия	7,30	4,05	5,33
ЕАЭС-5	12,07	7,89	9,61

Еще одним негативным фактором для формирования Единого рынка услуг выступает низкая степень диверсификации услуг на внутреннем рынке ЕАЭС. В структуре экспорта взаимных услуг во всех странах ЕАЭС преобладают поездки, в том числе услуги, связанные с туризмом, и транспортные услуги. На их долю приходится 60 % всех экспортируемых услуг в рамках взаимной торговли. Предложение прочих деловых услуг на внутреннем рынке услуг ЕАЭС составляет 12,5 %, строительных услуг – 8,5 %. (подробнее см. *Табл. 4*). При узком и схожем ассортименте предлагаемых услуг конкуренция друг с другом в одних и тех же сферах услуг способствует росту протекционизма со стороны партнеров по объединению, что осложняет процесс либерализации торговли.

Таблица 4

**Структура экспорта взаимных услуг в ЕАЭС-3 (Белоруссия, Казахстан, Россия)
с распределением по секторам услуг, %¹¹**

Экспорт Белоруссии, Казахстана, России	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Услуги по обработке материальных ресурсов, принадлежащих другим странам	4,09	3,50	2,27	3,04
Техническое обслуживание и текущий ремонт	3,20	3,63	3,84	3,80
Транспортные услуги	31,17	30,40	27,83	27,43
Поездки	27,13	27,63	33,75	33,03
Строительные услуги	8,49	10,32	8,31	8,53
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	0,42	0,32	0,39	0,47
Финансовые услуги	1,17	2,13	1,80	2,13
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	1,33	1,53	1,99	1,09
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	6,65	6,88	6,82	6,71
Прочие деловые услуги	15,01	12,64	12,08	12,56
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	0,99	0,85	0,56	0,76
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	0,34	0,18	0,36	0,45

В качестве неблагоприятного фактора для Единого рынка услуг ЕАЭС следует также отметить сложившуюся еще до образования ЕАЭС моноцентричную систему внутрирегиональной торговли услугами, в которой роль главного центра притяжения (поставщика и потребителя услуг) играет Россия. Более 90 % взаимной торговли стран объединения осуществляется с участием России. Наиболее интенсивные торговые потоки услуг отмечаются в двусторонней торговле России – Белоруссии и России – Казахстана. В каждой паре объем двусторонней торговли услугами достигает в последние годы 3,0–3,6 млрд долл. США. Среди потоков без участия России можно выделить пары Казахстан – Киргизия (463 млн) и Казахстан – Белоруссия (157 млн) (подробнее см. *Табл. 5–8*).

¹¹ Расчеты сделаны автором на основе: Статистический бюллетень Евразийской экономической комиссии. Экспорт и импорт услуг в ЕАЭС. 2017 г. по оперативным данным. – М., 2018.

Таблица 5

Основные двусторонние потоки услуг в ЕАЭС, млн долл. США¹²

Экспорт услуг в двусторонних потоках	2014 г.	2017 г.
Россия – Белоруссия, Белоруссия – Россия	3674,7	3 600,8
Россия – Казахстан, Казахстан – Россия	4339,0	3 522,1
Россия – Армения, Армения – Россия	636,1	657,5
Россия – Киргизия, Киргизия – Россия	590,8	610,3
Казахстан – Киргизия, Киргизия – Казахстан	439,5	463,4
Казахстан – Белоруссия, Белоруссия – Казахстан	105,5	157,6
Казахстан – Армения, Армения – Казахстан	9,4	5,2

Таблица 6

Экспорт взаимных услуг в ЕАЭС в 2017 г., млн долл. США¹³

	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия	ЕАЭС-5
<i>Армения</i>	—	1,2	1,6	<i>Нет данных</i>	293,8	296,6
Белоруссия	7,3	—	139,7	4,1	2084,1	2235,2
Казахстан	3,6	17,9	—	203,7	1560,7	1785,9
<i>Киргизия</i>	<i>Нет данных</i>	0,4	259,7	—	233,2	493,3
Россия	363,7	1516,7	1961,4	377,1	—	4218,9
ЕАЭС-5	374,6	1536,2	2362,4	584,9	4171,8	9029,9

Примечание: курсивом выделены «зеркальные» потоки.

Таблица 7

Импорт взаимных услуг в ЕАЭС в 2017 г., млн долл. США¹⁴

	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия	ЕАЭС-5
<i>Армения</i>	—	7,3	3,6	<i>Нет данных</i>	363,7	374,6
Белоруссия	1,2	—	44,4	0,4	1 548,1	1 594,1
Казахстан	1,6	34,8	—	259,7	2 020,1	2 316,2
<i>Киргизия</i>	<i>Нет данных</i>	4,1	203,7	—	377,1	584,9
Россия	293,8	2 085,7	977,4	233,2	—	3 590,1
ЕАЭС-5	296,6	2 131,9	1 229,1	493,3	4 309	8 459,9

Примечание: курсивом выделены «зеркальные» потоки.

¹² Расчеты сделаны автором на основе: Статистический бюллетень Евразийской экономической комиссии. Экспорт и импорт услуг в ЕАЭС. 2017 г. по оперативным данным. — М., 2018; а также по данным Статистики внешнего сектора Центрального Банка России. Внешняя торговля РФ услугами за 2017 г. (URL: <http://www.cbr.ru>). Показатели объема взаимной торговли услугами ЕАЭС в 2014 г. взяты в [7, с. 195].

¹³ Расчеты сделаны автором на основе: Статистический бюллетень Евразийской экономической комиссии. Экспорт и импорт услуг в ЕАЭС. 2017 г. по оперативным данным. — М., 2018; а также по данным Статистики внешнего сектора Центрального Банка России. Внешняя торговля РФ услугами за 2017 г. (URL: <http://www.cbr.ru>).

¹⁴ Там же.

Таблица 8

Оборот услуг в ЕАЭС в 2017 г., млн долл. США¹⁵

	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия	ЕАЭС-5
Армения	—	8,5	5,2	Нет данных	657,5	671,2
Белоруссия	8,5	—	184,1	4,5	3 632,2	3 829,3
Казахстан	5,2	52,7	—	463,4	3 580,8	4 102,1
Киргизия	Нет данных	4,5	463,4	—	610,3	1 078,2
Россия	657,5	3 602,4	2 938,8	610,3	—	7 809
ЕАЭС-5	671,2	3 668,1	3 591,5	1 078,2	8 480,8	17 489,8

В период с 2014 по 2016 гг. экспорт взаимных услуг ЕАЭС-3 (Белоруссии, Казахстана и России) характеризовался отрицательной динамикой. В 2016 г. общий экспорт услуг уменьшился на 1,2 млрд (на 14,1 %) по сравнению с 2015 г.¹⁶ Сокращение взаимного экспорта наблюдалось практически по всем услугам. Экспорт поездок снизился почти на 16 %, транспортных услуг — на 15 %, телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг — на 15 %, строительных услуг — на 12 %, деловых услуг — на 11 %. Самое высокое падение (на 53 %) произошло в торговле услугами в секторе «плата за пользование интеллектуальной собственностью». При этом отмечался подъем экспорта в секторе услуг частным лицам и услуг в сфере культуры и отдыха (почти на 17 %) (подробнее см. Табл. 9).

Таблица 9

Прирост экспорта взаимных услуг в ЕАЭС-3 (Белоруссии, Казахстане, России)
по секторам услуг, %¹⁷

Экспорт ЕАЭС-3	Прирост 2013–2014 гг.	Прирост 2014–2015 гг.	Прирост 2015–2016 гг.
	%	%	%
Услуги по обработке материальных ресурсов, принадлежащих другим странам	–14,73	–38,42	15,30
Техническое обслуживание и текущий ремонт	13,00	0,69	–15,07
Транспортные услуги	–2,85	–12,93	–15,34
Поездки	1,47	16,14	–15,91
Строительные услуги	21,06	–23,44	–11,76
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	–24,27	14,79	3,99
Финансовые услуги	81,22	–19,55	1,46
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	14,85	23,92	–52,88
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	3,00	–5,66	–15,50
Прочие деловые услуги	–16,07	–9,19	–10,63
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	–14,14	–37,75	16,99
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	–49,17	94,16	7,69
Итого	–0,36	–4,92	–14,08

¹⁵ Там же.¹⁶ Взаимные услуги государств – членов ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. Экспресс-информация. 1 декабря 2017. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/mutual_services/express_ms_2016.pdf¹⁷ Взаимные услуги государств – членов ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. Экспресс-информация. 1 декабря 2017. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/express_information/Documents/mutual_services/express_ms_2016.pdf

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ ВЗАИМНЫМИ УСЛУГАМИ В РАМКАХ ЕДИНОГО РЫНКА УСЛУГ ЕАЭС

Вопросам либерализации торговли услугами, учреждения, деятельности и осуществления инвестиций посвящен Раздел XV Договора о ЕАЭС (статьи 65–69). Правовые основы регулирования торговли услугами в государствах – членах ЕАЭС определяются Протоколом о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций¹⁸. В соответствии с пунктом 38 Протокола под единым рынком услуг понимается «состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-член предоставляет лицам любого другого государства-члена право на:

- 1) поставку (и получение услуг) на условиях национального режима, режима наибольшего благоприятствования и режима неприменения количественных и инвестиционных ограничений без ограничений, изъятий и дополнительных требований, за исключением условий и ограничений, предусмотренных Приложением № 2 к Протоколу, в котором изложен перечень сохраняемых государствами-членами горизонтальных ограничений в отношении всех секторов и видов деятельности;
- 2) поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица;
- 3) поставку услуг на основании разрешения на поставку услуг, полученного поставщиком услуг на территории своего государства-члена;
- 4) признание профессиональной квалификации персонала поставщика услуг».

Процесс формирования Единого рынка услуг ЕАЭС осуществляется поэтапно, по модели секторальной «разноскоростной» интеграции. В соответствии с данной моделью либерализация торговли проводится по секторам услуг. При этом государства-члены могут переходить к единому рынку в более ранние сроки. Каждое государство принимает такое решение в зависимости от своей готовности (политической воли) [1, с. 630; 3].

С 1 января 2015 г. Единый рынок услуг ЕАЭС был создан в 43 секторах услуг¹⁹, которые образовали «первую корзину услуг». Она представляет 50 % совокупного объема услуг, производимых в ЕАЭС, в том числе в Армении – около 45 %; в Белоруссии – около 40 %; в Казахстане – около 50 %; в Киргизии – около 50 %; в России – около 50 %. Полный список услуг, уже действующих в режиме ЕРУ, определен в «Перечне секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Союза»²⁰. В него вошли менее чувствительные для государств – членов сектора услуг: отдельные подсектора в области строительных, инженерных услуг; услуг по градостроительному проектированию; услуги, относящиеся к сельскому, лесному, охотничьему хозяйствам; компьютерные услуги; услуги в области оптовой и розничной торговли (с существенными изъятиями); некоторые консультативные услуги; услуги по организации спорта и других видов отдыха и др.

16 октября 2015 г. ВЕЭС утвердил новый перечень из 21 сектора услуг («вторую корзину услуг»), на которые приходится 10 % совокупного объема услуг ЕАЭС²¹. В него были включены отдельные подсектора строительных и инженерных услуг, рекламные услуги, услуги в области аудита, бухгалтерского учета, услуги, связанные с недвижимым имуществом; услуги туристических агентств; услуги по прогнозу погоды и метеорологии; услуги, связанные с производством и распространением кино- и видеофильмов; услуги, связанные с научно-исследовательской деятельностью в естественных и гуманитарных науках, и др.

Формирование ЕРУ во «второй корзине» должно реализовываться в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода). В 2016 г. ВЕЭС утвердил 18 планов либерализации соответствующих секторов услуг²². Эти планы содержат мероприятия, направленные на сближение механизмов допуска к осуществлению деятельности; обеспечение признания про-

¹⁸ Приложение №16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.

¹⁹ Сектора и подсектора услуг в рамках ЕРУ ЕАЭС классифицируются на основе CPC (Международного классификатора основных продуктов ООН).

²⁰ Решение ВЕЭС № 110 от 23 декабря 2014 г.

²¹ Решение ВЕЭС № 30 от 16 октября 2015 г.

²² Решение ВЕЭС № 23 от 26 декабря 2016 г. «Об утверждении планов либерализации по секторам услуг, указанным в Решении ВЕЭС от 16 октября 2015 г. № 30».

фессиональных квалификаций персонала поставщиков услуг; организацию административного сотрудничества.

В рамках права ЕАЭС предусмотрены два способа проведения либерализации: взаимное признание или гармонизация законодательства. В случае наличия содержательной эквивалентности регулирования в государствах-членах принимается решение о взаимном признании разрешений, профессиональных квалификаций. В этом случае гармонизация законодательства для перехода в единый рынок услуг не требуется. В случае отсутствия содержательной эквивалентности принимается решение о начале процедуры гармонизации законодательства — сближении законодательства государств-членов, направленного на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования²³.

Непосредственная работа по подготовке проектов планов либерализации секторов услуг, координация и мониторинг исполнения мероприятий планов либерализации проходит в специальных рабочих группах, которые создаются Советом ЕЭК. В 2016 г. были созданы 10 специальных рабочих групп²⁴. Руководители рабочих групп назначаются Советом ЕЭК из числа членов Коллегии Комиссии. В состав рабочих групп также входят представители компетентных органов государств-членов и органов государств-членов, уполномоченные на взаимодействие с Комиссией (руководители, заместители руководителей, должностные лица, специалисты), представители бизнес-сообщества и организаций государств-членов, а также должностные лица и сотрудники Комиссии.

К 2021 г. переход к Единому рынку услуг должен быть завершен в 18 секторах услуг²⁵. В то же время для отдельных государств-членов в планах либерализации предусмотрены более поздние сроки либерализации отдельных секторов услуг, что «не является препятствием для других государств-членов к созданию единого рынка в этих секторах услуг на условиях взаимности» (пункт 42 Приложения № 15 к Договору о ЕАЭС).

Необходимо отметить, что для Казахстана с самого начала были установлены особые условия и переходные периоды для присоединения к единому рынку в 29 секторах услуг (включая услуги в сфере сельского, лесного и охотничьего хозяйства, услуги аренды машин и оборудования без оператора, консультационные услуги по вопросам архитектуры, управления, исследования рынка и общественного мнения, услуги по разработке, применению программного обеспечения, фотоуслуги, услуги по организации развлечений, спорта и др.). К 1 января 2016 г. Казахстан провел либерализацию торговли в шести секторах, включая услуги в области оптовой и розничной торговли, франчайзинговые услуги, услуги гостиниц и предприятий общественного питания, услуги в области звукозаписи. В восьми секторах (подсекторах) Казахстан планирует перейти к ЕРУ только в 2025 г. в целях защиты интересов национального бизнеса, включая строительные, инженерные услуги и услуги в области градостроительного проектирования. И еще в шести секторах Казахстан отказался проводить либерализацию (техническое обслуживание и ремонт, вспомогательные и транспортные услуги). Таким образом, общий рынок услуг формируется не в полном формате (ЕАЭС-5), а только там, где участвует Казахстан [5, с. 239].

Государства-члены взяли на себя обязательства по расширению Единого рынка услуг на максимальное количество секторов услуг. В то же время из единого рынка услуг сделан ряд исключений для наиболее чувствительных для государств-членов секторов услуг, в которых государства-члены сохраняют за собой право вводить отдельные ограничения «в отношении услуг, поставщиков или получателей услуг любого другого государства-члена» [1, с. 660]. Данные ограничения содержатся в двух перечнях: перечне «горизонтальных ограничений», сохраняемых государствами-членами в отношении всех секторов и видов деятельности, и в «индивидуальных» национальных перечнях ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий.

Перечень «горизонтальных ограничений» определен в Приложении 2 к Протоколу о торгов-

²³Алгоритм работы по реализации пунктов планов либерализации. — URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/work_group/Pages/default.aspx

²⁴Решение Совета ЕЭК № 16 от 12 февраля 2016 г. О рабочих группах по секторам (подсекторам) услуг, по которым формирование единого рынка услуг в рамках ЕАЭС будет осуществлено в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода).

²⁵Бекешев Б. Б. Презентация ЕЭК «О реализации мероприятий планов либерализации». Москва, 30 июня 2017 г. — URL: http://eec.eaeunion.org/ru/act/finpol/dobd/work_group/Documents/%d0%9f%d1%80%d0%b5%d0%b7%d0%b5%d0%bd%d1%82%d0%b0%d1%86%d0%b8%d1%8f%2030%20%d0%b8%d1%8e%d0%bd%d1%8f%202017%20%d0%b3.pdf

ле услугами...²⁶. «Горизонтальные ограничения» сохраняют силу в режиме единого рынка услуг. Перечень России содержит 12 ограничений, Казахстана — 11, Белоруссии — 8, Киргизии — 12, Армении — 4. Перечни государств-членов включают такие общие ограничения в отношении иностранцев, как ограничения на доступ к государственным субсидиям, аренду и предоставление прав собственности на земельные участки (сельскохозяйственные, земли приграничных территорий и другие типы земель), на пользование недрами и животным миром, на заключение сделок в сферах деятельности, имеющих стратегическое значение для обороны и безопасности государства и т. д. Основанием для введения данных ограничений являются национальные законодательства государств-членов.

«Индивидуальные национальные перечни» утверждаются Высшим евразийским экономическим советом²⁷. В отличие от «горизонтальных ограничений» национальные перечни действуют в течение определенного периода до тех пор, пока в конкретном секторе не будет создан единый рынок услуг. «Индивидуальный национальный перечень» России включает 38 ограничений и изъятий, Казахстана — 30, Белоруссии — 28, Киргизии — 13, Армении — 9. По данному перечню государства-члены договорились о постепенном сокращении ограничений и изъятий.

В индивидуальных национальных перечнях всех государств-членов закреплены два общих «зонтичных изъятия» [2, с. 69]:

- 1) право государств-членов применять ограничения, изъятия, дополнительные требования и условия в отношении финансовых услуг, услуг естественных монополий, услуг в области энергетики и транспорта в соответствии со своими правовыми и международными договорами в части, не противоречащей разделам XIV, XIX, XX, XXI Договора о ЕАЭС и договоренностям, которые будут достигнуты государствами — членами ЕАЭС в соответствии с указанными разделами;
- 2) деятельность, на осуществление которой требуется лицензия, может осуществляться только юридическими лицами государств-членов или индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в установленном порядке в государствах-членах. Виды деятельности, на осуществление которых требуется лицензия, а также определение организационно-правовой формы лицензиата устанавливаются законодательствами государств-членов.

Некоторые изъятия и ограничения повторяются в разных «индивидуальных национальных перечнях» государств-членов, например: запрет в отношении иностранцев на профессиональную деятельность в качестве судебного исполнителя, адвоката и стажера адвоката, патентного поверенного, нотариуса и помощника нотариуса и т. д.; на охранную деятельность; ограничения в отношении иностранцев и иностранных юридических лиц на торговлю услугами связи, пользование недрами, деятельность в сфере ядерной энергетики и обращения с радиоактивными отходами, торговлю алкогольной продукцией, оказание почтовых услуг и т. д.

Армения, Россия и Белоруссия ограничили доступ и деятельность иностранцев и иностранных юридических лиц в СМИ и издательской сфере. Казахстан и Киргизия отдельно прописали возможности доступа к деятельности в области оборота наркотических средств и их прекурсоров [2, с. 67–68].

Необходимо отметить, что «индивидуальные» ограничения свободной торговли услугами в энергетическом и финансовом секторах, в сфере естественных монополий и транспорта в настоящее время обусловлены объективными факторами: общие рынки в данных отраслях находятся еще только в процессе формирования. Для этих секторов предусмотрены более длительные сроки либерализации, что связано с их высокой значимостью для национальных экономик. Создание общего рынка электроэнергетики ЕАЭС запланировано на 2019 г., общего транспортного рынка, общего финансового рынка, общего рынка газа, нефти и нефтепродуктов — на 2025 г.

Особое внимание в ЕАЭС уделяется либерализации транспортных услуг. Формирование общего рынка транспортных услуг ЕАЭС проходит в рамках скоординированной (согласованной) политики (то есть без унификации законодательств государств-членов) в сфере автомобильного, воздушного, водного и железнодорожного транспорта. Приоритетность транспортного сектора в евразийской интеграции обусловлена его стратегической ролью для государств-членов

²⁶ Перечень сохраняемых государствами-членами «горизонтальных ограничений» в отношении всех секторов и видов деятельности. Приложение № 2 к Протоколу о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций.

²⁷ Решение ВЕЭС № 112 от 23 декабря 2014 г. «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза».

и ЕАЭС как интеграционного объединения. Общий рынок услуг рассматривают как важный фактор конкурентоспособности товаров государств-членов на внутреннем и внешнем рынке, развития экономического и транзитного потенциала Союза и условие реализации наиболее перспективных совместных проектов государств-членов в сфере транспорта и инфраструктуры (строительство «евразийских транспортных коридоров», сопряжение процессов строительства Союза и Экономического пояса Шелкового пути).

Эффективное использование транспортного потенциала ЕАЭС в настоящее время существенно ограничено недостаточной привлекательностью транспортной инфраструктуры («недостаточный уровень развития дорожных сетей, терминалов, ограниченная пропускная способность трубопроводной системы») [5, с. 235]. Формирование единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг должно способствовать устранению существующих инфраструктурных барьеров, повышению качества национальных транспортных систем и услуг, снижению цен транспортных перевозок грузов и пассажиров и притоку существенных финансовых поступлений в бюджеты государств-членов.

* * *

Свобода перемещения услуг играет важную роль в процессе евразийской экономической интеграции. Она является фактором развития трансграничных торговых и деловых связей между странами-партнерами. В будущем роль сектора услуг во внешней и внутренней торговле ЕАЭС будет увеличиваться под влиянием процессов углубления интеграции и расширения внешнеэкономических связей ЕАЭС.

В связи с этим формирование и полноценное функционирование Единого рынка услуг является приоритетом развития ЕАЭС. В то же время очевидно, что для выполнения данной задачи необходимо преодолеть один из главных вызовов для Единого рынка услуг — низкий объем внутрирегиональной торговли услугами в ЕАЭС. Для преодоления этой проблемы необходимо стимулировать и диверсифицировать взаимную торговлю услугами, увеличить долю торговли взаимными услугами в динамично развивающихся сегментах мирового рынка услуг: в секторах информационных, компьютерных и телекоммуникационных услуг, услуг в сфере культуры и отдыха, прочих деловых услуг.

В настоящее время либерализация торговли охватывает услуги в основном в менее чувствительных секторах. Поэтому либерализация первой и второй «корзин услуг» проходит относительно легко. В дальнейшем она будет включать услуги в транспортной, энергетической и финансовой сферах. Учитывая стратегически важное значение этих отраслей для национальных экономик, можно предположить, что в наиболее чувствительных секторах государства-члены будут активнее использовать свое право на введение изъятий и ограничений для доступа иностранных поставщиков услуг на национальные рынки.

Существующие в настоящее время межправительственный механизм либерализации торговли услугами и двухуровневая система ограничений (горизонтальные ограничения и национальные перечни) могут замедлить переход к Единому рынку в этих секторах. Несмотря на то что ЕЭК занимается непосредственной разработкой планов либерализации, ее возможности повлиять на решения государств-членов существенно ограничены, так как регулирование общего рынка услуг не входит в сферу ее прямой компетенции. Решения по вопросам либерализации секторов услуг принимаются консенсусом на уровне глав государств-членов в Высшем евразийском экономическом совете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Европейская интеграция: Учебник для вузов / Под ред. О. В. Буториной (отв. ред.), Н. Ю. Кавешникова; 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект-Пресс, 2016.
2. Журова А. В. Торговля услугами в ЕАЭС. — М.: Проспект, 2016.
3. Кавешников Н. Ю. Формирование и развитие институциональной структуры Евразийского экономического сообщества // Россия и современный мир. — 2010. — № 1 (66). — С. 148–164.
4. Кузнецова Г. В., Подбиралина Г. В. Международная торговля товарами и услугами. — М.: Юрайт, 2017.
5. Международная торговля услугами: новые тенденции развития и регулирования, роль в интеграционных процессах / Под ред. А. Н. Спартака. — М.: ВАВТ, 2016.

6. Шуйский В.П. Торговля услугами – перспективный сегмент международной торговли // Российский внешнеэкономические вестник. – 2017. – № 10. – С. 44–55. – URL: [http://www.rfej.ru/rvv/id/f003ca565/\\$file/44-55.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/f003ca565/$file/44-55.pdf)

Prospects of the EAEU Single Services Market

Natalia Bolshova, PhD (Political Science),
Leading Researcher, Center for European Studies,
Institute for International Studies, MGIMO-University;
Associate Professor, Department
for Integration Studies, MGIMO-University.
E-mail: varioukhina@gmail.com

Summary. The paper analyzes the formation of a single services market in the Eurasian Economic union. Free trade of services plays an important role in the Eurasian economic integration. It contributes to the development of cross-border trade and business ties of the EAEU partners. The impact of services sector on reciprocal and international trade of member-states is expected to grow further in future as a result of deepening of economic integration and expanding of external economic relations of the EAEU.

The paper reviews economic and institutional factors, which may hinder integration of member-states services markets. Among economic impediments the author highlights such factors as a low volume of intraregional trade in services, member-states' orientation on third countries in trade in services, a low level of diversification of branch structures of their trade in services, a low share of innovative and business services in reciprocal trade, as well as monocentric system of trade in services (with one dominant state in the Union as a main supplier and consumer of services). As an institutional factor the author regards a lack of supranational mechanism of liberalization of reciprocal trade in services. Eurasian economic commission elaborates the plans of liberalization of trade in services. However the power of Commission to influence the decision making process in this sphere is limited by the member-states. The regulation of a single services market belongs to the authority of the Supreme Eurasian Economic Council and is beyond of the scope of direct competences of the Commission.

Keywords: Integration, single services market, liberalization of trade in services, transport services, Eurasian Economic Union, Eurasian Economic Commission, Russia, Belorussia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Armenia.

REFERENCES

- Evropejskaya integraciya: uchebnik dlya vuzov* [European Integration: Textbook for Universities]. Ed. by O. V. Butorina, N. Yu. Kaveshnikov). 2nd Edition, revised and updated. – Moscow: Aspekt-Press Ltd., 2016.
- Zhurava A. V. *Torgovlya uslugami v EAEU* [Trade in services in the EAEU]. – Moscow: Prospekt Ltd., 2016.
- Kaveshnikov N. Yu. Formirovanie i razvitie institucionalnoj struktury evrazijskogo ekonomicheskogo soobshhestva [Formation and Development of the Eurasian Economic Community Institutional Structure]. *Rossiya i sovremennyy mir*. – 2010. – No. 1 (66). – P. 148–164.
- Kuznecova G. V., Podbiralina G. V. *Mezhdunarodnaya torgovlya tovarami i uslugami* [International Trade in Goods and Services]. Moscow: Yurajt Ltd., 2017.
- Mezhdunarodnaya torgovlya uslugami: novye tendencii razvitiya i regulirovaniya, rol v integracionnyx processax* [International Trade in Services: New Development and Regulation Tendencies and the Role in Integration Processes]. Ed. by A. N. Spartak. Moscow: VAVT, 2016.
- Shujskij V. P. Torgovlya uslugami – perspektivnyj segment mezhdunarodnoj torgovli [Trade in Services – a Perspective Segment of International Trade]. *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik*. – 2017. – No. 10. – URL: [http://www.rfej.ru/rvv/id/f003ca565/\\$file/44-55.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/f003ca565/$file/44-55.pdf)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ПОПЫТКИ И СРЕДСТВА

А. В. КРЫЛОВ

Подходы администрации Д. Трампа к ближневосточному урегулированию

Александр Владимирович Крылов, д-р ист. наук, вед. науч. сотр.
Центра ближневосточных исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России,
профессор Кафедры востоковедения МГИМО МИД России.
E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Аннотация. Сразу после того, как Д. Трамп был избран в ноябре 2016 г. президентом США, он анонсировал наличие собственного плана урегулирования палестино-израильского конфликта. Этот план Д. Трамп называл не иначе как «сделка века», которая приведет к долгожданному миру в этом многострадальном районе Ближнего Востока. Однако, как только некоторые СМИ стали публиковать со ссылкой на серьезные источники некоторые детали плана, он тотчас оказался объектом резкой критики со стороны многих известных политиков. Палестинская же сторона официально объявила, что откровенная предвзятость новых американских инициатив исключает посредничество США на переговорах по ближневосточному урегулированию. Именно по этой причине «план Трампа» до сих пор не был официально озвучен.

Во время командировки на Западный берег р. Иордан автору этой статьи удалось встретиться с некоторыми информированными представителями палестинской команды, участвовавшими ранее в переговорах по урегулированию конфликта с израильской стороной. На основании полученной информации автор анализирует основные положения ближневосточной инициативы Д. Трампа. Основным итоговый вывод, полученный в результате проведенного анализа, состоит в том, что широко разрекламированная «сделка века» умерла еще до ее рождения. Даже при мощном давлении США обе стороны конфликта не согласятся сотрудничать в рамках новой ближневосточной доктрины Д. Трампа.

Ключевые слова: Ближний Восток, США, Израиль, палестинская проблема, палестино-израильский конфликт, ближневосточное урегулирование.

Одним из наиболее очевидных примеров корректировки ближневосточной политики США является решимость администрации Д. Трампа не только восстановить, но и укрепить традиционные партнерские отношения США с ключевыми региональными союзниками, такими как арабские страны Персидского залива и прежде всего Саудовская Аравия, а также Египет, Иордания и Израиль. Основная мотивация к сплочению этого военно-политического альянса сосредоточена на противодействии двум серьезным угрозам долгосрочным интересам США на Ближнем Востоке. Первая проистекает из ненависти к Ирану и неприятия его региональных союзников. Крайне враждебное отношение к росту иранского влияния и перспективе создания «шиитской оси сопротивления» в регионе проявляются и в конфронтационной риторике, в соответствии с которой Иран — «главный государственный агент дестабилизации Ближнего

Востока» [1, р. 4], и в конкретных действиях, выражающихся в одностороннем отказе США от участия в Совместном всеобъемлющем плане действий выйти по ядерной программе. И даже в намерении применить военную силу против Исламской Республики Иран в том случае, если та попытается получить ядерное оружие.

Вторая угроза является следствием изначально занятой враждебной позиции по отношению к России, в результате чего все ее действия на Ближнем Востоке вызывают у нынешних властей США только раздражение. Примечательно, что борьба с распространением террористических и экстремистских групп, в частности суннитских салафитско-джадистских формирований, таких как «Исламское государство», «Джабхат ан-Нусра» «Аль-Каида» и другие, отодвигается на второй план. Примечательно, что в список террористических и враждебных американской демократии организаций были зачислены «Хизбалла», «Силы Кодс» (военное подразделение специального назначения Корпуса стражей Исламской революции), некоторые отряды проиранских шиитских ополченцев и другие военные формирования, поддерживающие проправительственные войска САР. Примечательно и то, что все традиционные американские партнеры на Ближнем Востоке, включая арабские страны и Израиль, на протяжении всего конфликта в Сирии противостоят не столько откровенно террористическим и экстремистским группировкам, сколько силам, выступающим против расчленения Сирии по конфессиональному принципу.

Возвращение США при Д. Трампе к более жесткому курсу в отношении Тегерана и новые усилия американского президента по реанимации планов свержения Б. Асада под любым предлогом были по достоинству оценены в Саудовской Аравии: Эр-Рияд выделил 33 млрд долл. на закупки американского вооружения¹ и пообещал инвестировать в экономику США в ближайшем будущем 200 млрд долл.²

Антииранская ориентация новой американской администрации полностью соответствовала военно-политическим запросам Тель-Авива — основного стратегического партнера США в регионе, для которого Иран вкупе с «Хизбаллой» и режимом Б. Асада в Сирии — «враг человеческой цивилизации»³. Д. Трамп, став президентом, сделал то, чего не решались сделать его предшественники: во всеуслышание отказался от формулы «два государства для двух народов» и объявил, что готов действовать в соответствии с принципом: «У вас есть проблема — вы ее и решайте». Б. Нетаньяху не скрывал своего удовлетворения по поводу того, что теперь США не будут настаивать на возвращении Израиля к границам, которые существовали до июньской войны 1967 г., не будут требовать заморозить поселенческую активность на палестинских территориях и окончательно откажутся от провального проекта предыдущей американской администрации — «плана Керри», который так раздражал израильского премьера и его политическое окружение, поскольку предусматривал территориальные уступки палестинцам.

Выступая на пресс-конференции в Белом доме 5 декабря 2017 г., Д. Трамп заявил: «Как президент Соединенных Штатов я официально признаю Иерусалим столицей Израиля и распоряжаюсь перенести посольство США из Тель-Авива в Иерусалим»⁴. Дата открытия нового здания посольства (15 мая 2018 г.) была приурочена к 70-летию юбилею со дня провозглашения Государства Израиль. Это заявление вызвало противоречивую реакцию. Премьер-министр Великобритании Т. Мэй отметила, что ее правительство не намерено предпринимать какие-либо действия, направленные на изменение статуса Иерусалима: «Мы не согласны с решением США перенести свое посольство в Иерусалим и признать Иерусалим столицей Израиля до достижения окончательного мирного соглашения»⁵. А. Меркель дала понять, что «федеральное правительство Германии не поддерживает решение администрации США по признанию Иерусалима в качестве столицы Израиля...»⁶. Франция была среди восьми стран, которые потребовали провести экстренное заседание Совета Безопасности ООН в связи с предпринятым шагом, который «ставит под угрозу перспективу мирного урегулирования». Достаточно жесткой была реакция всех мусульманских стран. Президент Турции Р. Эрдоган пообещал «всколыхнуть весь мусуль-

¹ Dillow, Clay. The U.S. Sold \$33 Billion in Weapons to Gulf Countries in the Last Year // Fortune, March 28, 2016.

² Kerr, Simeon; Donnan, Shawn. Trump Backs Plan to Boost Saudi Investment in the US // Financial Times, March 15, 2017.

³ Netanyahu Slams Iran as the 'Enemy of Civilization' // The Times of Israel, April 19, 2018.

⁴ Statement by President Trump on Jerusalem. The White House, Washington, December 6, 2017.

⁵ PM Statement on US Decision to Move Embassy to Jerusalem: 6 December 2017. Prime Minister's Office, 10 Downing Street, London.

⁶ Germany Against Trump's Jerusalem Decision: Merkel // US News, December 6, 2017.

манский мир», чтобы не допустить изменения статуса Иерусалима⁷. С этой целью он объявил о срочном созыве в Анкаре саммита Организации исламского сотрудничества (ОИС). Даже Саудовская Аравия выразила сожаление в связи с решением президента.

Президент России В. В. Путин в телефонном разговоре с турецким лидером Р. Эрдоганом выразил серьезную обеспокоенность в связи с решением США о признании Иерусалима в качестве столицы Израиля, сообщила пресс-служба Кремля⁸.

Глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас назвал решение президента «неприемлемым преступлением»⁹. Председатель политбюро палестинского движения ХАМАС Исмаил Хания в Газе призвал палестинцев к новой интифаде¹⁰. На всей территории относительно спокойного до недавнего времени Западного берега начались массовые волнения палестинцев. Израильские арабы в Галилее забрасывали камнями проезжающие автобусы.

Сразу после заявления Д. Трампа о переносе американского посольства в Израиле в Иерусалим осведомленные арабские дипломатические источники распространили информацию о том, что Госдепартамент США имеет в своем арсенале проект плана ближневосточного урегулирования и этот план будет представлен на специальной Международной конференции, которая будет проходить в одной из арабских столиц, скорее всего в Каире, с участием израильской делегации¹¹. Тогда же появились сообщения о том, что содержание плана, который Д. Трамп постоянно называет «the ultimate deal» («сделка века», или «окончательный договор, не подлежащий пересмотру»)¹², держится в строгом секрете.

Резко осудительная реакция палестинской стороны в ответ на перенос американского посольства вызвала не менее жесткую реакцию администрации США: Белый Дом проинформировал Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам (UNRWA) о сокращении финансирования на 125 млн долл. в год. Официальный представитель США в ООН Н. Хейли пригрозила резко сократить финансирование UNRWA¹³, а уже в начале сентября Госдеп принял решение о полном прекращении финансирования структур ООН по поддержке палестинских беженцев, а также распорядился закрыть представительство ПНА в Нью-Йорке.

Ветеран израильского МИДа, посол Арье Мекель, ссылаясь на информированные источники в администрации Д. Трампа, сообщил, что в разработке «плана окончательного урегулирования палестино-израильского конфликта» участвуют четыре человека: зять Д. Трампа и его главный советник Джаред Кушнер, имеющий израильское гражданство спецпредставитель США на международных переговорах Джейсон Гринблатт, посол США в Израиле Дэвид Фридман и заместитель советника по национальной безопасности США Дина Пауэлл, американская бизнесвумен египетского происхождения [2]. Последняя, скорее всего, была добавлена в команду для того, чтобы избежать обвинений в предвзятом отношении к палестинцам, поскольку трое, поименованных первыми, являются ортодоксальными евреями, занимающими произраильскую позицию.

Во многих западных, арабских и израильских СМИ появились различные версии «плана Трампа». Они различались в деталях, не исключен и преднамеренный вброс заведомо ложной или тенденциозной информации. На наш взгляд, наиболее достоверные сведения о конкретных предложениях, которые намерен передать американский президент для обсуждения израильской и палестинской сторонами, были представлены Саэбом Орейкатом, генеральным секретарем Исполкома ООП и основным палестинским переговорщиком на предыдущих переговорах с израильтянами. Он по пунктам раскрыл «план Трампа» на пресс-конференции в Рамалле, которая состоялась 15 января 2018 г. С. Орейкат отметил, что проект «плана Трампа» состоит из 13 разделов.

Пункт 1 содержит признание США Иерусалима столицей Государства Израиль и предусматривает трансфер туда американского посольства из Тель-Авива. Фактически это означает отказ США и Израиля от обсуждения с палестинской стороной ключевого вопроса о Постоянном

⁷ Muslim Nations Urge Recognition of East Jerusalem as Palestinian Capital // BBC News, December 13, 2017.

⁸ Путин и Эрдоган выразили обеспокоенность решением США признать Иерусалим столицей Израиля // ТАСС. 2017. 7 декабря. — URL: <http://tass.ru/politika/4794386>

⁹ Anger Erupts over Jerusalem Embassy Move; Palestinian President Claims World Support // Arab News. December 8, 2017.

¹⁰ Hamas: US decision on Jerusalem is a war declaration // Al Jazeera, December 7, 2017.

¹¹ Abu Toameh Khaled. Trump Peace Plan Could Recognize Palestinian State — Report // Times of Israel, February 28, 2018.

¹² Baker, Peter. Trump Team Begins Drafting Middle East Peace Plan // The New York Times, November 11, 2017.

¹³ Трамп резко сократил помощь UNRWA // MIG-news. 2018. 17 января.

статусе — вопроса о статусе Иерусалима. Признание США Иерусалима столицей Государства Израиль является грубейшим нарушением международного права, поскольку дезавуирует резолюцию СБ ООН № 378 от 1980 г., которая подтверждает, что «все законодательные и административные меры и меры, принятые Израилем, оккупирующей державой, которые изменили или подразумевают изменять характер и статус Святого города Иерусалима, и в особенности недавний “основной закон” об Иерусалиме, не имеют законной силы и должны быть отменены немедленно», а также призывает «те государства, которые установили дипломатические миссии в Иерусалиме, вывести такие миссии из Святого Города». С. Орейкат подчеркнул, что «ни одно израильское правительство не будет вести переговоры по Иерусалиму после того, как администрация США признает его столицей».

Пункт 2 предусматривает создание будущей столицы государства Палестина на окраине Восточного Иерусалима, в небольшом палестинском селении Абу-Дис, которое сейчас входит в так называемую зону «В», находящуюся под совместным контролем Израиля и ПНА. Для расширения площади гипотетической столицы государства Палестина администрация президента США намерена обратиться к израильскому правительству с просьбой передать под контроль ПНА четыре квартала Иерусалима, которые сейчас в основном заселены палестинцами. Это — кварталы Абу-Дис, Джебель-Мукабер, Исауйя и Шуфат (лагерь палестинских беженцев, расположенный в пределах современных муниципальных границ Иерусалима).

В пункте 3 говорится, что администрация США одобрит в течение двух-трех месяцев присоединение крупных поселенческих блоков Гуш Эцион, Мааде Адумим, Модииин и Ариэль к Израилю. Таким образом, согласно «плану Трампа», приблизительно 10 % территории Западного берега и 69 населенных пунктов с числом поселенцев в 470 тыс. человек перейдут под суверенитет Израиля, а 71 поселение и 118 тыс. поселенцев подлежат эвакуации¹⁴. Де-факто это означает отказ США от положений, принятых всеми членами СБ ООН, резолюций № 242 и 338, которые утверждают, «что выполнение принципов Устава требует установления справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, который должен включать применение обоих нижеследующих принципов:

- 1) вывод израильских вооруженных сил с территорий, оккупированных во время недавнего конфликта;
- 2) прекращение всех претензий или состояний войны и уважение и признание суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном районе и их права жить в мире в безопасных и признанных границах, не подвергаясь угрозам силой или её применению».

Пункт 4 предусматривает, что администрация США разработает общую концепцию безопасности Государства Израиль и Государства Палестина, на основании которой оба государства выступят в качестве партнеров на пути к достижению мира. Эта концепция включает четыре аспекта: 1) демилитаризованное палестинское государство с мощными полицейскими силами; 2) налаживание двустороннего, регионального и международного процесса сотрудничества в области безопасности с участием Иордании, Египта и США, к которому будут приглашены другие страны; 3) сохранение израильского военного присутствия в районе Иорданской долины и Самарийского нагорья (с учетом третьего пункта это — еще, как минимум, 11 % территории Западного берега); 4) сохранение ответственности Израиля за обеспечение безопасности обоих государств в чрезвычайных ситуациях.

Пункт 5 предусматривает постепенный вывод израильских сил за пределы зон «А» (полный контроль ПНА) и «В» (совместный контроль ПНА и Израиля) на Западном берегу и с некоторых территорий зоны «С». Позднее (точная дата не называется, что подразумевает ее согласование с Израилем) в пределах этих границ будет объявлено о создании палестинского государства.

Пункты 6 и 7, соответственно, оговаривают взаимное признание Государства Израиль «национальной родиной еврейского народа» и Государства Палестина в качестве «национальной родины палестинского народа».

Пункт 8 призывает Израиль гарантировать сохранение статус-кво вокруг Святых мест, существовавшего до создания Израиля и гарантировавшего обеспечение свободного доступа верующих любых религий к Святым для них местам.

Пункт 9 предусматривает, что Израиль должен выделить площади в районе портов Ашдод

¹⁴ Подсчет наш на основании статистики, приводимой на интернет-портале израильского правозащитного движения «Бе-Целем». — URL: <https://www.btselem.org/settlements/statistics>

и Хайфа, а также аэропорта Бен-Гурион для использования этих площадей по назначению палестинцами, но при этом Израиль по-прежнему будет осуществлять контроль за безопасностью этих воздушно-морских гаваней.

Пункт 10 предполагает создание безопасного транспортного коридора между Западным берегом и сектором Газа, который будет контролироваться Израилем и находиться под его суверенитетом.

В соответствии с пунктом 11 Положения в зонах, предоставленных Израилем для пользования гражданами Государства Палестина, палестинские службы безопасности также будут обеспечивать надлежащий контроль.

В пункте 12 говорится, что территориальные воды, воздушное и электромагнитное пространства будут находиться под контролем Израиля без ущерба для потребностей Государства Палестина.

Наконец, в пункте 13 плана содержится призыв к справедливому решению проблемы беженцев в рамках Государства Палестина. При этом подчеркивается, что речь идет только о беженцах, находящихся в лагерях на Западном берегу и в Газе¹⁵.

По сообщению израильского портала "Debka", президент США обсудил план с тремя арабскими лидерами — наследником саудовского престола принцем Мухаммедом бин-Салманом, эмиром ОАЭ шейхом Мухаммедом бин-Зайедом и президентом Египта Абдель Фаттахом ас-Сиси. Он также обсудил план с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху. К обсуждению пытались привлечь президента Турции Р. Эрдогана, но он отказался¹⁶.

Реакция палестинской стороны на американскую «сделку века» была однозначной: М. Аббас, получив план Трампа по дипломатическим каналам из Саудовской Аравии, отказался даже вскрыть конверт с документом, еще раз подчеркнув тем самым, что ПНА не намерена участвовать в процессе продвижения новой американской инициативы¹⁷. «Трамп и Нетаньяху планируют закрыть палестинское дело посредством исключения вопроса о Иерусалиме из любого соглашения об урегулировании, аннексии большей части крупных поселений и переноса нашей столицы на задворки Иерусалима», — подчеркнул С. Орейката¹⁸. Профессор Бирзейтского Университета (Рамалла) Али Джарбауи отметил, что «американцы могут решить палестинский вопрос так, как это удобно Трампу, на региональной конференции с участием своих союзников, но без участия палестинцев».

Несмотря на то что «план Трампа» носит асимметричный произраильский характер и предполагает отказ палестинцев от всех их требований, которые они отстаивали на предыдущих переговорах (отказ от провозглашения столицы государства Палестина на территории Восточного Иерусалима, отказ от значительной части своей территории на Западном берегу, отказ от законного права миллионов палестинских беженцев на возвращение даже на территорию будущего палестинского государства), тем не менее инициатива американского президента таит в себе немало подвохов, которые могут поставить израильское политическое руководство во главе с Б. Нетаньяху в крайне затруднительное положение. Многие аналитики в Израиле уверены, что Д. Трамп забросил наживку в виде трансфера посольства из Тель-Авива в Иерусалим, в результате чего Б. Нетаньяху и его окружение стали заложниками следующих шагов американской дипломатии.

Уже второй пункт «плана Трампа» предполагает передачу четырех кварталов Иерусалима в зону «А», то есть зону полного суверенитета ПНА, а это противоречит основному закону «Иерусалим — столица Израиля», согласно ст. 6 которого «не будут переданы иностранному органу, государственному или правительственному, или иному подобному иностранному органу, как постоянно, так и временно, какие бы то ни было полномочия, относящиеся к муниципальным границам Иерусалима, существовавшим на 28 июня 1967 года»¹⁹. Кварталы Абу-Дис, Джебель-Мукабер, Исауйя и Шуфат попадают под упомянутый выше закон. Один этот пункт «плана Трампа» загоняет Б. Нетаньяху в безвыходную ловушку. Израильский премьер понимает, что стоит ему только дать согласие на передачу части территории Восточного Иерусалима

¹⁵ Выступление генерального секретаря Исполкома ООП С. Орейката на пресс-конференции в Рамалле (Палестина), 15 января 2018 г. Автор записки присутствовал на этой пресс-конференции во время командировки в Израиль и Палестину в январе-феврале 2018 г.

¹⁶ Trump ME Peace Plan: Half West Bank for Palestinians, Abu Dis as Capita // Debka, May 20, 2018.

¹⁷ Palestinians Have Seen Trump 'Deal of the Century' and Want Nothing of It // Middle East Eye, March 16, 2018.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Сефер а-Хуким (Свод государственных законов Израиля). — Иерусалим, 5 августа 1980 г. — Т. 980. — С. 186 (на языке иврит).

палестинцам, как это приведет к развалу его правительственной коалиции и расколу правящей партии «Ликуда».

Не менее опасен для Б. Нетаньяху 4-й пункт «плана Трампа», предполагающий создание «демилитаризованного палестинского государства». Уместно напомнить, что во всех своих выступлениях во время последней предвыборной кампании в марте 2015 г. Б. Нетаньяху неизменно утверждал, что если он станет вновь премьер-министром, то никакого палестинского государства создано не будет. При этом лидер «Ликуда» убеждал израильский электорат в том, что «любой, кто собирается создать сегодня палестинское государство, превращает нашу землю в пусковую площадку для нападений исламистских экстремистов на Государство Израиль»²⁰.

Некоторые аналитики в Израиле предсказывают, что «план Трампа» умрет без израильского участия еще до того, как появится на свет, из-за обструкционистской позиции палестинского руководства, ряда влиятельных стран Евросоюза и мусульманского мира, массовых маршей протеста населения сектора Газа и событий в Сирии.

Как видно, содержание «плана Трампа» не устраивает ни палестинскую, ни израильскую стороны. Вполне вероятно, что его ожидает судьба «плана Керри», на который возлагала большие надежды администрация президента Б. Обамы и который так и не стал достоянием гласности. Вместе с тем многое сегодня определяется фактором непредсказуемости внешней политики Д. Трампа. Наперекор всем предыдущим международным инициативам и наработкам по ближневосточному урегулированию он может проигнорировать мнение своих оппонентов и начать продвигать рассмотренный выше план, заведомо не способный привести к миру в районе палестино-израильского противостояния.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Ibish, Hussein. *In Search of a Trump Administration Middle East Policy*. The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW), 2017.
2. Mekel, Arye. *The New US "Peace Team": A Test of Will*. Ramat-Gan, Israel: The Begin-Sadat Center for Strategic Studies (BESA), Bar-Ilan University. Center Perspectives Paper. No. 565, August 21, 2017.

The Approach of D. Trump's Administration to the Middle East Settlement

Alexander V. Krylov, PhD in History, Leading Researcher,
Center for Middle East Studies, Institute for International Studies,
MGIMO-University, MFA of Russia.
E-mail: avkrylov2004@mail.ru

Summary. Immediately after D. Trump was elected President of the United States in November 2016, he announced that he had his own plan for the Palestinian-Israeli conflict settlement. D. Trump promotes this plan as "the deal of the century", which will lead to the long-awaited peace in this long-suffering region of the Middle East. However, as soon as several media sources started publishing certain details of this plan with reference to reliable sources, it immediately gained sharp criticism from many well-known politicians. The Palestinian side officially announced that the initially biased new American initiatives exclude the USA mediation in the negotiation process

²⁰ Ravid B. Netanyahu: If I'm Elected, There Will Be No Palestinian State // Haaretz, 16 May, 2015.

on the Middle East settlement. For this reason, the abovementioned “Trump’s plan” has not yet been officially announced.

In the course of the recent business trip to the West Bank the author of this article managed to meet several well-informed representatives of the Palestinian team, who had earlier participated in the negotiations on the settlement of the conflict with the Israeli side. Basing on the information received, the author of this article analyzes the key points of D. Trump’s Middle East initiative. The main conclusion of the analysis is that the widely advertised “deal of the century” died before its birth and even under strong pressure of the USA, both sides of the conflict will not agree to cooperate within the frames of the new Middle East doctrine of D. Trump.

Keywords: The Middle East, the United States, Israel, the Palestinian problem, the Palestinian-Israeli conflict, Middle East settlement.

КАВКАЗСКАЯ ДИНАМИКА: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

Н. Ю. СИЛАЕВ, И. В. ФОМИН

Динамика протестных коалиций в Армении (2016–2018)*

Николай Юрьевич Силаев, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Иван Владленович Фомин, канд. полит. наук, доцент
Кафедры политической науки Факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики».
E-mail: fomin.i@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена сравнению двух протестных коалиций в Армении: коалиции сторонников вооруженной группы «Сасна Црер» в 2016 г. и коалиции, возникшей вокруг Никола Пашиняна, пришедшего к власти в результате протестов апреля и мая 2018 г. Показано, что успех протестов, которые возглавил Пашинян, может объясняться тем, что они, в отличие от выступлений сторонников «Сасна Црер», были в меньшей мере фреймированы контрэтатистским пониманием нации. Также показано, что коалиция Пашиняна, в отличие от коалиции сторонников «Сасна Црер», была не либерально-националистической, а скорее либерально-бюрократической. Это различие оказалось критическим, поскольку позволило избежать воспроизводства ситуации «двойного бессилия» – поляризации публичной полемики между носителями этатистского и контрэтатистского фреймов армянской нации при отсутствии у какой-либо из сторон ресурсов, достаточных для победы.

Ключевые слова: Армения, национализм, протесты, революция, Никол Пашинян.

В последние годы в Армении неоднократно возникали массовые протесты, включавшие политические требования. В 2013 г. прошла громкая акция протеста «Марш миллиона масок», закончившаяся столкновениями с полицией. В 2015 г. поводом к протестам стало повышение тарифов на электроэнергию. В 2016 г. массовую поддержку получила акция вооруженной группы «Сасна Црер», захватившей расположение полка патрульно-постовой службы полиции в Ереване.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 17-03-12024 «Информационно-аналитическая система «Индекс Евразии»» в МГИМО МИД России.

Русский перевод статьи: Silaev N., Fomin I. My Step Aside from Sasna Tsrer: the Dynamics of Protest Coalitions in Armenia, 2016 and 2018 // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 26: 4 (Fall 2018): P. 483–508. Русский текст содержит незначительные изменения по сравнению с оригиналом. Поступила в редакцию 29 октября 2018 г.

Акция «Сасна Црер» была насильственной и в глазах многих наблюдателей в Армении и за ее пределами расценивалась как мятеж или даже террористический акт. Она составляла контраст предыдущим протестным акциям, носившим гражданский, ненасильственный и законный характер. Несмотря на это захват расположения полицейского полка получил массовую поддержку со стороны политиков, гражданских активистов, лидеров общественного мнения и широкой публики. В отличие от предыдущих протестов он не только стал выражением недовольства граждан злоупотреблениями со стороны властей, но также бросил вызов легитимности политической системы в целом. С точки зрения политических изменений акция «Сасна Црер» была, возможно, самой эффективной среди других протестных акций с 2013 по 2016 гг., поскольку вызванный ею политический кризис привел к смене правительства: в сентябре 2016 г. Карен Карапетян был назначен премьер-министром, в то время как Серж Саргсян сохранил президентский пост. Массовое одобрение «Сасна Црер» не воплотилось, впрочем, в существенные электоральные результаты: в следующем году Республиканская партия Армении во главе с президентом Сержем Саргсяном выиграла парламентские выборы, получив большинство мест.

Однако уже в 2018 г. ситуация изменилась — попытка Саргсяна сохранить власть, перейдя на должность премьер-министра, вызвала новую волну протестов (движение «Мой шаг») под руководством депутата парламента Никола Пашиняна. В отличие от предыдущих случаев протест увенчался успехом: Саргсян ушел в отставку, а Пашинян стал главой государства.

Большинство исследований современной политики в Армении, посвященных массовым выступлениям последних лет сосредоточены на тех обстоятельствах, которые дали прямой импульс протестам. Например, комментаторы обсуждают войну в Нагорном Карабахе в апреле 2016 г. [21], социально-экономические вопросы (такие как пенсионная реформа, тарифы на общественный транспорт и электроэнергию), недостаток демократии, законности [17], подотчетности лидеров [13], экологические проблемы [18], ухудшающиеся жизненные условия [15], неработающие каналы воздействия граждан на политический процесс [16]. В нашей статье исследуются те же процессы и события, но в иной перспективе. Мы предприняли попытку рассмотрения волн массового недовольства, сфокусировавшись не на непосредственных движущих силах протестов, но на фундаментальных свойствах публичного дискурса, структурирующего политическую полемику в Армении безотносительно к тем конкретным вопросам, которые находятся на повестке дня в определенный момент.

Наше исследование представляет собой попытку объяснить динамику протестов в Армении через изучение дискурсов армянского национализма. Ранее потенциал такого подхода был нами продемонстрирован при объяснении противоречий между массовой поддержкой «Сасна Црер» и отсутствием существенных политических последствий протестных выступлений их сторонников [11]. В настоящей статье мы предпримем попытку использования той же аналитической рамки для исследования революционной коалиции, сформировавшейся и пришедшей к власти в Армении в апреле—мае 2018 г.

При этом одним из ключевых элементов нашего анализа является соположение полученных ранее посредством социально-сетевого дискурс-анализа данных о составе «коалиции» публичных фигур, выразивших одобрение по поводу действий «Сасна Црер» [11], с анализом коалиции «победителей» революции 2018 г., проведенным на основе исследования персонального состава ключевых органов исполнительной власти, сформировавшегося в период после апрельского переворота 2018 г. Основываясь на детальном исследовании структур этих двух коалиций, мы попытаемся объяснить различные исходы происходивших в Армении массовых мобилизаций 2016 и 2018 гг.

При этом мы проследим, какие свойства армянского национализма проявились в ходе полемики по поводу «Сасна Црер» и какую роль они сыграли в неудаче протестных акций, связанных с выступлением вооруженной группы. Мы также оценим, как фактор национализма проявил себя в ходе смены власти в Армении в апреле—мае 2018 г., и в этом контексте обсудим, насколько фундаментальными можно считать произошедшие в Армении политические изменения.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ДИСКУРСИВНАЯ ФОРМАЦИЯ

В своем анализе мы следуем установке, заявленной Крейгом Калхуном, когда он предложил считать национализм прежде всего дискурсивной формацией, отмечая, что бесчисленные формы его проявления едва ли могут быть объяснены одной универсальной причиной, но их объединяет особый взгляд на мир, предполагающий само существование наций [8, с. 61]. Этой логике следует и Роджерс Брубейкер, призывающий рассматривать нацию, расу, этничность не как «вещи-в-мире», а как «точки-зрения-на-мир», включающие соответствующие способы видения, объяснения, фреймы, нарративы, формальные и неформальные системы классификации, категоризации, идентификации [2, с. 42]. Мы обращаемся именно к дискурсивному подходу как ключевому инструменту анализа, потому что именно этот подход обеспечивает аналитические инструменты различного масштаба: от макросоциологического уровня модерности (или феномена национального государства) до локальных взаимодействий между политическими группами, придерживающимися разных взглядов на одну и ту же нацию.

Брубейкер акцентирует внимание на понятии *фрейма*¹, когда говорит о насилии и «интерпретативных битвах» по поводу него: насилие и конфликт становятся этническими, потому что такое значение придают ему участники или наблюдатели. Этническое фреймирование предполагает также понимание конфликта в группистских (то есть рассматривающих группы в качестве субъектов социальных отношений) терминах. Ссылаясь на Д. Горовица, он в связи с этим говорит о «метаконflikтах», или конфликтах по поводу природы конфликта [2, с. 40–41]. Хотя ни захват полицейского участка группой «Сасна Црер», ни события весны 2018 г. никто не трактовал в качестве этнического конфликта, это сходство важно, поскольку в нашем случае речь также шла о борьбе по поводу интерпретации конфликта, истолковании его в том или ином фрейме.

Брубейкер также обращается к понятию *фрейма*, когда критикует привычное, но аналитически несостоятельное (согласно его аргументам) различие двух национализмов — «этнического» и «гражданского». В качестве альтернативы он предлагает собственную классификацию националистических доктрин и движений, основанную на различии «государственно-фреймированных» (state-framed) и «контргосударственных» (counter-state) пониманий нации и форм национализма. В первом случае нация мыслится как соответствующая государству с его территорией и институтами, во втором — как отличная от этой рамки или противоположная ей [2, с. 261–262]. Уместно вспомнить, что Бенедикт Андерсон высказывал схожие соображения, отмечая двоякую, одновременно стабилизирующую и революционную роль национализма² [1, с. 107].

На то, что теоретическая рамка «двуликого национализма» может быть полезна именно при анализе армянского материала, указывают недавние исследования политики в Армении, авторы которых отмечают существование в армянском национализме двух не полностью совпадающих векторов. Так, например, напряжение между «конституционным пространством» и «националистическим пространством» — это один из центральных аргументов в работе Дэвида Льюиса об «оспариваемом государстве в постсоветской Армении» [20]. К схожим выводам приходят и участники недавнего проекта ИМЭМО по изучению постсоветских национальных идентичностей, указывающие на актуальную для Армении «дилемму между строительством стабильного государства и развитием нации как традиционного культурно-исторического образования». При этом фиксируется также сохраняющееся в диаспоре понимание Армении как «большой Западной Армении» при сохраняющемся «недоверии к маленькой, “Арагатской” Армении» [10, с. 67–69]. Об армянах как о фрагментированной общности и о многоликости сегодняшней армянской идентичности пишет также Размик Паносян [22, р. 384–393].

В работе Сурена Золяна о национальной идентичности армян тоже можно найти указание на существование двух различных о ней представлений: о нации «политического самоосмыс-

¹ Использованное Брубейкером понятие фрейм восходит к работам Ирвинга Гофмана и используется им в значении схемы интерпретации, обеспечивающей «фоновое понимание события», при помощи которой люди отвечают на вопрос «что здесь происходит?» [4, с. 68, 81]. Отметим, что, возникнув в рамках анализа непосредственных персональных восприятий и взаимодействий, понятие фрейма стало использоваться также и в более широких контекстах, предполагающих взаимодействия, опосредованные медиа или иными институтами публичной политики.

² В XIX в. почти все западные и восточные династии обращались к идее нации для укрепления своей власти и своих государств, но само признание короля одним из немцев, османов или румын, представителем нации, допускало возможность оспорить его легитимность от имени этой нации.

ления» и о нации в «фольклорно-эпическом понимании» [7, с. 46]. Здесь, конечно, нельзя не обратить внимания на название группы бойцов, захвативших ереванский полицейский участок в 2016 г. Самим именем «Сасна Црер» отсылают именно к «фольклорно-эпическим мотивам»³.

В этой связи важно вспомнить, что армянский национализм формировался в условиях конкуренции институтов, претендовавших на то, чтобы политически представить и организовать нацию. В XIX в. такими соперниками были апостольская церковь и революционные партии светской интеллигенции. В XX в., особенно после Второй мировой войны, в армянской диаспоре шли острые дискуссии об отношении к советской Армении, а позиции партии «Дашнакцутюн», которая, несмотря на многолетние усилия, так и не смогла получить политическую монополию в диаспоре, подрывали молодые приверженцы прямого действия из ASALA [24, р. 227]. При этом ни один из национальных проектов так и не смог предъявить последний и самый решительный аргумент в свою пользу, а именно: обеспечить политический контроль над утраченными землями Западной Армении. Два мотива — возвращение земель и неполнота, недостаточность национального государства, существующего лишь на малой части исторической родины, — исключительно сильны в армянском национализме⁴. Как определил Армению в начале 1920-х гг. один из известнейших фидайнов Гарегин Нжде: «Не Родина, а родимый угол» [9, с. 5].

Ранее нам удалось показать [11], что острота полемики, развернувшейся в 2016 г. в армянском обществе по поводу группы «Сасна Црер», указывает именно на то, что в этой полемике сталкиваются фундаментально несовпадающие варианты самоописания и самовосприятия армянского общества. Одни и те же события получают принципиально разные интерпретации, поскольку рассматриваются через призму противоречащих друг другу фреймов нации. В результате разворачивается борьба за установление господствующей интерпретации, и обе стороны в этой борьбе используют присущую им в той или иной мере символическую власть⁵, и одна из сторон проигрывает в этом соревновании. В настоящей статье мы предпринимаем попытку транслировать данную объяснительную схему на события весны 2018 г.

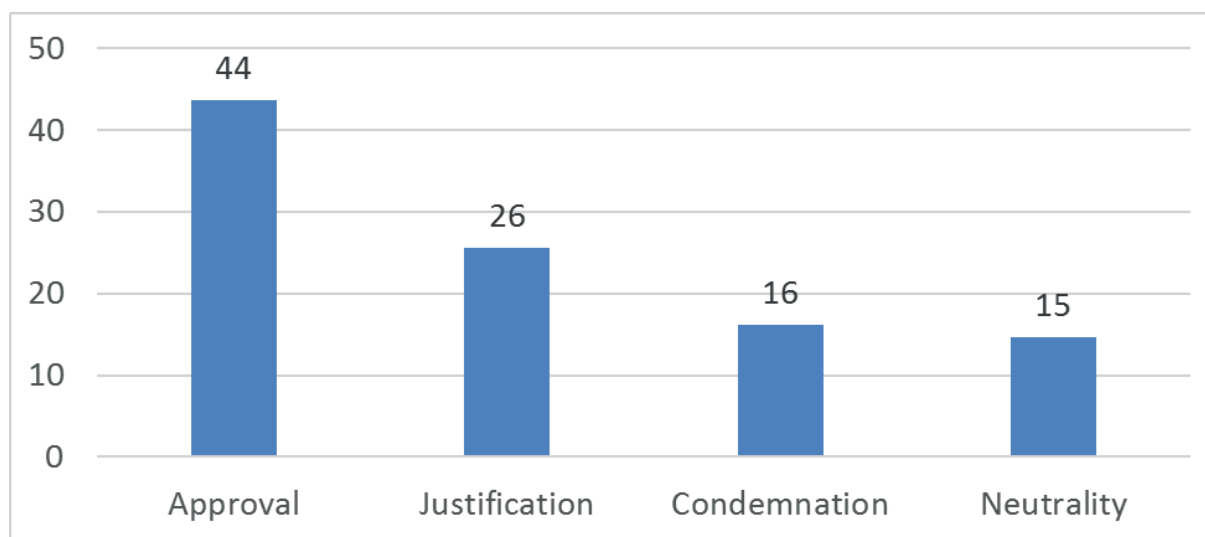

Рис. 1. Доля одобрительных (approval), оправдывающих (justification), осуждающих (condemnation) и нейтральных (neutral) высказываний о «Сасна Црер» в дискурсе армянских медиа, %.

Источник: [11, с. 84]

³ С. Т. Золян находит свидетельства тому, что современное армянское государство само дрейфует в направлении «фольклорно-эпического» понимания национализма [7, с. 46].

⁴ Д. Е. Фурман обратился к психоаналитическим метафорам травмы и компенсации, сравнивая армянское национальное движение с еврейским: если у евреев создание сильного и процветающего государства компенсировало травму геноцида, то у армян такого компенсирующего события не было, «и при ограниченных возможностях нормальной, реальной национально-государственной жизни происходит нечто вроде фантастической, мечтательной компенсации»; под последней он подразумевал идеал возвращения Западной Армении [12, с. 8–9].

⁵ По Бурдьё — «власть называть»; конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок [3, с. 89].

«КОАЛИЦИЯ» ОДОБРЕНИЯ «САСНА ЦРЕР»

В 2016 г. реакция граждан Армении на вооруженное выступление группы «Сасна Црер» показала, что публика в Армении готова одобрять действия людей, выступающих с протестными требованиями даже при том, что эти люди атаковали представителей власти, застрелили нескольких полицейских и удерживали заложников. Почти единственными, кто открыто осудил атаку «Сасна Црер», были высокопоставленные представители государственной бюрократии и члены правящей парламентской коалиции (Табл. 1). Остальной политический класс страны или одобрил (Табл. 2), или оправдывал (Табл. 3) действия вооруженной группы (Рис. 1)⁶. В поддержку «Сасна Црер» проходили массовые демонстрации.

Ядро «коалиции одобрения» «Сасна Црер» состояло из следующих групп:

- 1) представители «либеральных» неправительственных организаций («Хельсинская гражданская ассамблея», «Ереванский пресс-клуб» и др.);
- 2) представители партии «Наследие» и других организаций, близких к ее лидеру Раффи Ованнисяну (Армянского центра стратегических и национальных исследований и фракции «Здравствуй, Ереван» в Совете старейшин столицы Армении);
- 3) члены и сторонники оппозиционной политической организации «Учредительный парламент»⁷;
- 4) ветераны политической сцены Армении первых лет независимости⁸;
- 5) видные представители армянской диаспоры;
- 6) деятели культуры.

Своей структурой «коалиция одобрения» «Сасна Црер» напоминала политические коалиции, ставшие двигателем «цветных революций» в постсоветских странах, поскольку включала как либеральные группы (неправительственные организации), так и националистические силы («Учредительный парламент», партия «Наследие»). В таком качестве коалиция может быть определена как либерально-националистическая. Однако необходимо отметить, что ее «либеральный» и «националистический» элементы сами по себе не были внутренне гомогенными и идеологически отделенными друг от друга. Среди членов «Учредительного парламента» было несколько фигур, которых можно описать скорее как либералов, чем как националистов. Среди них, например, режиссер Тигран Хзмалян⁹, известный своей острой критикой российского политического режима и того влияния, который он оказывает на Армению. В то же время один из ключевых спикеров в лагере сторонников «Сасна Црер», член АСАЛА Алек Енигомшян, был ближе к националистической части коалиции. На слияние «либерального» и «националистического» начал в этой коалиции указывать и позиция партии «Наследие»: в целом придерживаясь прозападной либеральной повестки дня, партия, однако, демонстрировала националистические взгляды по ряду вопросов, высказывая идею о заселении этническими армянами бывших районов Азербайджанской ССР вокруг Карабаха, занятых в ходе войны. Катализатором слияния либеральных и националистических элементов был нарратив о России как оплоте авторитаризма на постсоветском пространстве, изображавший ее как внешнюю силу, которая подчиняла Армению посредством «марионеточного режима» Сержа Саргсяна. В глазах либералов и националистов у них была общая задача: уничтожить авторитарный и коррумпированный режим в Армении и освободить нацию от зависимости от Кремля, тем самым получив свободу рук для проведения желаемой политики в Карабахе.

⁶ В исследовании [11] мы разделили публичные высказывания политических акторов о «Сасна Црер» на четыре группы в соответствии с доминирующими дискурсивными стратегиями (осуждение, оправдание, одобрение, нейтральность), чтобы выявить ключевые дискурсивные расколы, и сравнили, какие доли составляют высказывания с использованием каждой из стратегий в СМИ Армении. Затем мы связали дискурсивные стратегии с определенными политическими и социальными позициями (Табл. 1, 2, 3 и Рис. 1). Этот анализ не предполагал детальное описание всего спектра оценок «Сасна Црер» во всем их многообразии и, по сути, сводил все уникальные мнения к достаточному ограниченному набору стратегий. Такой подход, однако, был, на наш взгляд, достаточно продуктивным, поскольку позволили отчетливо картировать проявившиеся в ходе кризиса линии раскола между носителями различных представлений о соотношении между нацией и государством в Армении. Более детальное описание методологии исследования см.: [11].

⁷ Лидер «Учредительного парламента», выходец из армянской диаспоры Ливана Жирайр Сефилян в июне 2016 г. был взят под стражу по подозрению в организации незаконной перевозки и хранения оружия. Одним из главных требований «Сасна Црер» было его освобождение.

⁸ Например, Паруйр Айрикан, диссидент советской эпохи, и Ашот Манучарян, член комитета «Карабах», советник президента Армении по безопасности в 1991–1993 гг.

⁹ Как сообщалось, Тигран Хзмалян покинул «Учредительный парламент» к июлю 2016 г.

Кроме того, «коалиция одобрения» была сходна с тем, что Георгий Дерлугьян фиксирует, описывая революционные политические коалиции времен перестройки. Бок о бок в таких альянсах оказывались интеллигенты и полугородские маргиналы, не имевшие определенной профессии и социального статуса — субпролетариат в категориях Бурдьё. Интеллигенция с ее символическим капиталом и субпролетариат с его готовностью к физическому противостоянию и насилию сливались в борьбе за национальное дело. Причем маргиналы за счет этого получали парадоксальную возможность превратить свои социально осуждаемые свойства (ту же склонность к насилию и криминальным практикам) в социально одобряемые, поскольку эти свойства были поставлены на службу нации. Из «подозрительных типов» они превращались в народных героев. Присоединение к этому альянсу части советской номенклатуры с ее политическим капиталом и создало ту гремучую смесь, которая взорвалась серией вооруженных конфликтов на пространстве распадающегося СССР [5, с. 305–307]¹⁰.

То обстоятельство, что в 2016 г. в публичном дискурсе доминировали сторонники «Сасна Црер», может быть объяснено крайней непопулярностью руководства страны — президента Сержа Саргсяна и его Республиканской партии. Однако эта непопулярность не помешала Саргсяну на следующий год победить на парламентских выборах. Другими словами, массовая политическая мобилизация по поводу выступления «Сасна Црер», предельно насыщенная эмоциями, не привела к сколько-нибудь эффективному политическому действию. В то же время власти Армении не смогли повернуть общественное мнение против вооруженной группы (Рис. 1). Ситуация характеризовалась «двойным бессилием»: и властей, и противостоящих им протестующих.

Таблица 1

«Коалиция» одобрения «Сасна Црер»

Правозащитники	
Айкак Аршамян	Координатор программ ереванского пресс-клуба
Микаел Даниелян	Председатель «Хельсинкской ассоциации»
Аветик Ишханян	Председатель Хельсинкского комитета Армении, участник инициативы «Четыре+»
Зара Ованнисян	Публицист, участник инициативы «Четыре+»
Артур Сакунц	Руководитель Ванадзорского офиса Хельсинкской гражданской ассамблеи, участник инициативы «Четыре+»
Эксперты	
Армен Багдасарян	Политический аналитик
Степан Григорян	Политолог
Агаси Енокян	Политолог
Манвел Саргсян	Политолог, руководитель Армянского центра стратегических и национальных исследований
Левон Ширинян	Политолог
Парламентские либеральные партии	
Анаит Бахшян	Член партии «Наследие», член фракции «Здравствуй, Ереван»
Артур Гаспарян	Член Совета старейшин Еревана
Вардан Малхасян	Член правления АНК
Армен Мартиросян	Зам. председателя правления партии «Наследие»
Раффи Ованнисян	Лидер партии «Наследие»
Никол Пашинян	Оппозиционный депутат Национального Собрания
Заруи Постанджян	Член партии «Наследие»
Давид Санасарян	Член партии «Наследие»
Овсеп Хуршудян	Член партии «Наследие»
Националистические лидеры и организации	
Алек Енигомшян	Член «Учредительного парламента», бывший член АСАЛА, член политсовета движения «Сасна црер»
Петрос Макеян	Председатель партии «Демократическая родина» (Демократическое отечество), ветеран

¹⁰ Георгию Дерлугьяну также принадлежит комментарий по делу «Сасна Црер»: [6].

Грачья Мирзоян	Член Общественного совета, член «Учредительного парламента»
Размик Петросян	Ветеран
Мушег Сагателян	Ветеран
Сюзан Симонян	Ответственное лицо «Учредительного парламента» по связям с прессой
Араик Худавердян	Ветеран, командир отряда «Корнидзор»
Гарегин Чугасян	Председатель «Учредительного парламента»
Размик Эвоян	Представитель «Учредительного парламента»
Диаспора	
Шант Воскеричян	Координатор парижского филиала всеармянской организации «Армянское возрождение»
Арсине Ханджян	Канадская актриса армянского происхождения
Деятели культуры	
Роберт Амирханян	Композитор
Рубен Ахвердян	Бард
Артавазд Баян	Музыкант
Тигран Мансурян	Композитор
Тамара Ованнисян	Актриса, режиссер
Егише Петросян	Музыкант
Тигран Хзмалян	Кинорежиссер
Прочие	
Ерджаник Абгарян	Оппозиционный деятель
Армен Агаян	Член правления партии «Айазн»
Паруйр Айрикиян	Лидер объединения «Национальное самоопределение»
Заявление от имени партии	Партия «Альянс»
Шаген Арутюнян	Гражданский активист, сын арестованного за попытку насильственной смены власти Шанта Арутюняна
Азат Аршакиян	Депутат Верховного совета Армении
Альберт Багдасарян	Депутат Верховного совета Армении, член комитета «Карабах»
Вардгес Гаспари	Гражданский активист
Геворг Горгисян	Член партии «Светлая Армения»
Андреас Гукасян	Член гражданской инициативы «Вставай, Армения!»
Грайр Костанян	Гражданский активист
Арменак Кюрегян	Отец братьев Кюрегянов
Армен Мкртчян	Член правления партии «Айазн»
Ани Навасардян	Активистка
Ашот Манучарян	Член комитета «Карабах»
Армен Парсаданян	Один из организаторов собраний (митингов)
Карен Петросян	Активист, участник митингов
Сурен Саакян	Активист
Нанор Сефилян	Супруга Жирайра Сефиляна
Торос Сефилян	Брат Жирайра Сефиляна

Источник: [11].

Таблица 2

«Коалиция» осуждения «Сасна Црер»

Высшее политическое руководство и лидеры рпа	
Заявление от имени ведомства	Служба национальной безопасности Армении
Заявление от имени ведомства	Следственный комитет Армении
Заявление от имени ведомства	Министерство здравоохранения Армении
Официальное заявление	Офис омбудсмана Армении
Ваграм Багдасарян	Руководитель фракции РПА
Геворг Костанян	Генеральный прокурор Республики Армения
Эрмине Нагдалян	Вице-спикер Национального собрания Армении

Серж Саргсян	Президент Армении
Оппозиционные партии	
Степан Демирчян	Председатель Народной партии Армении, депутат парламентской фракции «Армянский национальный конгресс» (АНК)
Наира Зограбян	Руководитель оппозиционной партии «Прорывающая Армения»; руководитель парламентской фракции «Прорывающая Армения»
Арам Саргсян	Лидер партии «Республика»
Людмила Саркисян	Депутат парламента Армении
Левон Тер-Петросян	Первый президент Армении
Ваге Энфиаджян	Секретарь парламентской фракции «Прорывающая Армения»
Нагорный карабах	
Заявление от имени организации	Союз ветеранов карабахской войны (азатамартиков) Арцаха
Виталий Баласанян	Депутат Национального Собрания Нагорно-Карабахской Республики, герой Арцаха
Гарник Исагулян	Советник постпредства НКР в РА, бывший советник президента Армении, председатель партии «Национальная безопасность»
Эксперты	
Акоб Аветикян	Главный редактор газеты «Азг»
Аарон Адигебян	Социолог, директор Социологического центра «Социометр»
Ара Казарян	Специалист в области международного права
Гагик Керян	Завкафедрой политических институтов и процессов ЕГУ, д. полит. н., профессор
Нарек Самсонян	Председатель НПО «Гражданское сознание», политолог

Источник: [11].

ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ БИТВЫ АРМЯНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Специфика публичного дискурса, сформировавшегося вокруг «Сасна Црер», заключается в том, что репрезентации вооруженной группы выстраивались в двух взаимоисключающих *фреймах*. Меньшая часть спикеров говорила об опасном мятеже или террористическом акте, угрожающем безопасности страны. Назовем этот *фрейм этатистским*. Большая часть же публичных фигур говорила о народном восстании, подвиге во имя нации или о насилии как выражении естественного возмущения действиями властей. Назовем этот *фрейм*, вписывающий «Сасна Црер» в длинную традицию армянского фидайнского вооруженного сопротивления, *контрэтатистским*.

Два эти *фрейма* напрямую соотносятся с двумя упомянутыми нами выше типами националистических доктрин и движений, предложенных Р. Брубейкером: *государственно-фреймированным* национализмом и национализмом *контргосударственным*. Парадокс в том, что в изучаемом нами случае два этих типа национализма обращаются к одной и той же нации — к армянской. Армянский национализм одновременно оказывается и государственно-фреймированным, и контргосударственным. Он сам становится полем интерпретативной битвы между двумя способами описывать социальный мир. Подобно тому, как сосуществуют два армянских государства, одно из которых наследует легитимности советских республик (Республика Армения), а другое — подрывает ее (Нагорно-Карабахская Республика), сосуществуют и два армянских национализма: нация видится одновременно и государственно-фреймированной (обладающей национальной государственностью), и контргосударственной (подвергающей эту государственность сомнению, а в крайних проявлениях — поднимающей против нее мятеж).

Однако в деле «Сасна Црер» обращает на себя внимание не только эта внутренняя противоречивость, но и сопровождающая ее особая констелляция различных видов капитала (по Бурдье). Можно заметить, что в состав «коалиции» осуждения «Сасна Црер» входили те, у кого было достаточно много экономического и социального капитала и кто боялся утратить имеющиеся позиции. Социальный капитал этих акторов в виде формальных должностей и экономических ресурсов мог бы конвертироваться в символический, если бы в обществе широко разделялся этатистский *фрейм* о нации. Но оказалось, что более эффективно в символический капитал конвертировался другой социальный капитал — тот, которым обладали сторонники «Сасна

Црер», имевшие статусы ветерана, оппозиционера, выразителя мнения диаспоры. Через футинги¹¹, отсылающие к этим статусам, их носители легко встраивались в *контрэтатистский фрейм* о нации и по этой причине одержали в итоге победу в интерпретативной битве вокруг действий «Сасна Црер».

Как можно заметить, *контрэтатистский фрейм* занимает особое место в армянском национализме. С одной стороны, он обеспечивает почти монопольную интерпретационную схему для описания политических событий, затрагивающих нацию. С другой стороны, те, кто выигрывает в борьбе за символическую власть, опираясь на этот *фрейм*, далеки от власти политической или экономической.

Удачным, на наш взгляд, образным обозначением для контрэтатистской интерпретативной рамки может быть название «*фидаинский фрейм*». «Фидаинами» можно назвать и ядро его носителей. Впрочем, мы используем эти обозначения только метафорически — не пытаемся ни прямо связать их с армянскими бойцами, которые сопротивлялись Османской и Российской империям более столетия назад, ни сопоставить сопротивление османам с сопротивлением режиму Сержа Саргсяна. Эта метафора, однако, важна для нас тем, что иллюстрирует особое, воспроизводящееся снова и снова отношение некоторых армянских политических акторов к насилию. В отличие от офицера, чья преданность нации опосредована всей структурой вооруженных сил государства, фидаин действует как прямой и непосредственный представитель нации. Он провозглашает свое право и долг прибегать к насилию от имени нации, которая не имеет собственного государства. «Сасна Црер» действовали именно таким образом и обращались к героическому образу фидаина, с которым себя ассоциировали. Использование нами этого понятия не предполагает их оппозицию к любому государству, включая Армению, но скорее подчеркивает их претензию судить существующее государство с позиции непосредственного представителя нации и глашатая ее воли.

Влияние этого *фрейма*, его способность к производству символической власти, может объясняться той особой ролью, которую играет в армянской политике карабахский вопрос. Лоуренс Броерс сравнил Карабах со своеобразным «эмитентом» символической «валюты» армянской политики: именно Карабах выдает политикам в Армении метафорическое удостоверение патриота, и это — важный элемент обмена между Ереваном и Степанакертом [14, р. 157]. В то же время именно Карабах идеально вписывается в «фидаинскую» традицию мыслить и говорить об армянстве, поддерживая ее актуальность.

Здесь может быть проведена параллель с некоторыми особенностями траектории политических карьер ветеранов карабахской войны. Популярность и авторитет командиров, добившихся побед в Карабахе, были исключительно высоки в первое десятилетие независимости Армении. Сами ветераны представляли собой многочисленное, сплоченное и хорошо организованное сообщество, обладавшее большим влиянием. В альянсе с бывшим первым секретарем ЦК Компартии Армении Кареном Демирчяном, олицетворявшим управленческую элиту советских времен, харизматичный лидер карабахских ветеранов Вазген Саркисян выиграл парламентские выборы 1999 г. Террористический акт в парламенте Армении 1999 г., в результате которого погибли и Демирчян, и Саркисян, остановил их приход к власти. Смена правительства в мае 2000 г. обозначила установление контроля над ключевыми властными рычагами со стороны президента Роберта Кочаряна (карабахца, но не ветерана) и закат влияния ветеранских лидеров и организаций [19, р. 55–56]. «Фидаины» победили в войне, но лишились своего места в политике.

Можно сказать, что амбивалентность армянского национализма с его двумя соперничающими фреймами одновременно ставит «фидаина» вне государственных институтов с их ресурсами и лишает государственные институты их важнейшего источника легитимности, рождающейся из авторитета политического представителя нации. Различные виды капитала и власти (по Бурдьё) принадлежат разным группам элиты, и эти группы в силу дискурсивных особенностей армянского национализма — двух сосуществующих и взаимоисключающих *фреймов* — с трудом могут быть собраны в одной коалиции.

Порядок, при котором различные виды власти принадлежат конкурирующим политическим силам, с одной стороны, обеспечивал турбулентность политической жизни Армении с частыми массовыми протестными выступлениями, а с другой — блокировал содержательные политические изменения. Государственные институты проигрывали «фидаинам» в легитим-

¹¹ Под футингом (footing) понимается осуществляемое участником коммуникации «дискурсивное учреждение себя как социальной сущности», производящей и воспринимающей высказывания [23, р. 82]. Иными словами это то, на какое место говорящий сам себя ставит в той картине социального мира, которую описывает.

ности, в праве политически представлять нацию, и это поддерживало в дискурсе об армянстве мотив неполноты, несовершенства и лишь относительной ценности имеющегося национально-государства. В то же время контрэтатистский дискурс ставил под сомнение не только авторитет правящих групп, но и сами политические институты несовершенного государства, в том числе электоральные механизмы. Этот порядок и создал в 2016 г. ту ситуацию «двойного бессилия», в которой оказались и власти, и протестующие в момент столкновения по поводу «Сасна Црер».

Что же изменилось в году 2018-м? Почему ситуация с протестным движением Никола Пашиняна не повторила сценария «двойного бессилия»?

КОАЛИЦИЯ ПАШИНЯНА И ПРИЗНАКИ ПЕРЕМЕН

Протестная коалиция, добившаяся отставки Сержа Саргсяна и приведшая к власти в Армении Никола Пашиняна, едва ли поддается анализу в тех же категориях, в которых мы рассматривали полемику о «Сасна Црер». Если «коалиция одобрения» и «коалиция осуждения» «Сасна Црер», сложившись в первые дни возникновения протестов, в целом оставались стабильными, то коалиция Пашиняна, начавшись как очень узкая, быстро росла, включая в свой состав все новых и новых акторов. Состояние «битвы интерпретаций» было кратковременным. Ряд политических фигур поспешили присоединиться к победителю, и это препятствовало развитию противоборства аргументаций в момент массовой политической мобилизации. Кроме того, для многих акторов присоединение к коалиции Пашиняна стало вынужденной мерой, продиктованной не политическими убеждениями, а императивом выживания. Так, например, среди депутатов парламента от Республиканской партии, проголосовавших за кандидатуру Никола Пашиняна на пост премьер-министра и тем самым позволившим ему занять этот пост, был генерал Манвел Григорян, которого уже через месяц обвинили в многочисленных преступлениях и арестовали. Поэтому мы вынуждены оценивать коалицию Пашиняна, опираясь не на публично высказанные ее участниками политические позиции, а на данные о новом персональном составе ключевых органов исполнительной власти — правительства и его аппарата, Службы национальной безопасности, полиции, Государственной контрольной службы, Совета национальной безопасности.

Можно заметить, как соперничающие фракции армянского национализма, которые проявили себя в ходе кризиса «Сасна Црер», соединились в правящей коалиции, которая пришла к власти в мае 2018 г. Хотя точные персональные совпадения участников коалиций 2016 и 2018 гг. встречаются не всегда, мы можем, опираясь на социальные и политические позиции участников «коалиции-2018», сделать обоснованные предположения, на какой стороне дискурсивной баррикады они были в момент массовой мобилизации по поводу «Сасна Црер».

Сопоставляя «коалицию одобрения “Сасна Црер”» с «коалицией Пашиняна», следует, прежде всего, отметить точки их пересечения. Во-первых, лидер протестного движения весны 2018 г. сам входил в состав «коалиции одобрения» в период кризиса вокруг «Сасна Црер»¹². Он также предпринимал попытку выступить посредником между властями и «Сасна Црер»¹³.

Во-вторых, с приходом Пашиняна на пост главы правительства на руководящие позиции в исполнительной власти Армении попали симпатизанты «Сасна Црер» из «либерального лагеря» в составе «коалиции одобрения». Это, в частности, новый начальник Государственной контрольной службы Давид Санасарян. В августе 2016 г. он был арестован по обвинению в организации массовых беспорядков в связи с уличными выступлениями в поддержку «Сасна Црер»¹⁴. В 2016 г. Санасарян принадлежал к фракции «Здравствуй, Ереван» в Совете старейшин Еревана; данная фракция была образована партией «Наследие». Политический альянс Пашиняна и Санасаряна возник благодаря активному участию последнего в инициативе «Мой шаг», во

¹² «В первой минуты все мои действия были направлены на то, чтобы доказать, что парни из группы «Сасна Црер» не являются террористами. Будучи лично знаком с некоторыми из них, могу сказать: они преданные родине люди, уставшие от беззакония», — заявил Пашинян в выступлении перед сторонниками «Сасна Црер» 22 июля 2016 г. (Пашинян: Тер-Петросян помогает сдать завоеванные территории, чтобы доказать свою правоту в 1997–1998 гг. // PanARMENIAN.Net. — 2016. 22 июля. — URL: <http://www.panarmenian.net/rus/news/217540/>

¹³ Акопян Н. Никол Пашинян: штрихи к политическому портрету // Центр поддержки русско-армянских стратегических инициатив. — 2016. 22 августа. — URL: <http://russia-armenia.info/node/30693>

¹⁴ Участник акций в поддержку захватившей полк ППС в Ереване группы «Сасна црер» — Давид Санасарян — арестован на 2 месяца // Panorama.am. — 2016. 1 августа.

всяком случае, аффилиация Санасаряна с партией «Наследие» не отмечается в публикациях медиа последних месяцев, в сообщениях о его назначении на новый пост он был представлен как активный участник протестов, которые привели к отставке Саргсяна.

В-третьих, несколько заметных фигур из нового правительства принадлежат к широкому и довольно аморфному сообществу активистов неправительственных организаций, получавших финансирование со стороны западноевропейских и американских политических фондов. Такое финансирование (National Endowment for Democracy) получала газета «Айкакан Жаманак», главным редактором которой был Никол Пашинян. Первый вице-премьер Арагат Мирзоян сотрудничал с Международным фондом избирательных систем (США), Нидерландским институтом многопартийной демократии. Правда, наряду с этим в его официальной биографии имеются сотрудничество с российским информационным агентством «Regnum» и работа в фонде «Инициатива развития Армении», созданном российским предпринимателем Рубеном Варданяном¹⁵. Араик Арутюнян, министр образования и науки, работал в Хельсинкской ассоциации прав человека (более 10 лет назад) и Трансперенси Интернешнл (2014 г.). С последней сотрудничал и новый секретарь Совета национальной безопасности Армен Григорян; некоторые биографические справки указывают, что он также преподавал в Российско-Армянском (Славянском) университете. Министр охраны природы Эрик Григорян на протяжении нескольких лет участвовал в различных международных проектах по экологической экспертизе. Даниэль Иоаннисян, возглавляющий комиссию при премьер-министре по реформе избирательного законодательства, руководит НПО «Союз информированных граждан» которая на протяжении нескольких лет получала финансовую поддержку от NED.

Некоторые из организаций такого рода — Хельсинкская гражданская ассамблея, Хельсинкская ассоциация по правам человека, Хельсинкский комитет, Ереванский пресс-клуб — летом 2016 г. активно высказывались в поддержку «Сасна Црер». Они составили «либеральную» часть «коалиции одобрения». Но множества «представителей прозападных НПО, поддерживавших “Сасна Црер”» и «представителей прозападных НПО, попавших в состав правительства Пашиняна» имеют минимальные пересечения. Собственно, самим Пашиняном это пересечение и ограничивается, и то при условии, что мы принимаем в расчет близость газеты «Айкакан Жаманак» к этому сообществу. Пашинян привлек в правительство представителей либеральных неправительственных организаций, но выбрал из них не тех, кого можно было бы отнести к наиболее последовательному контрэтатистскому крылу.

Здесь уместно заметить, что партия «Гражданский договор»¹⁶, к которой принадлежат ключевые соратники нового премьер-министра, сдержанно реагировала на события лета 2016 г. Активно высказывался в поддержку «Сасна Црер» только сам Пашинян. Другой представитель партии, Сасун Микаэлян, командир воевавшего в Карабахе отряда «Сасун», отзывался о «Сасна Црер» с оправданием, но без одобрения.

Что же касается различий между «коалицией» в поддержку «Сасна Црер» и коалицией Пашиняна, то одним из самых существенных представляется отсутствие в новом правительстве «националистической» части сторонников «Сасна Црер», связанных с организацией «Учредительный парламент» и самой вооруженной группой. Более того, приход к власти Пашиняна сопровождался его конфликтом с этой частью политического спектра Армении. Наиболее преданные сторонники «Сасна Црер» перекрыли одну из улиц в Ереване, требуя освобождения находившихся в заключении участников вооруженной группы и лидера «Учредительного парламента» Жирайра Сефиляна¹⁷. Участники и сторонники группы самостоятельно, в качестве отдельной партии, выступают на предстоящих в Армении в декабре внеочередных парламентских выборах, по сути, конкурируя с Пашиняном.

Кроме того, в состав коалиции Пашиняна вошли несколько фигур, близких к «коалиции осуждения» «Сасна Црер». В частности, это связанные с Гагиком Царукяном вице-премьер Мгер Григорян, министр по чрезвычайным ситуациям Грачья Ростоманян и министр по делам спорта и молодежи Левон Воградян. Они вошли в правительство по квоте парламентского блока «Царукян». Хотя они не высказывались по делу «Сасна Црер» в период кризиса летом 2016 г., позиция их патрона Царукяна и его партии «Прорывающая Армения» была преимущественно осужда-

¹⁵ Правительство Республики Армения. Состав. — URL: <http://www.gov.am/ru/gov-members/791/>

¹⁶ Партия «Гражданский договор» на выборах в 2017 г. прошла в парламент в составе блока «Елк» («Выход») вместе с партиями «Республика» и «Светлая Армения».

¹⁷ Пашинян о «Сасна црер»: неправильно ожидать, что я должен открыть двери УИУ // Новости-Армения. — 2018. 17 мая. — URL: <http://newsarmenia.am/news/politics/pashinyan-o-sasna-tsrer-nepravilno-ozhidat-chto-ya-dolzhen-otkryt-dveri-uiu/>

ющей действия вооруженной группы. Очевидно, однако, что союз с Царукяном не является для Пашиняна идеологически обоснованным, а связан с тактическим расчетом и необходимостью обеспечить поддержку нового правительства в парламенте до проведения внеочередных выборов.

Еще одно отличие коалиции 2016 г. от коалиции 2018 г. состоит в том, что в новой правящей группе широко представлена кадровая бюрократия. Министр обороны Давид Тоноян был первым заместителем министра в 2010–2017 гг. и министром по чрезвычайным ситуациям в 2017–2018 гг. Начальник полиции Армении Валерий Осипян до назначения был заместителем начальника ереванского полицейского управления. Аналогичную должность в своем ведомстве занимал новый глава Службы национальной безопасности Артур Ванецян. Министр финансов Атом Джанджгузян был назначен с должности первого заместителя министра финансов. Начальник Специальной следственной службы Сасун Хачатрян до назначения на эту должность возглавлял управление по надзору за расследованием особо важных дел Генеральной прокуратуры. В силу своей служебной принадлежности бюрократы, прежде всего из полиции, прокуратуры, спецслужб, входили в «коалицию осуждения». От имени их ведомств делались соответствующие заявления.

Также в состав коалиции Пашиняна вошла партия «Дашнакцутюн», которая в период кризиса вокруг «Сасна Црер» выражала свою позицию крайне ограничено, скорее оправдывая участников вооруженной группы, чем одобряя их. Возможно, это было связано с тем, что партия в тот момент входила в состав правящей парламентской коалиции. Теперь представители «Дашнакцутюн» входят в правительство Пашиняна — также в обмен на поддержку в парламенте.

Коалиция Пашиняна в том виде, как она сложилась в правительстве Армении, в отличие от «коалиции одобрения» «Сасна Црер», представляет собой не либерально-националистическо-«фидаинский», а либерально-бюрократический альянс. В новой коалиции значительно слабее выражено как националистическое содержание, так и присутствие людей, связанных с практикой политического насилия. Это делает новую правящую коалицию существенно менее контрэтатистской, чем была политическая мобилизация летом 2016 г. В ходе протестов в апреле и мае 2018 г. государство представало не как чуждая сила, против которой необходимо восстать во имя нации, и не как не заслуживающий внимания осколок Великой Армении, а как инструмент, который необходимо захватить, чтобы направить его в соответствии с народной волей. Энергия национального восстания обрела рамки национального государства. Если этот *фрейм* окажется устойчивым в дискурсе об Армении, армянах, армянстве, то может быть преодолено «двойное бессилие», с которыми столкнулись и власти, и протестующие в деле «Сасна Црер».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. — 288 с.
2. *Брубейкер Р.* Этничность без групп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 408 с.
3. *Бурдые П.* О символической власти // *Бурдые П.* Социология социального пространства. — Санкт-Петербург: Алетей, 2014. — С. 87–96.
4. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: Пер. с англ. / Под ред. *Г. С. Батыгина* и *Л. А. Козловой*; вступит. статья *Г. С. Батыгина*. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 752 с.
5. *Дерлугьян Г.* Адепт Бурдые на Кавказе: эскизы к биографии в миросистемной перспективе. — М.: Территория будущего, 2010. — 558 с.
6. *Дерлугьян Г.* Как сместить президента демократическим путем с помощью бомбы // PONARS Eurasia. — 2016. 29 июля. — URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/article_20160729_Derlugian
7. *Золян С. Т.* О динамическом понимании национальной идентичности (на примере описания армянской идентичности) // СОТИС — социальные технологии, исследования. — 2017. — № 1. — С. 41–47.
8. *Калхун К.* Национализм. — М.: Территория будущего, 2006. — 288 с.
9. *Нжде Г. (Гарегин Тер-Арутюнян).* Открытые письма армянской интеллигенции. — Ереван: Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн». 1992. — 21 с.
10. *Семененко И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И.* Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 5. — С. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.05>
11. *Фомин И. В., Силаев Н. Ю.* Армянский национализм против армянского государства: расколы и коалиции в дискурсе о «Сасна Црер» // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 3. — С. 78–92.

12. Фурман Д. Е. Культурные и социально-психологические основы современного армянского национального движения. — М.: Международный фонд социально-экономических и политических исследований (Горбачев-Фонд), 1993. — 38 с.
13. Avedissian K. The Power of Electric Yerevan // openDemocracy. — July 6, 2015. — URL: <https://www.opendemocracy.net/karena-avedissian/electrified-yerevan>
14. Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. The Unrecognized Politics of De Facto States in the Post-Soviet Space. — Yerevan: Caucasus Institute and International Association for the Study of the Caucasus, 2015. — 238 p.
15. Falkowski M., Strzelecki J. Protests in Armenia as a Manifestation of the State's Systemic Crisis // Ośrodek Studiów Wschodnich (The Centre for Eastern Studies). — July 1, 2015. — URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-07-01/protests-armenia-a-manifestation-states-systemic-crisis>
16. Ghazaryan A. A Self-Repeating Crisis: The Systemic Dysfunctionality of Armenian Politics // Caucasus Analytical Digest. — 2017. — № 91. — P. 5–7.
17. Ishkanian A. From Civil Disobedience to Armed Violence: Political Developments in Armenia // openDemocracy. — July 19, 2016. — URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/armine-ishkanian/from-civil-disobedience-to-armed-violence-political-developments-in-armen>
18. Ishkanian A. Neoliberalism, Mining and Armenia's Politics of Plunder // openDemocracy. — June 24, 2016. — URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/armine-ishkanian/neoliberalism-mining-and-politics-of-plunder-in-armenia>
19. Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S. War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia. — Yerevan: Caucasus Institute, 2016. — 144 p.
20. Lewis D. The Contested State in Post-Soviet Armenia // Paradox of Power: The Logics of State Weakness in Eurasia / John Heathershaw and Edwaed Schatz, eds. — Pittsburgh, PA: Pittsburgh University Press, 2017.
21. Novikova G. Armenia: Some Features of Internal (in)Stability // Caucasus Survey. — 2017. — Vol. 5. — Issue 2. — P. 177–194.
22. Panossian R. The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars. — London: Hurst & Co, 2006. — 442 p.
23. Reisigl M., Wodak R. Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism. — London: Routledge, 2001. — 298 p. DOI: 10.4324/9780203993712.
24. Suny R. G. Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. — Bloomington: Indiana University Press. — 1993. — 304 p.

Protest Coalitions' Dynamics in Armenia (2016–2018)

Nikolai Silaev, Ph.D. (history), senior researcher,
Center for the Caucasian Studies and Regional Security,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
E-mail: nikolai.silaev@gmail.com

Ivan Fomin, Ph.D. (Political Science),
associate professor, Department of Political Science,
Faculty of Social Science, National Research University
Higher School of Economics.
E-mail: fomin.i@gmail.com

Summary. The article is devoted to the comparison of two protest coalitions in Armenia: the coalition of Sasna Tsrer armed group supporters in 2016 and the coalition that arose around Nikol Pashinyan, who came to power as a result of the protests of April and May 2018. It was shown that the success of the protests led by Pashinyan can be explained by the fact that they, in contrast to the supporters of Sasna Tsrer, were less framed by the counter-statist understanding of the nation. It is also shown that the Pashinyan coalition, in contrast to the coalition of supporters of Sasna Tsrer, was not liberal-nationalist, but rather liberal-bureaucratic. This distinction turned out to be critical, since it made it possible to avoid reproducing the situation of “double powerlessness” – the polarization of public controversy between the adherents of the statist and counter-statist frames of the Armenian nation both parts having no sufficient resources to win.

Keywords: Armenia, Nationalism, Protests, Revolution, Nikol Pashinyan.

REFERENCES

- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (Russ. ed.: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma*. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 288 p.)
- Avedissian K. The Power of Electric Yerevan. *openDemocracy*. July 6, 2015. URL: <https://www.opendemocracy.net/karena-avedissian/electrified-yerevan>
- Bourdieu P. *O simvolicheskoi vlasti* [On Symbolic Power]. (Russ. ed.: Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space]). Saint Petersburg: Aleteiya. 2014. P. 87–96.
- Broers L., Iskandaryan A., Minasyan S. *The Unrecognized Politics of De Facto States in the Post-Soviet Space*. Yerevan: Caucasus Institute and International Association for the Study of the Caucasus, 2015. 238 p.
- Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. (Russ. ed.: Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki. 2012. 408 p.)
- Calhoun C. *Nationalism*. (Russ. ed.: Calhoun C. *Natsionalizm*. Moscow: Territoriya budushchego, 2006. 288 p.)
- Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience* (Russ. ed.: Gofman I. *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2003. 752 p.)
- Derlug'yan G. *Adept Burd'e na Kavkaze: eskizy k biografii v mirosistemnoi perspektive* [Bourdieu's Adherent in the Caucasus: Sketches to the Biography in the World-System Perspective]. Moscow: Territoriya budushchego, 2010. 558 p.
- Derlug'yan G. How to Oust the President Democratically with a Bomb. *PONARS Eurasia*, July 29, 2016. URL: http://www.ponarseurasia.org/ru/article_20160729_Derluguian
- Falkowski M., Strzelecki J. Protests in Armenia as a Manifestation of the State's Systemic Crisis. *Ośrodek Studiów Wschodnich* (The Centre for Eastern Studies), July 1, 2015. URL: <https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2015-07-01/protests-armenia-a-manifestation-states-systemic-crisis>, accessed September 16, 2018.
- Fomin I. V., Silaev N. Yu. Armyanskiy natsionalizm protiv armyanskogo gosudarstva: raskoly i koalitsii v diskurse o «Sasna Tsrer» [Armenian Nationalism vs Armenian State: Cleavages and Coalitions in the Discourses on Sasna Tsrer]. *Polis. Political Studies*. 2018. No. 3. P. 78–92.
- Furman D. *Kul'turnye i sotsial'no-psikhologicheskie osnovy sovremennogo armyanskogo natsional'nogo dvizheniya* [Cultural and Socio-Psychological Foundations of the Contemporary Armenian National Movement]. Moscow: Gorbachev-Fond, 1993. 38 p.
- Ghazaryan A. A Self-Repeating Crisis: The Systemic Dysfunctionality of Armenian Politics. *Caucasus Analytical Digest*. 2017. No. 91. P 5–7.
- Ishkanian A. From Civil Disobedience to Armed Violence: Political Developments in Armenia. *openDemocracy*. July 19, 2016. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/armine-ishkanian/from-civil-disobedience-to-armed-violence-political-developments-in-armen>
- Ishkanian A. Neoliberalism, Mining and Armenia's Politics of Plunder. *openDemocracy*. June 24, 2016. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/armine-ishkanian/neoliberalism-mining-and-politics-of-plunder-in-armenia>
- Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S. *War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia*. Yerevan: Caucasus Institute. 2016. 144 p.
- Lewis D. The Contested State in Post-Soviet Armenia. *Paradox of Power: The Logics of State Weakness in Eurasia*. Ed. by John Heathershaw and Edwaed Schatz. Pittsburgh, PA: Pittsburgh University Press, 2017.
- Novikova G. Armenia: Some Features of Internal (in)Stability. *Caucasus Survey*. 2017. Vol. 5. Issue 2. P. 177–194.
- Nzhde G. (Garegin Ter-Arutyunyan). *Otkrytye pis'ma armyanskoi intelligentsii* [Open Letters to the Armenian Intelligentsia]. Yerevan: Armyanskaya revolyutsionnaya federatsiya “Dashnaksutyun”, 1992. 21 p. (In Russ.)
- Panossian R. *The Armenians: From Kings and Priests to Merchants and Commissars*. London: Hurst & Co, 2006. 442 p.
- Reisigl M., Wodak R. *Discourse and Discrimination: Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London: Routledge. 2001. 298 p. DOI: 10.4324/9780203993712
- Semenenko I. S., Lapkin V. V., Bardin A. L., Pantin V. I. Mezhdugosudarstvom i natsiyey: dilemmy politiki identichnosti na postsovetском prostranstve [Between the State and the Nation: Dilemmas of Identity Policy in Post-Soviet Societies]. *Polis. Political Studies*. 2017. No. 5. P. 54–78. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.05 (In Russ.)
- Suny R. G. *Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History*. Bloomington: Indiana University Press, 1993. 304 p.
- Zolyan S. O dinamicheskom ponimanii natsional'noy identichnosti (na primere opisaniya armyanskoy identichnosti) [On the Dynamic Approach to the Notion of National Identity (Armenian Identity Case Study)]. *SOTIS – sotsial'nye tekhnologii, issledovaniya*. 2017. No. 1. P. 41–47. (In Russ.)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Кавказоведческий семинар в первом полугодии 2018 г.

С осени 2015 г. начал работу регулярный научно-практический семинар «Кавказ в прошлом и настоящем (общество и политика, экономика и культура)». Инициаторами его создания и организаторами заседаний стали сотрудники Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО В. М. Муханов и А. А. Ярлыкапов, а также ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН (ИВ РАН) В. О. Бобровников. Заседания семинара проходят как в МГИМО, так и в ИВ РАН. В 2017 г. в состав оргкомитета семинара вошли ст. науч. сотр. Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО М. А. Волхонский и ст. науч. сотр. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН А. Ю. Скаков.

К началу 2018 г. было проведено 26 заседаний, на которых выступили с докладами более 30 экспертов, часть из них — неоднократно¹. Несколько докладов семинара уже опубликовано в виде отдельных статей².

* * *

2 февраля 2018 г. в МГИМО состоялось *27-е заседание семинара*. С основным докладом на тему «Шамхорская трагедия 1918 г.: предыстория, ход и последствия» выступил старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО В. М. Муханов. Он рассказал об общей ситуации в Закавказье в 1917 г., о влиянии революции на события в регионе, о расстановке политических и национальных сил. Именно начавшуюся открытую и бескомпромиссную борьбу за власть между последними докладчик и назвал главной причиной Шамхорской резни, в ходе которой погибли и были ранены несколько тысяч солдат старой армии и пострадало значительное количество мирного населения, которое вынуждено было пользоваться Закавказской железной дорогой. Основными виновниками трагедии, бесспорно, являются лидеры Грузинского национального совета во главе с Ноем Жордания и Мусульманского совета в Гяндже, которые и организовали военную операцию по разоружению отходивших с фронта солдатских эшелонов, в ходе чего произошли кровавые события на целом ряде станций Закавказской железной дороги. Показательно, что спустя полгода эти лица заняли высокие посты в правительствах уже объявивших независимость Грузинской и Азербайджанской республик. Межэтнические столкновения, спровоцированные Шамхорскими событиями, привели к всплеску межнациональных конфликтов в разных точках региона и способствовали краху единого Закавказья.

Обсуждение данного вопроса вышло за рамки академического обсуждения. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. З. Бунятова Национальной академии наук Азербайджана Солмаз Рустамова-Тогида назвала семинар армянской провокацией, как и Шамхор-

¹ Подробнее о прошедших ранее заседаниях семинара см.: Муханов В. М., Ярлыкапов А. А. О новом кавказоведческом семинаре // Ежегодник ИМИ. — 2016. — Вып. 1 (15). — С. 115–116; Муханов В. М., Ярлыкапов А. А. О работе кавказоведческого семинара в первом полугодии 2016 г. // Международная аналитика. — 2016. — № 2. — С. 139–141; Муханов В. М., Ярлыкапов А. А. Работа кавказоведческого семинара во втором полугодии 2016 г. // Международная аналитика. — 2016. — № 4. — С. 103–107; Волхонский М. А., Муханов В. М., Ярлыкапов А. А. Кавказоведческий семинар в первом полугодии 2017 г. // Международная аналитика. — 2017. — № 3. — С. 87–95; Волхонский М. А., Муханов В. М., Ярлыкапов А. А. Кавказоведческий семинар во втором полугодии 2017 г. // Международная аналитика. — 2017. — № 4. — С. 96–101.

² См., например: Скаков А. Ю., Новиков В. В. Абхазия в 2015 году: основные политические и социально-экономические тренды // Ежегодник ИМИ. — 2016. — Вып. 1 (15). — С. 117–128; Муханов В. М. О текущем состоянии церковного раскола в Абхазии // Ежегодник ИМИ. — 2016. — Вып. 1. — С. 129–137; Ярлыкапов А. А. «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. — 2016. — № 3. — С. 112–121.

ские события, в которых виноваты армяне. Присутствовавшие на мероприятии специалисты по Кавказскому региону, представляющие МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт военной истории Генштаба ВС РФ, Институт этнологии и антропологии РАН, Институт востоковедения РАН, ИМЭМО РАН, в результате возникших непреодолимых помех не смогли принять участие в обсуждении доклада.

Текст обширного доклада В. М. Муханова вошел в две его работы³, что создает условия для научной дискуссии по данному вопросу.

* * *

7 марта в МГИМО состоялось *28-е заседание* — «Кавказ и Балканы во второй половине XIX — начале XX вв.». Было представлено два доклада.

С докладом «Государство и общество в Сербии во второй половине XIX — начале XX вв.» выступил доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО Я. В. Вишняков. Были рассмотрены особенности политической истории Сербии. Особое внимание докладчик уделил взаимоотношениям государства и общества в контексте протекавших во второй половине XIX в. процессов модернизации.

С докладом «Процесс формирования правительственными верхами Российской империи политического курса на Кавказе в конце XIX в.» выступил кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМИ МГИМО М. А. Волхонский. Доклад был посвящен причинам и последствиям произошедшей в начале 1880-х гг. смены политического курса правящих верхов Российской империи на Кавказе. Докладчик подробно остановился на процессе упразднения Кавказского наместничества в 1881 г. Были охарактеризованы и основные направления политики, проводившейся русскими властями в 1880—1890-х гг. на Кавказе.

В ходе оживленной дискуссии по обоим докладам были проведены интересные параллели между Балканами и Кавказом, а также высказаны предположения об определенных закономерностях протекания процессов модернизации в регионах со сложным географическим, этническим и социальным ландшафтом. В дискуссии приняли участие ученые МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

* * *

30 марта в МГИМО состоялось *29-е заседание*, прошедшее в формате «круглого стола» «Новое на книжной полке кавказоведа». Состоялись презентации и обсуждения книжных новинок по кавказоведческой тематике.

Сотрудники Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО В. В. Дегоев, М. А. Волхонский и В. М. Муханов рассказали о выходе в конце 2017 г. X тома «Кавказского сборника»⁴ в издательстве «Аспект Пресс» — в обновленном дизайне. Докладчики остановились на концепции издания, а также итогах работы редакции «Кавказского сборника» в течение четырнадцати лет.

В 2004 г. коллектив сотрудников Центра проблем Кавказа возобновил публикацию «Кавказских сборников» — одного из наиболее авторитетных кавказоведческих периодических изданий XIX — начала XX вв. Вышедшие с 1876 по 1912 гг. 32 тома составили своего рода энциклопедию Кавказской войны. Разрабатывая в 2004 г. концепцию нового «Кавказского сборника», члены редколлегии следовали центральной идее старого сборника — акцент на публикацию новых источников по истории Кавказа. На этом направлении была проделана немалая работа. Десять томов сборника содержат около сорока публикаций новых источников, в том числе значительный массив документов по социально-политической истории мусульман Кавказа. В этом плане новый «Кавказский сборник» стал полноправным преемником старого. Помимо источников, на страницах сборника активно публиковались авторские статьи по истории, а также этнологии и культурологии. «Кавказский сборник» стал открытой площадкой дискуссий между профессиональными кавказоведами.

Как было заявлено в ходе презентации, главной целью создания такой площадки является объединение и разумная координация усилий профессиональных историков и этнологов в ис-

³ Муханов В. М. Кавказ в революционную пору... К истории Закавказья в 1917 — первой половине 1918 гг. — М., 2017; Муханов В. М. Грузинская Демократическая республика: от первых дней независимости до советизации. — М., 2018.

⁴ Кавказский сборник / Под ред. В. В. Дегоева. Т. 10. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 416 с.

следовании прошлого Кавказа. Десять томов обновленного «Кавказского сборника» — наглядное свидетельство того, что традиции российского кавказоведения, заложенные такими известными исследователями, как Броневский, Дубровин, Услар, Потто, продолжают жить. Члены редколлегии «Кавказского сборника», выступавшие на заседании, выразили благодарность ректору МГИМО академику РАН А. В. Торкунову за постоянную поддержку издания, а также всем авторам.

Ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, доктор исторических наук А. Д. Саватеев представил второй том издания «Исламские радикальные движения на политической карте мира», посвященный Северному и Южному Кавказу (выпущен под эгидой Института Африки)⁵. Свою главу в этом томе — «Ислам в Абхазии» — презентовал старший научный сотрудник Института востоковедения РАН А. Ю. Скаков.

Сборник «Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политической, социальной и религиозной трансформации»⁶ был представлен одним из авторов-составителей А. А. Ярлыкаповым. Основная идея проекта — показать мозаичность трансформации сельских и городских сообществ Северного Кавказа в условиях включения их в мировые рынки, в орбиту исламского мира и глобальные миграционные процессы.

В. М. Муханов представил свой новый труд — монографию «Грузинская демократическая республика: от первых дней независимости до советизации», вышедший в издательстве МГИМО в научно-популярном формате⁷.

В Закавказье в 1918 г. возникли три самостоятельные республики. Дольше других просуществовала Грузинская Демократическая Республика. Предыстории ее появления и истории существования и ходу советизации в 1921 г. и посвящена книга В. М. Муханова.

В обсуждении представленных новинок приняли участие ученые МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, Института российской истории РАН, Института Африки РАН, других московских научных центров.

* * *

12 апреля в Институте востоковедения РАН состоялось *30-е заседание семинара*. С докладом «Крымское ханство в конце XVII — XVIII вв.: внутренняя и внешняя политика в условиях новых исторических вызовов» выступил доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) Д. В. Сень.

Автор попытался аргументировано опровергнуть тезис известного востоковеда В. Д. Смирнова о предопределенности исторической судьбы Крымского ханства в XVIII в. По мнению докладчика, огромный массив источников свидетельствует о различных стратегиях крымских ханов по нормализации ситуации в ханстве, по его реформированию в условиях менявшихся исторических реалий. Основываясь на источниках, автор показал, что рубеж XVII—XVIII вв. являлся переломным, ключевым этапом в истории Крымского ханства, своего рода временем перемен. В период 1681—1700 гг. ухудшаются отношения между Крымом и Османской империей, принципиально меняются его отношения с Россией. Это порождало у ханов, а также в среде крымской элиты и рядовых подданных тревожные настроения. Хотя в источниках хорошо прослеживаются эти настроения тревожного ожидания чего-то нового, опасного для будущего ханства, до сих пор исследователи не уделяли этому явлению должного внимания.

В то же время Д. В. Сень отметил, что несмотря на жесткие внешнеполитические вызовы, в первую очередь формирование в Северном Причерноморье новых границ европейского типа, а также усиления давления со стороны османов на крымских ханов, последние оказались способными проводить гибкую, прагматичную политику, которая стала залогом особой «живучести» Крымского ханства. Так, Гирей не только не отказывался от реформирования управленческих и иных структур в ханстве или развития системы управления ногайскими ордами, но даже попытались провести «вестернизацию» (как, например, Шагин-Гирей). По мнению докладчика, следует, с одной стороны, оценить масштабы произошедших в это время в Крым-

⁵ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Вып. 2. Северный и Южный Кавказ. — М., 2017.

⁶ Кавказские локальные сообщества в глобальном мире: опыт изучения политической, социальной и религиозной трансформации. — М.; СПб., 2017. — С. 22—43.

⁷ Муханов В. М. Грузинская Демократическая Республика: от первых дней независимости до советизации. — М., 2018.

ском ханстве трансформаций, а с другой — отказаться от схематичных оценочных суждений о ханстве как о государстве, «застрявшем в средневековье из-за паразитического существования за счет работорговли». В заключение докладчик отметил, что в ходе дальнейшей реализации заявленного подхода к исследованию истории Крымского ханства в конце XVII — первой половине XVIII вв. могут определиться новые возможности для изучения его политической и социальной истории.

По итогам выступления Д. В. Сеня состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие ученые МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института всеобщей истории РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

* * *

25 апреля в Институте востоковедения РАН состоялось *31-е заседание семинара*, на котором с докладом «Конституционные реформы в Армении: основные тенденции и перспективы» выступил научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН А. Г. Арешев.

Докладчик подробно осветил предысторию, а также реализацию в 2014–2018 гг. последней конституционной реформы в Армении, целью которой стало превращение полупрезидентской республики в парламентскую. Главное внимание в докладе было уделено событиям «бархатной революции» в Ереване, приведшей в апреле 2018 г. к отставке Сержа Саргсяна с поста премьер-министра. Докладчик выделил несколько ключевых факторов, которые обусловили такое развитие событий: во-первых, недовольство населения социально-экономической ситуацией в республике; во-вторых, ошибка властей, прежде всего руководства «Республиканской партии», выдвинувших в кандидаты на должность премьер-министра экс-президента Сержа Саргсяна, который до этого несколько раз публично обещал не занимать кресло премьера; в-третьих, влияние западных фондов, способствовавших активизации протестов в Ереване.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие ученые из МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, других московских научных центров.

* * *

11 мая в Институте востоковедения РАН состоялось *32-е заседание семинара*. С основным докладом «Кавказская война: от Ведено до Гуниба (январь — август 1859 г.)» выступила старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН П. И. Тахнаева.

Докладчик подробно остановилась на заключительном годе Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе и крахе Имамата Шамиля. П. И. Тахнаева особо отметила обвал власти имама в различных обществах и его метания в последние месяцы военных действий, а также методичность операций русских войск под единым руководством князя А. И. Барятинского, тогдашнего командующего Кавказской армией, по окружению и блокированию отряда Шамиля. Последний был вынужден остановиться и укрепиться в высокогорном ауле Гуниб, где был заблокирован и фактически принужден к сдаче. П. И. Тахнаева отметила низкий уровень доверия между сторонами в ходе мирных переговоров.

Исследователь выступила против появившихся в последние годы и популярных в дагестанском обществе разговоров о якобы совершенном русской стороной обмане имама Шамиля, который не хотел сдаваться. Действия имама, вышедшего к князю Барятинскому, представляются традиционной для той эпохи капитуляцией противника, что и произошло в августе 1859 г. под Гунибом.

Доклад П. И. Тахнаевой вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие ученые МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института российской истории РАН, других московских научных центров.

* * *

25 мая в Институте востоковедения РАН состоялось *33-е заседание семинара*, на котором с докладом «Грузино-абхазские взаимоотношения в первой половине XX века» выступила стар-

ший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН *Л. И. Цвижба*.

Докладчик последовательно, с опорой на исторические источники, осветила сначала процесс интеграции Абхазии в состав Российской империи в XIX в. Особое внимание было уделено темам Кавказской войны, мухаджирства (переселения горцев Кавказа в Турцию), а также переселенческой политике российских властей. Докладчик затронула и оценила процессы переселения грузинского и мегрельского населения в 1880–1900-х гг. в Абхазию на земли, опустевшие после ухода части абхазцев в Турцию.

Отдельно докладчик остановилась на событиях гражданской войны и строительства советской власти в Абхазии. Подробно были проанализированы события превращения в 1931 г. Абхазской ССР в автономную республику в составе Грузинской ССР. В заключение докладчик осветила политику руководства Грузии в 1930–1950-х гг. по культурной и языковой грузинофикации абхазского населения.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие ученые МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, Института этнологии и антропологии РАН, ИНИОН РАН, других московских научных центров, а также из СОИГСИ Владикавказского научного центра РАН.

* * *

7 июня 2018 г. в Институте востоковедения РАН состоялось *34-е заседание семинара*. С докладом «Съезды доверенных у народов Терской области: из опыта регионального самоуправления в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX вв.)» выступил кандидат исторических наук, заведующий сектором этнологии и этнографии ИГИ КБНЦ РАН *Д. Н. Прасолов*.

Докладчик детально осветил эволюцию такого неформального института самоуправления у народов Терской области в XIX — начале XX вв., как съезды доверенных. С конца 1850-х гг. окружные администрации в Терской области стали собирать представителей сельских обществ для регулярного избрания судей окружных судов, а также для обсуждения множества других общественных вопросов, связанных с реализацией социальных преобразований, регулированием поземельных отношений, борьбой с преступностью, распоряжением общественными суммами, развитием местного благоустройства и образования.

Возникновение, развитие и содержание этой практики в отношении различных народов Терской области дифференцировалась в зависимости от социально-политических традиций местного населения и особенностей их интеграции в состав российского государства. Основываясь на отзывах современников, а также на анализе разнообразных исторических источников, докладчик пришел к выводу, что наиболее регулярной и разноплановой деятельностью отличались проводившиеся в Нальчикском округе съезды доверенных Большой и Малой Кабарды, а также пяти горских обществ. По мнению докладчика, установленный в ходе исследования факт развития этой практики путем расширения функций съездов доверенных в начале XX в. позволяет по-новому оценить пореформенное социально-экономическое развитие, а также эволюцию политической и правовой культуры народов Терской области, что дает основание говорить о гибкости административных практик российской власти, находившейся в поиске оптимальных форм властного взаимодействия с местным населением.

Состоялась оживленная дискуссия, в которой приняли участие ученые из МГИМО, МГУ им. М. В. Ломоносова, ИМЭМО РАН, Института востоковедения РАН, других московских научных центров.

М. А. Волхонский, В. М. Муханов, А. А. Ярлыкапов

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Д. А. КРАСОЧЕНКОВ

Экономический рост и мирохозяйственные связи в условиях глобальной турбулентности: тренды и проблемы

Денис Антонович Красоченков, студент III курса
Факультета международных экономических
отношений МГИМО МИД России.
E-mail: deniskrasochenkov@gmail.com

Аннотация. В статье делается попытка обобщения факторов и трендов функционирования и развития мировой экономической системы и объединяющих ее мирохозяйственных связей в условиях торможения темпов глобализации и растущей зависимости торгово-инвестиционных связей от геополитических процессов. Рассмотрен общий контекст развития мирового хозяйства – на основе анализа ключевых макроэкономических показателей национального развития и межгосударственных связей. Определены стратегические контуры эффективного участия России в системе мирохозяйственных связей на этапе глобальной экономической турбулентности.

Ключевые слова: глобализация, экономический рост, международные экономические отношения, геополитические процессы, мировая экономика.

В условиях глобализации, отличающейся все возрастающей, а иногда и критической, степенью зависимости стран друг от друга, ключевую роль играет качество взаимодействия национальных экономик в рамках мировых рынков товаров, услуг и факторов производства (капитала, трудовых ресурсов и технологий) в системе валютно-финансовых отношений и интеграционных объединениях. Эти взаимоотношения имеют сложную, противоречивую природу, сочетающую геоэкономические и геополитические факторы, конкуренцию и кооперацию, что требуют стратегического подхода к планированию участия России в турбулентном контексте мирохозяйственных связей.

Автор пытается дать оценку степени развития мирового хозяйства и международных торгово-инвестиционных отношений с целью сравнения положения России среди ведущих экономических систем и определения перспективных направлений ее взаимодействия с внешним миром.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ключевые тенденции развития мирового хозяйства формируют общий контекст функционирования национальных экономик в современной системе международных экономических отношений. Поступательность глобального развития была нарушена финансовым кризисом 2008 г., когда произошло историческое снижение темпов роста мирового производства, международной торговли и инвестиций, что положило начало периоду глобальной турбулентности

мировых рынков и негативному тренду в интернационализации бизнес-процессов, своего рода деглобализации.

В условиях неустойчивости и непредсказуемости динамики роста мирового хозяйства исследователи чаще обращают внимание на неэкономические факторы мирового развития. Например, А. С. Булатов [2; 3] — на социальные, политические и культурные процессы, А. В. Свиридов [11] и Е. В. Балацкий [1] — на геополитические детерминанты, Л. В. Квинт [6] усматривает негативное влияние терроризма на мировую торговлю, в то время как И. Л. Тимонина [12] обращает внимание на смену индустриальной парадигмы функционирования производства в ведущих странах мира.

Ежегодные отчеты ведущих международных организаций подтверждают важность неэкономических факторов, делая акцент на социальных проблемах, характерных как для развитых стран, так и для стран с формирующимися рынками: занятости, неравенства, в первую очередь в отношении доступа к образованию, межпоколенческого неравенства, отмечая неустойчивость нынешнего периода восстановления мирового хозяйства. Авторы ежегодного обзора МВФ «Перспективы развития мировой экономики» (the World Economic Outlook)¹ довольно оптимистичны в отношении краткосрочных тенденций динамики мирового производства, упирая на то, что восстановительный рост развитых странах, начавшийся в 2016–2017 гг., продолжится еще в течение двух лет, при том что в них будет сохраняться проблема занятости молодежи и рабочих мест в обрабатывающей промышленности. Положительным фактором мирового развития, по мнению аналитиков МВФ, является то обстоятельство, что глобализация способствует распространению знаний и технологий.

В то же время развитие экономик с формирующимся рынком и некоторых других развивающихся стран может тормозиться, что ведет к ужесточению финансовых условий, ослаблению поддержки глобальной экономической интеграции со стороны населения, усилению противоречий в сфере торговли и рискам перехода к протекционистской политике.

Доклад о глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума за 2017–2018 гг.² также свидетельствует о продолжении восстановления мировой экономики, начавшемся в 2016 г. Разумеется, это не умаляет необходимости поиска новой парадигмы роста мировой экономической системы в условиях высокого уровня неопределенности, связанного с изменениями мирового порядка в последнюю четверть века. В докладе Всемирного экономического форума делается акцент на необходимости инклюзивного развития, поскольку в мире ширится восприятие того, что нынешние экономические подходы не служат людям и обществам достаточно хорошо, что побуждает к новым моделям экономического прогресса, ориентированного на человека.

В последней версии «Отчета о развитии человечества» (The Human Development Report) за 2016 г.³ говорится о необходимости и возможности обеспечения развития для всех людей за счет эффективной государственной политики в условиях того, что, несмотря на весь достигнутый прогресс, отдельные большие социальные группы — женщины, национальные меньшинства, малообеспеченные люди — остаются лишенными перспектив и возможностей из-за специфических объективных и субъективных барьеров, которые им необходимо преодолеть.

В определенном смысле «Доклад о мировом развитии» (The World Development Report) за 2018 г. Всемирного банка⁴ продолжает линию расширения возможности развития для всех, делая акцент на системе образования и практике обучения, улучшая их за счет трех стратегий: 1) формирования ценностной ориентации на образование на основе мониторинга системы и результатов обучения для обоснования стратегий реформирования и иных планов действий; 2) использования результатов эмпирических исследований и мониторинга для повышения эффективности обучения для всех обучающихся путем осуществления инноваций и внедрения лучших практик; 3) координации всех акторов системы образования для устранения технических и политических барьеров для получения образования всеми группами лиц. Акцентирование установки на совершенствование образования обусловлено проблемами, возникающими

¹ IMF. The World Economic Outlook 2018. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2018/03/20/world-economic-outlook-april-2018>

² WEF. The Global Competitiveness Report 2017–2018. — URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2017-2018>

³ UNDP. The Human Development Report 2016. — URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2016_human_development_report.pdf

⁴ World Bank. The World Development Report 2018. — URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2018>

в результате исключения больших социальных групп, не имеющих адекватных современным трендам компетенций из продуктивного состояния, оказавшихся не готовыми. Это происходит в немалой степени из-за цифровизации экономики, к скорости разворачивания которой многие государства, в первую очередь на уровне национальных системы образования, оказались не готовы.

Ослабление интенсивности хода глобализации — неоднозначный для мировой экономики тренд. Нельзя не согласиться с А. В. Свиридовым, что глобализация была использована «ее странами-лидерами для своих нужд: обеспечения необходимых поставок природных ресурсов и дешевой рабочей силы, вывода “грязных” производств, перекачки интеллектуальных и финансовых ресурсов из периферии в центр, поддержания благополучия стран постиндустриального общества за счет отстающих стран» [11, с. 153–154]. В связи с этим торможение глобализации может иметь и положительные последствия, в первую очередь для экономик глобального Юга, если она сможет перерасти свой либеральный, разрушительный, по мнению Р.С. Гринберга [5], для развивающихся производственных систем характер.

Проведем анализ статистических данных, характеризующих разворачивание данных трендов на глобальном и национальном уровнях воспроизводственных систем. Данные *Рис. 1* показывают, что действительно в 2016 г. был преломлен негативный тренд в темпах роста мирового ВВП. При этом очевидно, что, несмотря на то что страны с высокими доходами на душу населения копируют динамику общемировых темпов роста ВВП, драйверами трендов роста мирового выпуска являются страны со средними доходами, в то время как динамика роста ВВП в странах с низкими доходами волатильнее, чем у остальных групп стран.

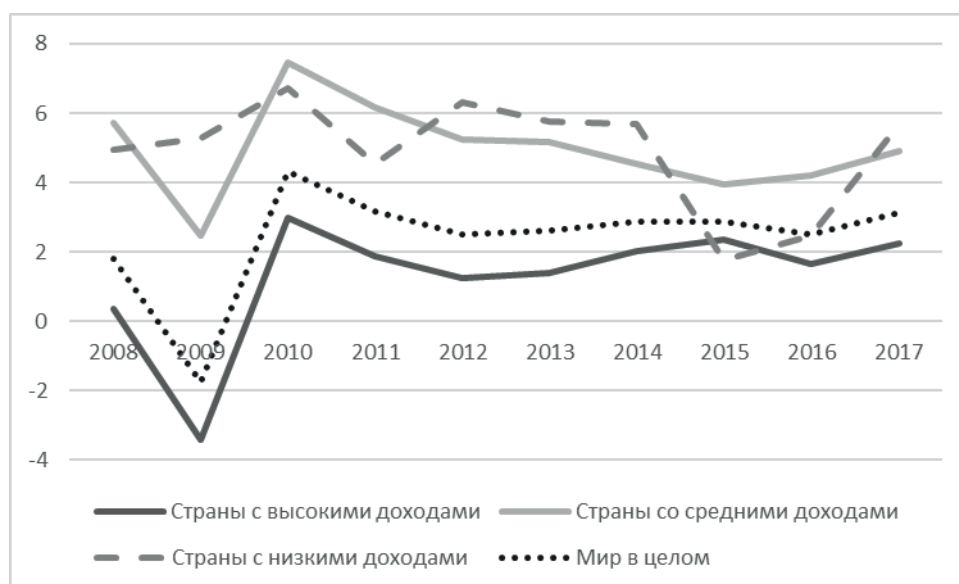

Рис. 1. Динамика ВВП в мире и в разбивке по группам стран.⁵

Таблица 1

Динамика ВВП 10 ведущих стран мира, %⁶

Страна ⁷	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	9,65	9,40	10,64	9,54	7,86	7,76	7,30	6,90	6,70	6,90
ЕС	0,48	−4,35	2,10	1,71	−0,42	0,26	1,74	2,32	1,96	2,44
США	−0,29	−2,78	2,53	1,60	2,22	1,68	2,57	2,86	1,49	2,27
Индия	3,89	8,48	10,26	6,64	5,46	6,39	7,41	8,15	7,11	6,62
Япония	−1,09	−5,42	4,19	−0,12	1,50	2,00	0,37	1,35	0,94	1,71

⁵ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

⁶ Ibid.

⁷ Страны представлены в соответствии с рейтингом ВВП по ППС 2017 г.

Германия	1,08	— 5,62	4,08	3,66	0,49	0,49	1,93	1,74	1,94	2,22
Российская Федерация	5,25	—7,82	4,50	5,28	3,66	1,79	0,74	—2,83	—0,22	1,55
Индонезия	6,01	4,63	6,22	6,17	6,03	5,56	5,01	4,88	5,03	5,07
Бразилия	5,09	—0,13	7,54	3,99	1,93	3,01	0,51	—3,55	—3,47	0,98
Великобритания	—0,47	—4,19	1,69	1,45	1,48	2,05	3,05	2,35	1,94	1,79
Мир в целом	1,82	—1,73	4,31	3,18	2,51	2,61	2,86	2,86	2,51	3,15

Данные Табл. 1 и Рис. 2 и 3 свидетельствуют, что показатели роста ВВП развитых стран из выборки отстают от общемировых значений (исключение составляют Германия в 2011 г. и Великобритания в 2014 г.). Среди ведущих стран с формирующимися рынками ситуация двойственная: локомотивами роста являются Китай, Индия и Индонезия, в то время как Бразилия и Российская Федерация показывают неоднородную динамику и с 2013 г. растут медленнее, чем мировая экономика в целом.

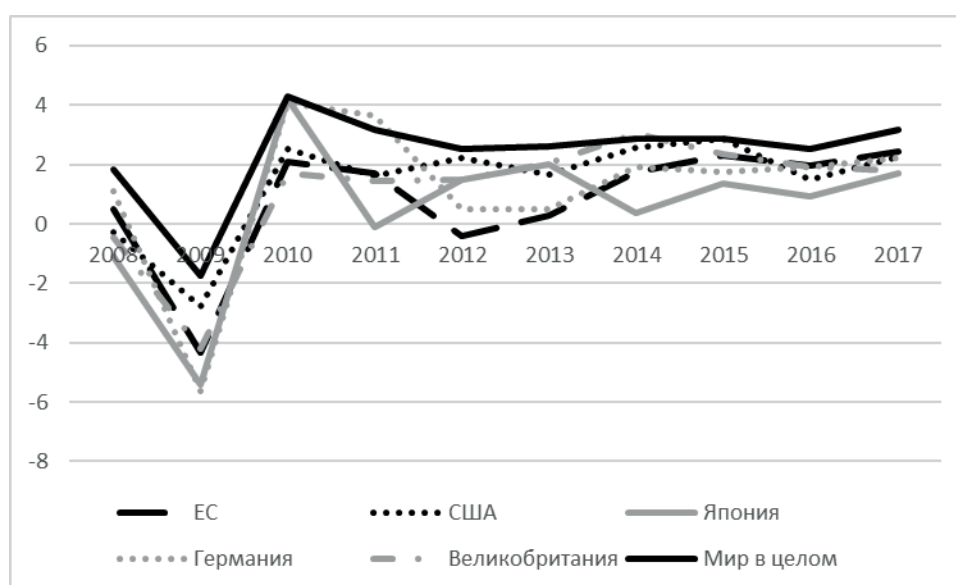

Рис. 2. Динамика ВВП ведущих развитых стран.⁸

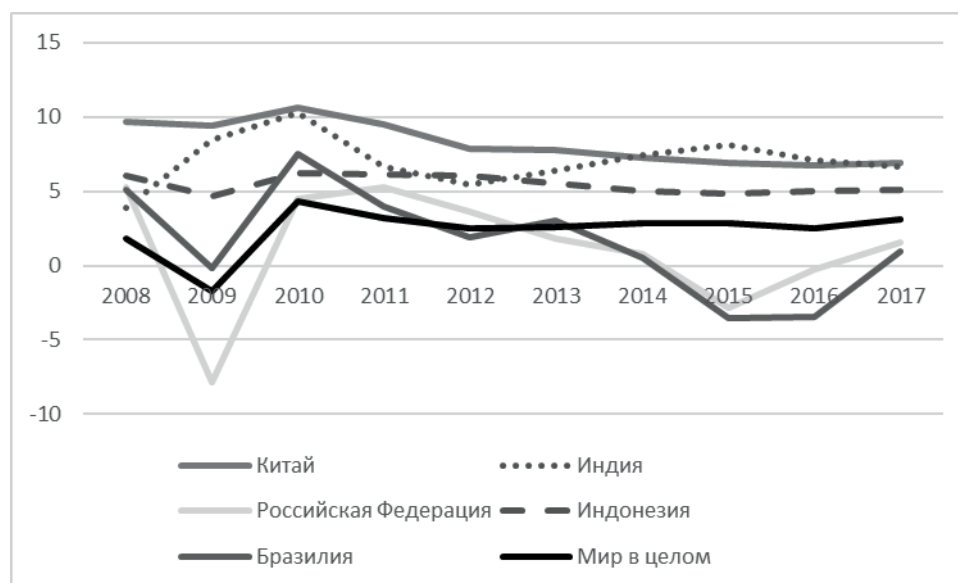

Рис. 3. Динамика ВВП ведущих стран с формирующимися рынками.⁹

⁸ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

⁹ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

Анализ динамики ВВП мировой экономики и ее ведущих национальных хозяйств подтверждает осторожный оптимизм авторов приведенных выше докладов международных организаций в отношении устойчивости перспектив глобального роста. Показательным трендом является также возросшая после кризиса роль крупнейших развивающихся стран в формировании импульсов развития мира в целом.

Перейдем к анализу показателей, характеризующим динамику неэкономических факторов глобальной динамики из числа представляемых Всемирным банком. Для анализа социальной сферы будут использованы показатели, связанные с рынком труда. Они могут служить характеристикой степени социальной инклюзивности развития и доступности материальных благ в тех или иных экономических системах, так как для большинства населения мира доходы от трудовой деятельности играют важную роль. Общие показатели использования рабочей силы и доля участия молодежи на рынке труда приведены на *Рис. 4* и *5*. Данные свидетельствуют об устойчивости этих показателей, хотя можно отметить и некоторые негативные тенденции в их посткризисной динамике. Наиболее интересными представляются низкие показатели индийской экономики, что связано, с одной стороны, с традиционными религиозными ограничениями, существующими в стране, с другой — свидетельствуют о потенциале роста индийской экономики при сломе институциональных барьеров и повышении вовлеченности населения в производственные процессы. Ситуация в ЕС, где показатели ниже общемировых, выглядит более проблематичной, так как институциональные барьеры рынка труда там ниже в сравнении с Индией, а низкая вовлеченность молодежи в трудовые процессы может быть объяснена особенностями образовательной системы или, как и в случае Китая, где динамика данного показателя устойчиво негативна в наблюдаемый период, — потребностями в более длительных сроках обучения, обусловленных подготовкой кадров для экономики знаний.

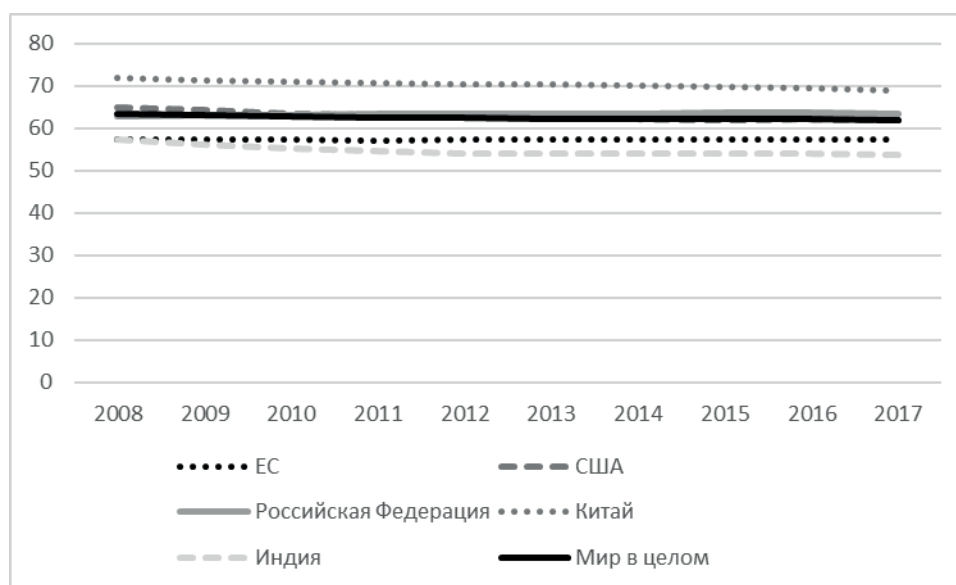

Рис. 4. Показатели использования рабочей силы старше 15 лет. Оценка Международной организации труда (МОТ), %.¹⁰

Показатели, характеризующие безработицу в мире и в крупнейших экономических системах, представлен на *Рис. 6*, из которого следует, что ее уровень в США, ЕС и мире в целом снижается, в то время как в Китае растет.

Влияние разрастания цифровой экономики в качестве ведущей перспективной парадигмы производства представлено на *Рис. 7* и *8*. Графики, представленные на них, показывают, что ведущую роль в обеспечении «материальной» составляющей цифровой экономики играет Китай, имеющий максимальные значения доли товаров, относящихся к информационно-компьютерным технологиям в экспорте, и являющийся единственной из рассмотренных систем с положительным сальдо внешней торговли подобного рода товарами, что, по мнению автора, свидетельствует не только о независимости и лидерстве Китая в вопросах формирования базы цифровизации, но и о зависимости остальных национальных хозяйств от внешнего фактора в создании условия для

¹⁰ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

роста нового типа, обусловленного диджитализацией не только экономики, но и других сфер общественной жизни. Как свидетельствуют данные *Рис. 9*, подобный успех был достигнут невзирая на относительно низкую долю использования Интернета конечными пользователями.

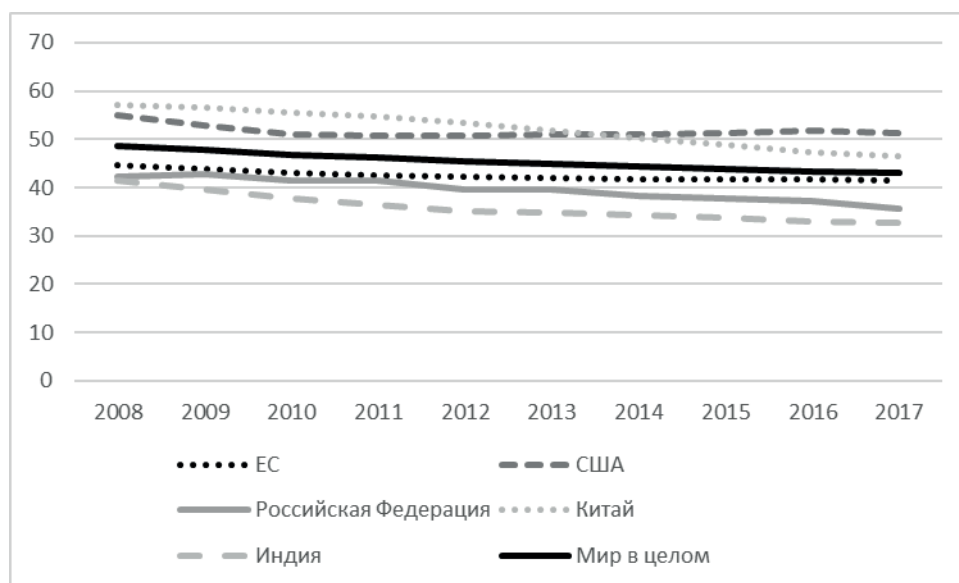

Рис. 5. Показатели использования рабочей силы в возрасте 15–24 года. Оценка MOT, %.¹¹

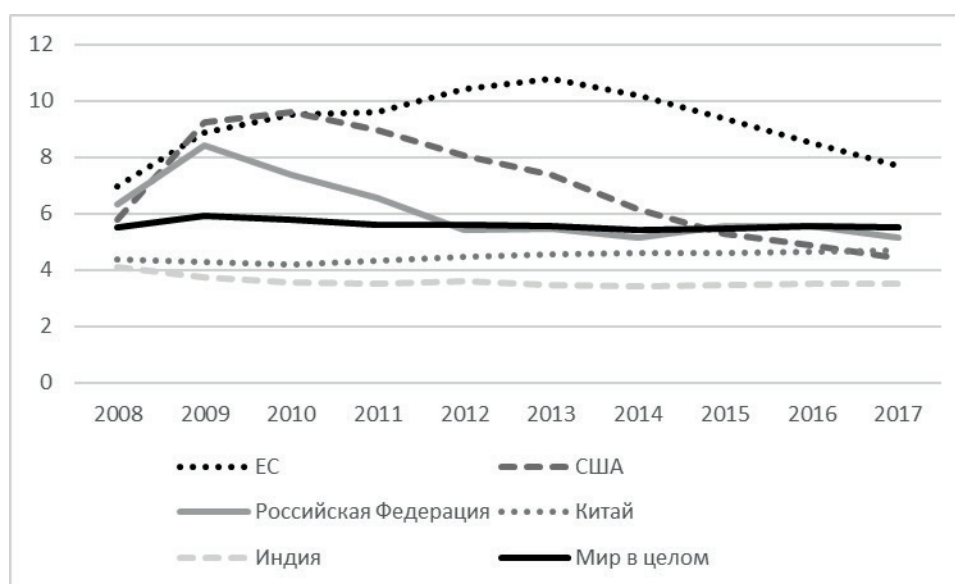

Рис. 6. Общий уровень безработицы оценка MOT, %.¹²

¹¹ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

¹² Ibidem.

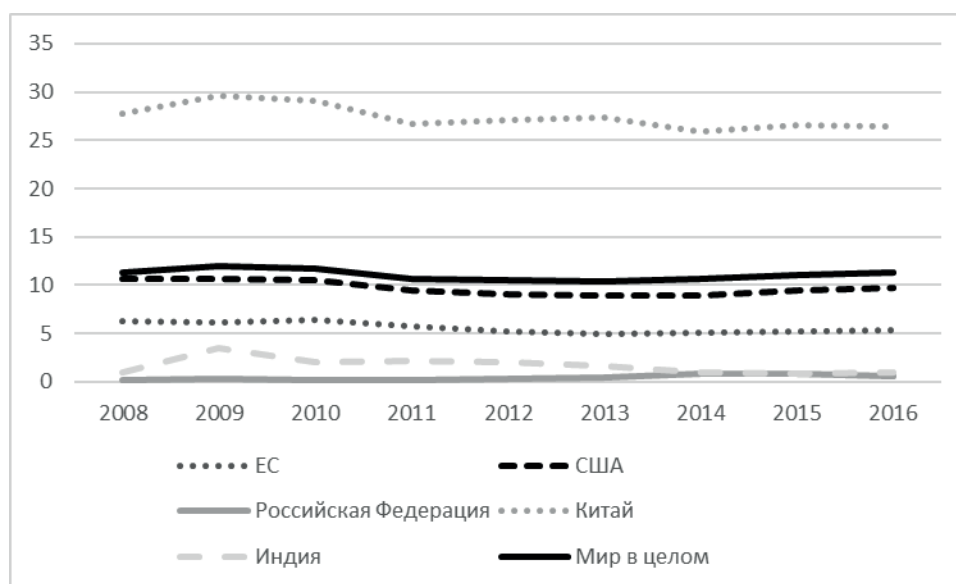

Рис. 7. Доля товаров, относящихся к информационно-компьютерным технологиям в экспорте, %.¹³

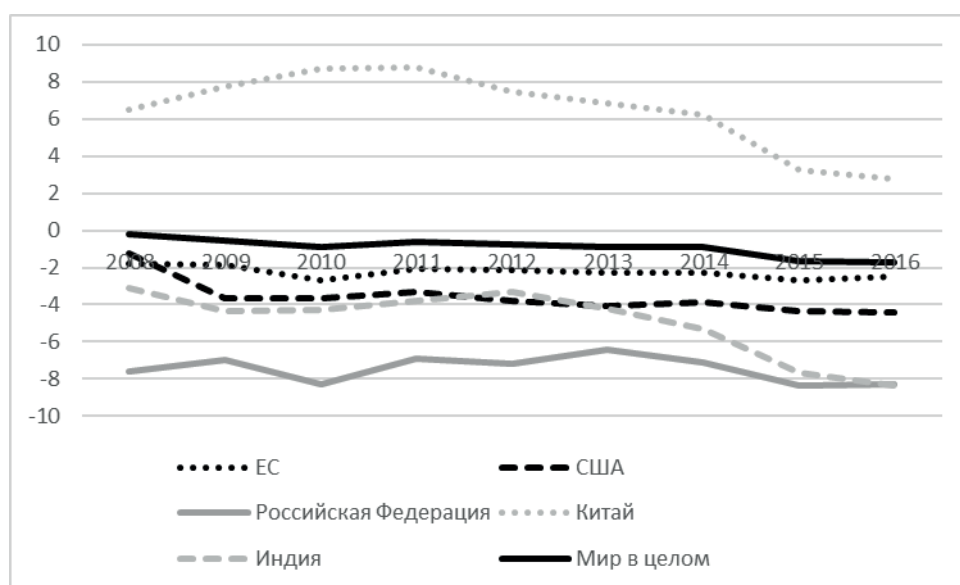

Рис. 8. Сальдо внешней торговли товарами, относящимися к информационно-компьютерным технологиям, % общего экспорта товаров.¹⁴

Данные Рис. 9 демонстрируют также высокую доступность Интернета для жителей США, ЕС и России, что свидетельствует, что в данной группе стран цифровизация может осуществляться интенсивным путем — за счет лучшего использования имеющихся технологий и сетей, в то время как Китаю, мировой экономике в целом и особенно Индии есть куда развиваться и в экстенсивном плане.

Важным трендом современного мира является геополитическая напряженность, оказывающая существенное влияние на экономические процессы. На Рис. 10 и 11 представлены динамика численности служащих вооруженных сил в общем составе рабочей силы и доля военных расходов в ВВП в послекризисный период. Исходя из этих данных, можно сделать относительно оптимистичный прогноз: и относительная численность вооруженных сил, и доля военных расходов снижаются после пиковых значений 2009–2010 гг.; исключение составляет растущая и наименее развитая из всех анализируемых индийская экономика, что может быть объяснено «эффектом низкой базы».

¹³ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

¹⁴ Расчёты автора по: World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

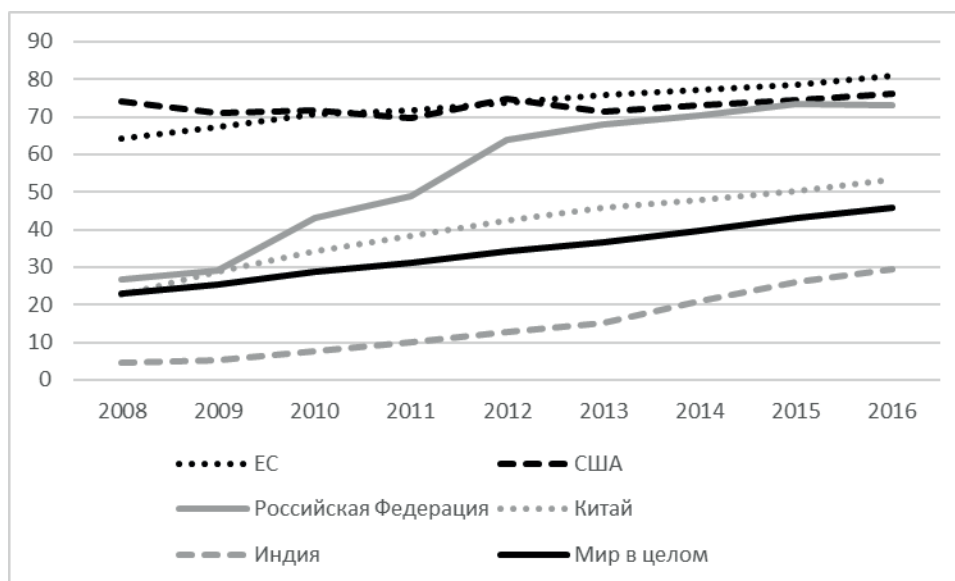

Рис. 9. Использование Интернета индивидуальными пользователями, % общей численности населения.¹⁵

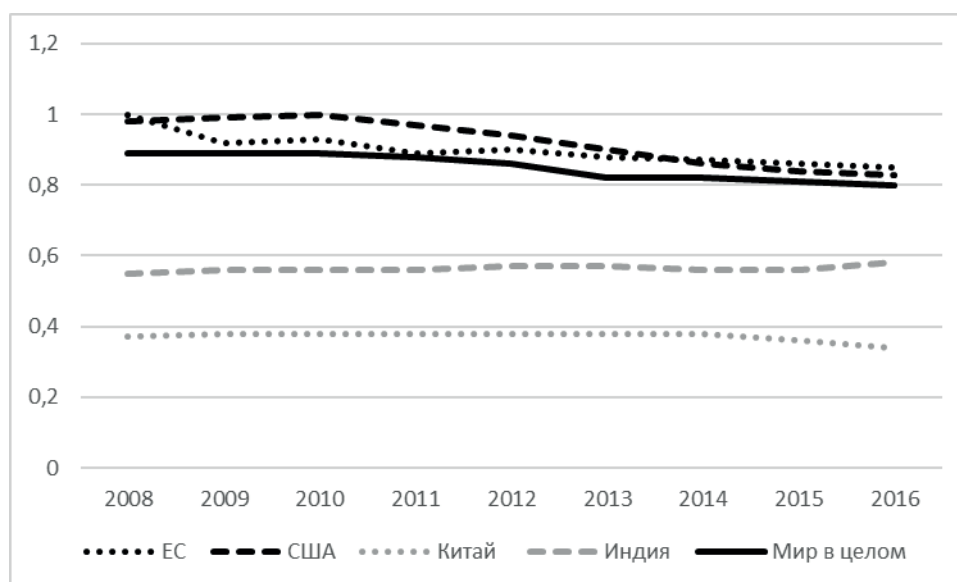

Рис. 10. Численность вооруженных сил в составе рабочей силы, %.¹⁶

В заключении анализа общемировых трендов обратим внимание на сферу образования (Табл. 2). Сравнивая долю и структуру расходов на образование мира в целом и ЕС, можно предположить, что реформирование образовательной системы, о котором говорится в Докладе о мировом развитии 2018 г.¹⁷, будет двигаться в сторону европейских, то есть возможное направление совершенствования — это система среднего образования, формирующая важнейшие гибкие навыки (*soft skills*).

¹⁵ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

¹⁶ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

¹⁷ World Bank. The World Development Report 2018. — URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/wdr2018>

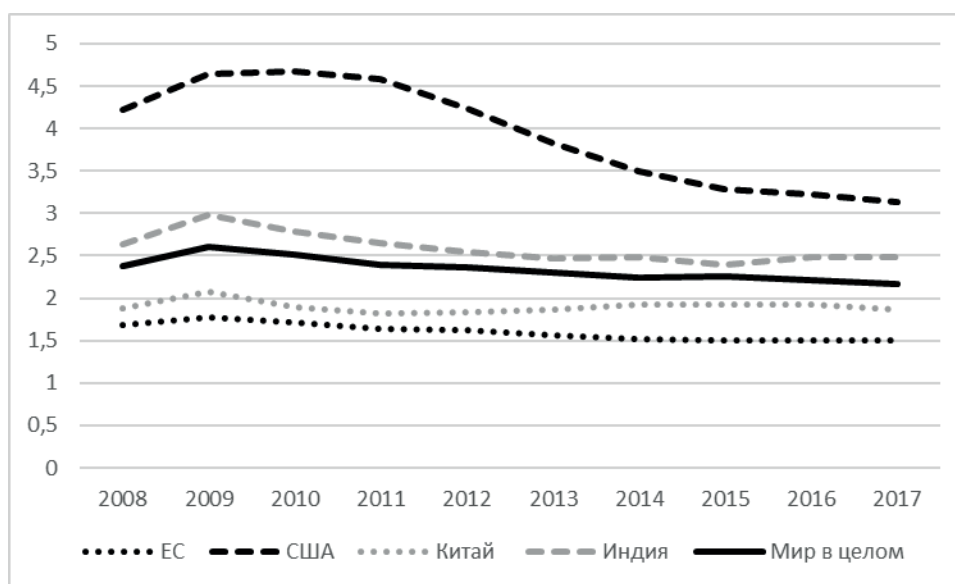
Рис. 11. Доля военных расходов в ВВП, %.¹⁸

Таблица 2

Сравнение параметров образовательных систем ЕС и мира в целом¹⁹

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Расходы государства на образование, % от ВВП						
Мир в целом	4,75	4,60	4,49	4,61	4,73	4,89
Европейский Союз	5,56	5,40	5,12	4,95	5,30	5,27
Расходы на начальное (первичное) образование, % от расходов государства на образование						
Мир в целом	32,80	32,42	31,97	33,59	31,11	31,83
Европейский Союз	24,07	23,99	23,52	21,98	23,48	23,25
Расходы на среднее (вторичное) образование, % от расходов государства на образование						
Мир в целом	35,35	35,37	34,81	34,33	33,40	33,75
Европейский Союз	41,39	42,48	40,91	38,56	38,91	40,36
Расходы на высшее (третичное) образование, % от расходов государства на образование						
Мир в целом	20,48	20,46	20,89	20,46	21,78	21,32
Европейский Союз	22,74	22,53	23,39	23,70	22,51	22,60

Таким образом, эмпирический анализ подтвердил основные аспекты динамики не только роста мировой экономики и ее лидеров, но и большую часть трендов, относящихся к неэкономическим процессам, выявленных академическими исследователями и специалистами международных организаций.

РАЗВИТИЕ МЕЖСТРАНОВЫХ ТОРГОВО-ИНВЕСТИЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Международные экономические отношения являются неотъемлемой частью мирового хозяйства, соединяя национальные хозяйства друг с другом, обеспечивая лучшее использование ограниченных ресурсов, уже на основе международного разделения труда. С учетом наличия

¹⁸ Ibid.¹⁹ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>. Данные по другим странам и за другие годы частично отсутствуют в базе.

статистических данных оценим динамику межстрановых торгово-инвестиционных отношений в мире в целом и в ведущих экономических системах мира. Данные по динамике мировой торговли, представленные на *Рис. 12* и *13*, говорят о противоречивых трендах, что соответствует результатам более детального странового анализа, выполненного в статье И. С. Гладкова [4]: экспорт товаров и услуг высоко волатилен, в то время как общая доля открытости экономик (доля экспорта товаров и услуг в ВВП) стремится к снижению.

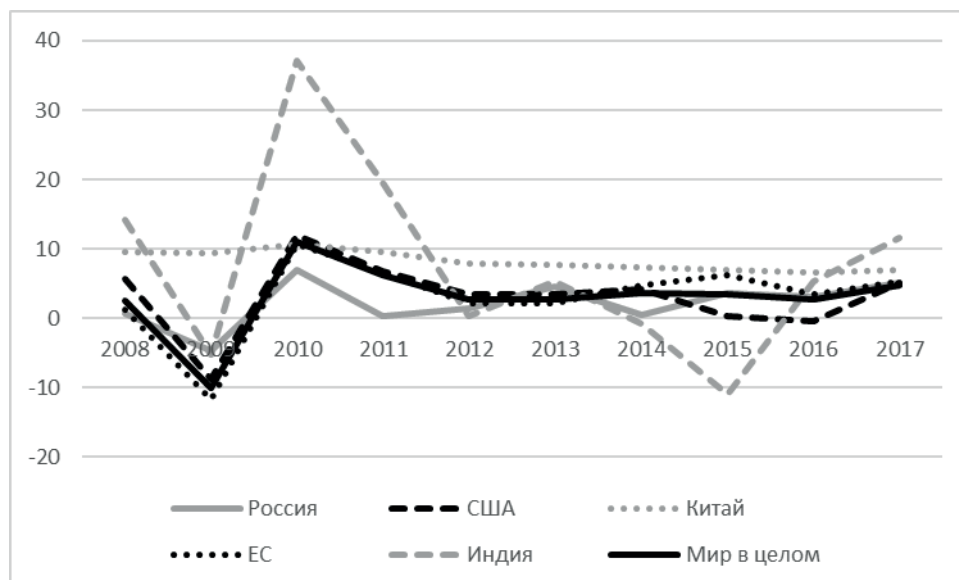

Рис. 12. Ежегодный рост экспорта товаров и услуг, %.²⁰

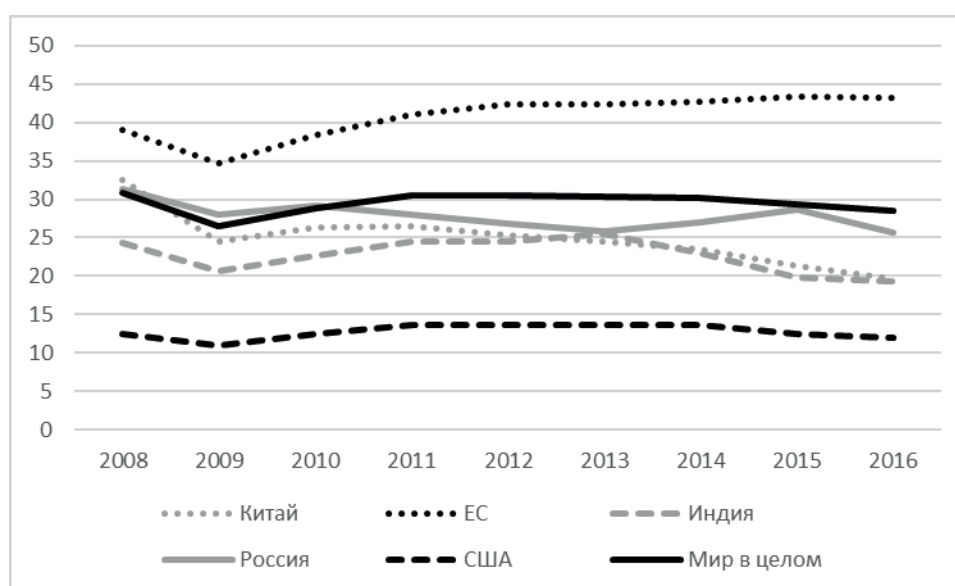

Рис. 13. Динамика открытости ведущих экономик экспорта товаров и услуг, %.²¹

Товарная структура мирового экспорта, представленная в *Табл. 3*, свидетельствует о неблагоприятном для России тренде сокращения доли товаров топливной группы (ключевой статьи национального экспорта), и даже улучшение конъюнктуры на рынках сельскохозяйственного сырья, продовольствия и металлов не компенсирует в полной мере выпадающих доходов.

²⁰ Расчеты автора по: World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

²¹ Расчеты автора по: World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

Таблица 3

Товарная структура мирового экспорта в разрезе укрупненных товарных групп, %²²

Группа товаров	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Сельскохозяйственное сырье	1,43	1,44	1,62	1,78	1,65	1,60	1,52	1,60	1,59	1,70
Продовольствие	7,26	8,36	7,96	8,12	8,37	8,54	8,79	9,40	9,67	10,06
Топливо	16,16	14,34	15,39	16,18	15,86	16,61	15,66	12,76	11,35	11,99
Руды и металлы	4,33	3,93	4,73	5,00	4,64	4,43	4,40	4,29	4,07	5,21
Продукция обрабатывающей промышленности	67,20	67,57	66,24	65,35	65,70	65,24	66,07	68,70	68,77	66,83

Остановимся на нефтяном секторе экономики: в 2017 г. увеличился удельный вес нефтегазовой продукции с более высоким уровнем материалоемкости. Наиболее значительное влияние на повышение материалоемкости продукции оказал рост цен на различные виды энергии, нефть и газ в связи с инфляционными процессами, характерными для развивающейся экономики.

Разработанная автором модель свидетельствует о неблагоприятных краткосрочных трендах на рынке нефти, а следовательно, нефтепродуктов и природного газа, что неблагоприятно для России и требует решения задач поддержки товарно-географической диверсификации экспорта в целях поддержания платежного баланса страны, формируя условия для частичной компенсации снижения доходов от вывоза топлива.

Рис. 14. Динамика удельных показателей мирового производства и цен на нефть в международной статистике.²³

²² World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>. Данные по другим странам и за другие годы частично отсутствуют в базе.

²³ Источник: авторская разработка на основе [4].

С точки зрения географической диверсификации перспективным для России рынком являются африканские страны, например ЮАР. Положительной стороной сотрудничества для России является вхождение на перспективные рынки, что может дать дополнительный импульс развитию российских энергетических технологий. ЮАР также заинтересована в привлечении российского бизнеса для решения проблемы дефицита сырья [10].

Перераспределение инвестиционных ресурсов в мировых масштабах имеет ключевое значение для связности глобальной экономики и обеспечения роста и развития. Динамика мировых финансов в сегменте прямых зарубежных инвестиций, как показывают *Рис. 15, 16 и 17*, также волатильна (необходимо отметить, что инвестиции в нефинансовые активы обычно подвержены большим колебаниям, чем межстрановые товарные потоки). Лучшую динамику по отношению к мировому хозяйству в целом показывает ЕС как крупнейший глобальный инвестор, Китай и США имеют более низкие относительные показатели, чем ЕС и даже РФ, но это обусловлено масштабами их экономики и особенностями их взаимодействия с мировыми рынками капитала.

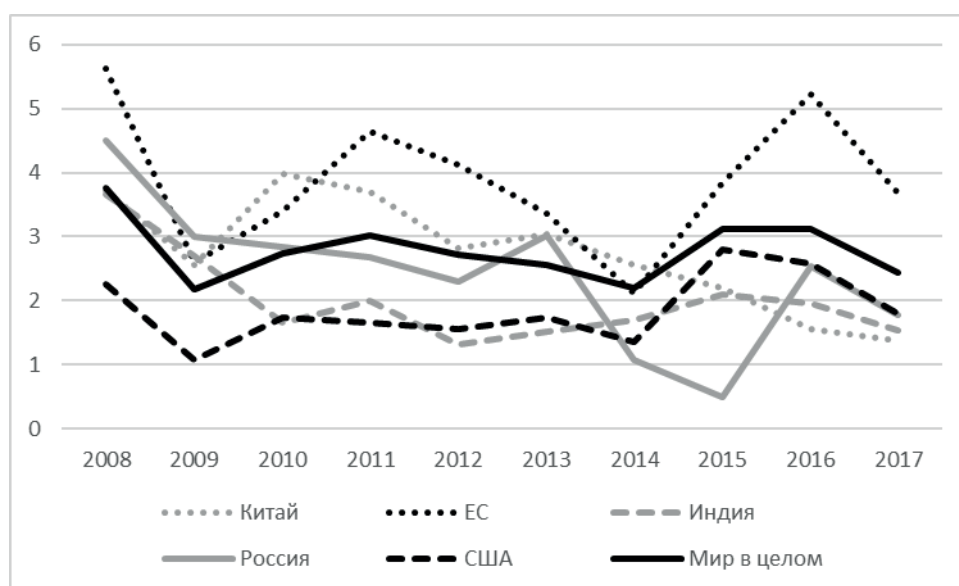

Рис. 15. Приток прямых иностранных инвестиций, % от ВВП.²⁴

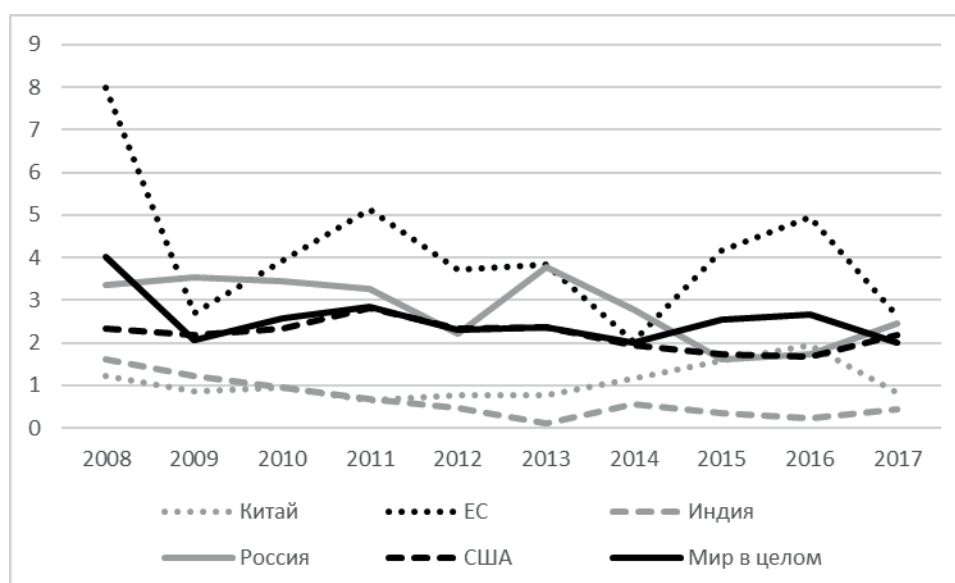

Рис. 16. Отток прямых иностранных инвестиций, % от ВВП.²⁵

²⁴ Расчеты автора по: World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

²⁵ Расчеты автора по: World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

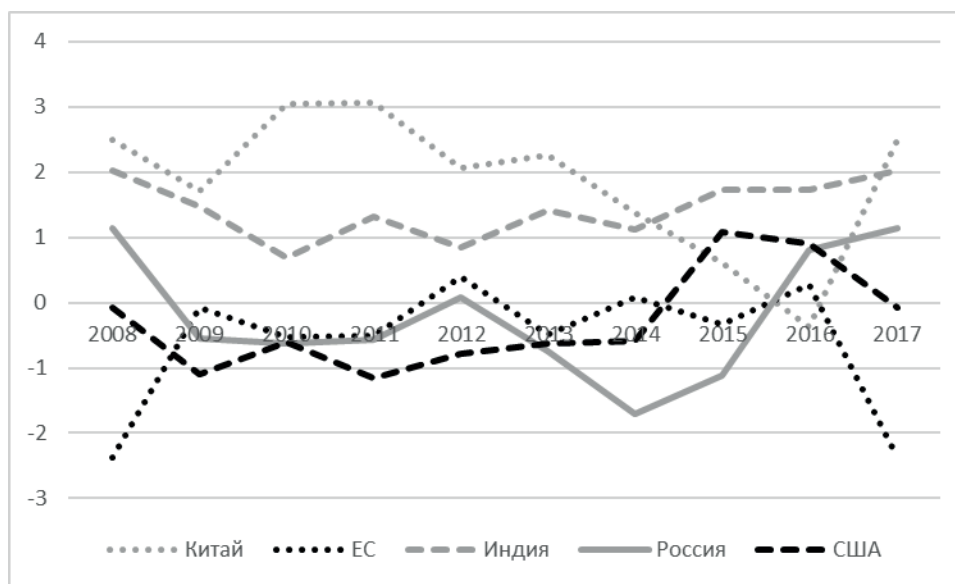

Рис. 17. Сальдо прямых иностранных инвестиций, % от ВВП.²⁶

Данные Рис. 17 свидетельствуют, что ключевым бенефициаром привлечения прямых зарубежных инвестиций является Индия, уверенно перехватившая пальму первенства у КНР. Положительная динамика привлечения инвестиций странами ЕС в совокупности может свидетельствовать и о привлекательности экономик последних присоединившихся к ЕС стран, обладающих «эффектом низкой базы», и о возврате капитала с внешних рынков, находящихся под санкциями, таких как РФ.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ УЧАСТИЯ РФ В СИСТЕМЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

В рамках нового вектора развития международных экономических отношений глобализация мировой экономики сопровождается ростом конъюнктурных изменений, наиболее остро затронувших сырьевые и инфраструктурные отрасли. Несмотря на всю неустойчивость экономического роста в мире, странам важно сохранить рост отдачи от внешнеэкономических операций, обеспечить трансформацию важнейших подсистем мировой экономики.

Рост масштабов производства и улучшение транспортной логистики, постиндустриальное развитие общества на основе цифровой экономики способствуют расширению международной торговли.

Для обеспечения успешной реализации и сохранения результативности внешнеэкономических связей России в условиях нестабильной институциональной среды международных экономических отношений политика страны должна ориентироваться на перспективные географические регионы развивающегося мира, выбирая страны со средним и выше среднего уровнем дохода, для осуществления экспорта и производственной кооперации.

Для крупнейших предприятий и стратегических отраслей важное значение приобретает взаимодействие России с участниками таких межгосударственных объединений, как БРИКС и ЕАЭС [7; 8; 9].

Кроме того, в своем стратегическом планировании российское правительство может и должно учитывать императивы цифровизации и экономики знаний, учитывая сильные позиции страны в сфере развития человеческого капитала и информационных технологий.

Анализ глобальных трендов развития глобальной экономики и ее лидеров еще раз пока-

²⁶ Расчеты автора по: World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

зал возрастающую значимость крупных развивающихся стран с формирующимися рынками, в первую очередь Китая и Индии в мировом хозяйстве.

Проведенное исследование позволило выявить, что наиболее перспективным стратегическим ориентиром участия России в мировой торговле и международном инвестиционном процессе является географическая диверсификация ее внешнеэкономических связей на основе соблюдения норм международного права и ориентации на формирование эффективности системы взаимоотношений на межстрановом уровне, так как большинство государств мира заинтересовано в расширении своих международных экономических отношений вследствие объективной необходимости повышения уровня социальной справедливости, укрепления своих финансовых систем, активизации своей позиции на внешних рынках в части достижения максимизации не только экономических результатов, но и получения качественного статуса в системе международных отношений.

Используя альтернативные источники финансовых, материальных и трудовых ресурсов, сырья и продовольствия развивающихся стран, новые сильные индустриальные государства во взаимодействии с Россией способны преодолевать неблагоприятную для международных экономических отношений конъюнктуру, находя необходимые точки роста.

ПРИЛОЖЕНИЕ²⁷

Таблица П1

Динамика ВВП в мире и в разбивке по группам стран, %

Группа стран	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Страны с высокими доходами	0,35	−3,42	2,99	1,88	1,25	1,39	2,02	2,34	1,66	2,23
Страны со средними доходами	5,71	2,47	7,45	6,15	5,23	5,16	4,53	3,93	4,21	4,91
Страны с низкими доходами	4,93	5,28	6,73	4,53	6,31	5,75	5,70	1,78	2,48	5,69
Мир в целом	1,82	−1,73	4,31	3,18	2,51	2,61	2,86	2,86	2,51	3,15

Таблица П2

Показатели использования рабочей силы старше 15 лет, %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЕС	57,31	57,27	57,25	57,17	57,41	57,39	57,41	57,37	57,45	57,30
США	64,98	64,32	63,58	63,02	62,90	62,52	62,21	62,01	62,16	61,89
Российская Федерация	62,98	63,05	63,00	63,40	63,44	63,44	63,52	63,66	63,83	63,53
Китай	71,88	71,45	70,97	70,74	70,53	70,30	70,04	69,73	69,37	68,93
Индия	57,35	56,33	55,32	54,64	53,96	53,97	53,96	53,95	53,93	53,79
Мир в целом	63,47	63,18	62,77	62,56	62,41	62,34	62,22	62,12	62,10	61,94

Таблица П3

Показатели использования рабочей силы в возрасте 15–24 года, %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЕС	44,61	43,88	43,05	42,50	42,27	42,01	41,73	41,73	41,78	41,56
США	54,91	52,88	50,94	50,62	50,80	51,08	51,12	51,29	51,71	51,30
Российская Федерация	42,39	42,67	41,56	41,48	39,48	39,73	38,39	37,74	37,21	35,76
Китай	57,23	56,62	55,62	54,64	53,40	51,90	50,30	48,80	47,31	46,56
Индия	41,42	39,57	37,76	36,48	35,23	34,81	34,33	33,75	33,01	32,76
Мир в целом	48,62	47,85	46,82	46,14	45,48	44,95	44,32	43,76	43,41	43,16

²⁷ World Bank. World Development Indicators. — URL: <http://databank.worldbank.org/data/source/world-development-indicators#>

Таблица П4

Общий уровень безработицы, %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЕС	6,95	8,87	9,51	9,59	10,41	10,81	10,20	9,38	8,53	7,70
США	5,78	9,25	9,63	8,95	8,07	7,38	6,17	5,28	4,87	4,44
Российская Федерация	6,32	8,42	7,37	6,54	5,44	5,46	5,16	5,57	5,54	5,17
Китай	4,36	4,29	4,20	4,34	4,47	4,54	4,59	4,61	4,65	4,68
Индия	4,12	3,75	3,54	3,53	3,62	3,46	3,41	3,49	3,51	3,52
Мир в целом	5,53	5,94	5,78	5,61	5,61	5,58	5,44	5,45	5,54	5,52

Таблица П5

Доля товаров, относящихся к информационно-компьютерным технологиям в экспорте, %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ЕС	6,34	6,20	6,36	5,75	5,25	4,98	5,12	5,24	5,39
США	10,62	10,71	10,56	9,51	9,03	8,88	8,97	9,44	9,66
Российская Федерация	0,17	0,28	0,22	0,24	0,31	0,42	0,80	0,81	0,55
Китай	27,71	29,65	29,12	26,76	27,06	27,42	25,94	26,56	26,50
Индия	0,97	3,45	2,00	2,18	1,98	1,59	0,97	0,89	0,95
Мир в целом	11,26	11,96	11,73	10,61	10,48	10,42	10,59	11,04	11,28

Таблица П6

Сальдо внешней торговли товарами, относящимися к информационно-компьютерным технологиям, % от экспорта

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ЕС	-1,80	-1,87	-2,69	-2,10	-2,14	-2,28	-2,29	-2,66	-2,45
США	-1,22	-3,69	-3,67	-3,33	-3,78	-4,08	-3,90	-4,34	-4,39
Российская Федерация	-7,62	-7,00	-8,31	-6,92	-7,18	-6,42	-7,09	-8,33	-8,31
Китай	6,52	7,75	8,73	8,76	7,50	6,87	6,23	3,22	2,74
Индия	-3,11	-4,34	-4,31	-3,79	-3,33	-4,18	-5,34	-7,67	-8,38
Мир в целом	-0,23	-0,58	-0,89	-0,61	0,72	-0,89	-0,92	-1,65	-1,71

Таблица П7

Количество индивидуальных пользователей сети Интернет, % общей численности населения

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ЕС	64,22	67,28	70,71	71,63	73,83	75,69	77,31	78,64	80,94
США	74,00	71,00	71,69	69,73	74,70	71,40	73,00	74,55	76,18
Российская Федерация	26,83	29,00	43,00	49,00	63,80	67,97	70,52	73,41	73,09
Китай	22,60	28,90	34,30	38,30	42,30	45,80	47,90	50,30	53,20
Индия	4,38	5,12	7,50	10,07	12,58	15,10	21,00	26,00	29,55
Мир в целом	22,95	25,36	28,73	31,13	34,19	36,73	39,79	43,08	45,78

Таблица П8

Численность вооруженных сил в составе рабочей силы, %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
ЕС	1,00	0,92	0,93	0,89	0,90	0,88	0,87	0,86	0,85
США	0,98	0,99	1,00	0,97	0,94	0,90	0,86	0,84	0,83
Китай	0,37	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,38	0,36	0,34
Индия	0,55	0,56	0,56	0,56	0,57	0,57	0,56	0,56	0,58
Мир в целом	0,89	0,89	0,89	0,88	0,86	0,82	0,82	0,81	0,80

Таблица П9

Доля военных расходов в ВВП, %

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
ЕС	1,68	1,77	1,71	1,64	1,63	1,56	1,52	1,50	1,50	1,50
США	4,22	4,64	4,67	4,58	4,24	3,83	3,50	3,29	3,22	3,14
Китай	1,88	2,07	1,90	1,82	1,84	1,87	1,92	1,93	1,93	1,87
Индия	2,63	2,98	2,79	2,65	2,54	2,47	2,49	2,39	2,49	2,49
Мир в целом	2,38	2,61	2,51	2,40	2,36	2,30	2,25	2,26	2,21	2,17

Таблица П10

Ежегодный рост экспорта товаров и услуг, %

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Россия	0,60	-4,70	7,00	0,30	1,36	4,56	0,51	3,70	3,13	5,07
США	5,74	-8,79	11,89	6,85	3,42	3,48	4,27	0,41	-0,33	5,18
Китай	9,65	9,40	10,64	9,54	7,86	7,76	7,30	6,90	6,70	6,90
ЕС	1,29	-11,68	10,63	6,66	2,21	2,15	4,69	6,18	3,55	5,25
Индия	14,16	-5,24	37,11	19,55	0,23	5,30	-0,81	-11,01	5,39	11,57
Мир в целом	2,47	-10,04	11,11	6,22	2,72	2,68	3,59	3,54	2,77	4,85

Таблица П11

Приток прямых иностранных инвестиций, % от ВВП

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	3,73	2,56	3,99	3,70	2,82	3,03	2,56	2,19	1,56	1,37
ЕС	5,63	2,60	3,40	4,64	4,13	3,37	2,11	3,84	5,23	3,68
Индия	3,66	2,69	1,65	2,00	1,31	1,52	1,70	2,09	1,95	1,54
Россия	4,50	2,99	2,83	2,68	2,29	3,01	1,07	0,50	2,53	1,77
США	2,26	1,07	1,73	1,66	1,55	1,73	1,36	2,79	2,57	1,80
Мир в целом	3,76	2,17	2,73	3,02	2,72	2,56	2,20	3,12	3,12	2,44

Таблица П12

Отток прямых иностранных инвестиций, % от ВВП

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	1,23	0,86	0,95	0,64	0,76	0,76	1,17	1,58	1,93	0,83
ЕС	8,00	2,68	3,92	5,13	3,73	3,85	2,02	4,18	4,96	2,64

Индия	1,62	1,22	0,96	0,69	0,47	0,10	0,57	0,36	0,22	0,43
Россия	3,35	3,54	3,45	3,26	2,21	3,77	2,77	1,61	1,74	2,45
США	2,33	2,17	2,34	2,81	2,34	2,35	1,94	1,72	1,67	2,19
Мир в целом	4,03	2,07	2,57	2,84	2,30	2,37	1,99	2,54	2,66	2,01

Таблица П13

Сальдо притока/оттока прямых иностранных инвестиций, % от ВВП

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Китай	2,50	1,71	3,04	3,06	2,06	2,27	1,38	0,62	−0,37	2,50
ЕС	−2,38	−0,08	−0,52	−0,50	0,40	−0,48	0,09	−0,34	0,27	−2,38
Индия	2,03	1,47	0,69	1,31	0,84	1,42	1,12	1,74	1,73	2,03
Россия	1,15	−0,55	−0,62	−0,57	0,08	−0,75	−1,70	−1,11	0,80	1,15
США	−0,07	−1,10	−0,60	−1,15	−0,79	−0,63	−0,58	1,08	0,90	−0,07
Мир в целом	2,50	1,71	3,04	3,06	2,06	2,27	1,38	0,62	−0,37	2,50

ЛИТЕРАТУРА

1. Балацкий Е. В. Геополитические вызовы России в условиях глобализации мирового капитала // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. — 2016. — Т. 15. — № 5. — С. 638–653.
2. Булатов А. С. Глобальная проблема модернизации на современном этапе // Мировое и национальное хозяйство. — 2014. — № 2 (29).
3. Булатов А. С. Прогноз участия России в экономической глобализации: подход под углом экономических и внеэкономических факторов // Мировое и национальное хозяйство. — 2017. — № 3 (42).
4. Гладков И. С. Международная торговля в 2017 г.: снова рост, но перспективы не обнадеживают // Власть. — 2018. — Т. 26. — № 5. — С. 77–83.
5. Гринберг Р. С. Экономика мира и России: тренды, шансы, риски // Экономическое возрождение России. — 2017. — № 1 (51). — С. 17–21.
6. Квинт В. Л. Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма // Управленческое консультирование. — 2016. — № 6 (90). — С. 14–25.
7. Конкин А. А. Теоретические аспекты исследования проблем сотрудничества стран БРИКС // Сравнительная политика. — 2016. — Т. 7. — № 1 (22). — С. 22–30.
8. Пенькова И. В., Комлев В. С. Инновационное развитие в рамках Евразийского экономического союза // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. — 2016. — Т. 2 (68). — № 3. — С. 89–97.
9. Рудаенко В. Е., Дюжикова Ю. Е., Полякова И. А. Современные формы международного сотрудничества: направления развития // Роль Евразийского экономического союза в глобализации российской экономики: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. Стерлитамак: АМИ, 2017.
10. Салахетдинов Э. Р., Сидоров В. А. Российские проекты и энергетическое сотрудничество в Южной Африке // Проблемы прогнозирования. — 2018. — № 3. — С. 142–150.
11. Свиридов А. В. Геополитический аспект процессов глобализации // Научные труды Республиканского института высшей школы. Вып. 16. Философско-гуманитарные науки. Сборник научных статей. — Минск, 2017. — С. 153–160.
12. Тимонина И. Л. Стратегия инновационного развития Японии: на пути к четвертой промышленной революции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2017. — № 4. — С. 128–142.

Economic Growth and Global Economic Ties in the Epoch of Global Turbulence: Trends and Problems

Denis Krasochenkov, 3rd year student,
School of International Economic Relations, MGIMO-University.
E-mail: deniskrasochenkov@gmail.com

Summary. In the paper an attempt is made to summarize the factors and trends characteristic of the functioning and development of the world economy and international economic relations under the conditions of slowing down the globalization pace and growing dependence of foreign trade and investment on geopolitical processes. An analysis of key macroeconomic indicators of national development and interstate relations has been employed as a basis for exploring the general context of the development of the world economy. The strategic contours are also determined of Russia's effective participation in the system of world economic relations at the stage of global economic turbulence.

Keywords: globalization, economic growth, international economic relations, geopolitical processes, world economy.

REFERENCES

- Balatskij E. V. Geopoliticheskie vyzovy Rossii v usloviyakh globalizatsii mirovogo kapitala [Geopolitical Challenges of Russia in Conditions of Globalization of World Capital]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravlenie*. 2016. Vol. 15. No. 5. P. 638–653.
- Bulatov A. S. Global'naya problema modernizatsii na sovremennom etape [The Global Problem of Modernization at the Present Stage] *Mirovye i natsional'noye khozyajstvo*. 2014. No. 2 (29).
- Bulatov A. S. Prognoz uchastiya Rossii v ehkonomicheskoy globalizatsii: podkhod pod uglom ehkonomicheskikh i vneehkonomicheskikh faktorov [Forecast of Russia's participation in economic globalization: an approach to the angle of economic and non-economic factors]. *Mirovye i natsional'noye khozyajstvo*. 2017. No. 3 (42).
- Gladkov I. S. Mezhdunarodnaya trgovlya v 2017 g.: snova rost, no perspektivy ne obnadezhivayut [International trade in 2017: again growth, but prospects are not encouraging]. *Vlast'*. 2018. Vol. 26. No. 5. P. 77–83.
- Grinberg R. S. Ekonomika mira i Rossii: trendy, shansy, riski [Economy of the world and Russia: trends, chances, risks]. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2017. No. 1 (51). P. 17–21.
- Kvint V. L. Strategicheskoe ehkonomicheskoe vozdejstvie global'nogo negativnogo trenda terrorizma i ehkstremitizma [Strategic Economic Impact of the Global Negative Trend of Terrorism and Extremism]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2016. No. 6 (90). P. 14–25.
- Konkin A. A. Teoreticheskie aspekty issledovaniya problem sotrudnichestva stran BRIKS [Theoretical aspects of the study of problems of cooperation of the BRICS countries]. *Sravnitel'naya politika*. 2016. Vol. 7. No. 1 (22). P. 22–30.
- Pen'kova I. V., Komlev V. S. Innovatsionnoye razvitiye v ramkakh Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza [Innovative development within the framework of the Eurasian Economic Union]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*. 2016. Vol. 2 (68). No. 3. P. 89–97.
- Rudaenko V. E., Dyuzhikova YU. E., Polyakova I. A. Sovremennyye formy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: napravleniya razvitiya [Modern forms of international cooperation: directions of development]. *Rol' Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza v globalizatsii rossijskoj ehkonomiki. Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Sterlitamak: AMI, 2017.
- Salakhedinov E. H., Sidorov V. A. Rossijskie proekty i ehnergeticheskoe sotrudnichestvo v Yuzhnoj Afrike [Russian projects and energy cooperation in South Africa]. *Problemy prognozirovaniya*. 2018. No. 3. P. 142–150.
- Sviridov A. V. Geopoliticheskij aspekt protsessov globalizatsii [Geopolitical aspect of globalization processes]. *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Issue 16. Filosofsko-gumanitarnyye nauki. Sbornik nauchnykh statej*. Minsk, 2017. P. 153–160.
- Timonina I. L. Strategiya innovatsionnogo razvitiya Yaponii: na puti k chetvertoj promyshlennoj revolyutsii [Japan's innovation development strategy: towards the fourth industrial revolution]. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2017. No. 4. P. 128–142.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

В последние тридцать лет российское исламоведение переживает один из наиболее важных этапов своей истории. Вновь стали возможны дискуссии по самым разным вопросам. Соответственно, качественно расширилась проблематика. В постсоветской России, в условиях свободы совести, мы видим мощный религиозный подъем среди российских мусульман, охвативший практически все регионы страны, от Калининграда до Сахалина и от Крыма до Мурманска. (Мы специально указывает те регионы, где в советский период был произведен полный разгром религиозной жизни мусульман, либо она совершенно отсутствовала.) И если для многих нерусских народов России за последние двадцать пять лет характерно существенное снижение численности, то мусульманские народы отличаются либо незначительным сокращением (татары и башкиры), либо резким ростом (Северный Кавказ и постсоветское пространство в целом). Мы видим не только рост количества мечетей (в Дагестане и Татарстане это уже четырехзначные числа), но и подъем исламского образования и просвещения. Этот феномен тем более важен, что с конца 1920-х и до конца 1980-х гг. на территории современной России полностью отсутствовали исламские учебные заведения — в лучшем случае речь могла идти о занятиях нескольких человек вокруг единичных педагогов.

Всё это, в совокупности с социологическими данными о сокращении мусульманской обрядности, просто выводило изучение российских мусульман за рамки научных исследований. Поэтому для 1980-х гг. было характерно сосредоточение отечественных исламоведческих исследований на зарубежных странах или на изучении рукописных источников. Исламоведческие курсы в советских российских вузах не предполагали изучение родных языков мусульманских народов СССР. Если речь и шла об изучении ислама на территории СССР, то исследования концентрировались на Средней Азии, Азербайджане, Северо-Восточном Кавказе, регионах, где мусульманские народы составляли большинство.

С 1990-х гг. реалии возрождения российского мусульманского сообщества вызвали необходимость анализа и практической работы с мусульманами. Многие из привлекавшихся к этому специалистов не только не были специалистами по исламоведению, но не владели ни арабским, ни фарси или турецким языками, ни языками мусульманских народов России и СНГ. Последнее стало все более актуальным в связи с резким ростом числа мигрантов из регионов бывшего СССР. По нашему мнению, для анализа современной ситуации в России и СНГ среди всех федеральных вузов ключевую роль сыграл Центр изучения Центральной Азии, Кавказа, Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, созданный в период директорства академика В. В. Наумкина. Целый ряд подобных центров был создан и в других университетах столицы и российских городов. Потому так важно знание специалистов друг о друге, научной квалификации, публикациях.

В связи с этим проект издания биобиблиографического справочника «Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017)»¹ носит крайне важный и своевременный характер. Его составители, представляющие МГИМО, проделали пионерскую работу по выявлению специалистов, выстраиванию контактов и публикации данных об исламооведах современной России, представляющих самые разные школы, позиции и лагеря. К сожалению, многие специалисты не откликнулись, а целый ряд представил публикации, связанные с более ранними историческими периодами. В связи с этим составители справочника сообщают: «Относительно публикаций наша первоначальная идея заключалась в том, чтобы собрать работы, в которых рефлексировались процессы, протекавшие в 1990–2000 гг., вплоть до настоящего времени. Однако по мере поступления анкет становилось ясно, что таких публикаций единицы, и потому пришлось расширить круг включаемых в справочник публикаций за счет тех, чья предметная область — XX век» [1, с. 4]. Можно поспорить — единицы ли таких

¹ Ислам и мусульмане постсоветской России в работах отечественных исследователей (1992–2017) : биобиблиографический словарь-справочник / сост. М.А. Сапронова, А.Л. Чечевишников, А.А. Ярлыкапов ; МГИМО МИД России, Институт международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 84 с.

публикаций? Проблема скорее в отсутствии инициативы у ряда авторов по предоставлению данных о себе и отсутствии административных ресурсов для сбора такого рода данных. Будучи с 2006 г. ответственным редактором энциклопедических словарей «Ислам в Российской Федерации», могу ответственно сказать, что такого рода специалисты есть во многих регионах как Европейской, так и Азиатской России. Надеюсь, публикация данного справочника станет для них стимулом написания биографий для новых изданий.

Отрадно, что издании представлены представители старшего поколения российских исламоведов: В. Х. Акаев, Ф. А. Асадуллин, И. П. Добаев, Г. Г. Косач, Р. Г. Ланда, А. В. Малашенко, В. В. Черновская, которые на протяжении десятилетий занимаются данной тематикой, зачастую начав с изучения исламской тематики зарубежных стран. Поскольку в издании приведена биография ныне покойного Валиуллы-хазрата (Винера) Якупова, возможно в следующем издании стоит привести биографии и некоторых других ныне покойных исламоведов, прежде всего Д. Ю. Арапова. Отрадно также, что в издании представлены биографии Р. И. Маликова и Д. А. Шагавиева, непосредственно работающих в системе мусульманского образования Татарстана; Р. Л. Саяхова, заместителя председателя ДУМ Башкортостана по вопросам образования. В следующем издании мы вероятно увидим имена и других религиозных деятелей, являющихся одновременно учеными.

Сотрудничество между религиозными и светскими учебными и научными центрами получило новый импульс в соответствии с распоряжением Правительства РФ № 775 от 14.06.2007, утвердившим «План мероприятий по подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама». Его реализация нацелена на восстановление традиций российской мусульманской богословской школы, на развитие профессионального исламского религиозного образования, на противодействие распространению радикальных группировок. Поэтому данное издание весьма актуально, оно способствует взаимодействию специалистов, занимающихся изучением исламской тематики в современной России.

А. Ю. Хабутдинов

доктор исторических наук, заместитель директора Центра превосходства «Международный координационный центр ISLAMICA» Института международных отношений, профессор кафедры регионоведения и евразийских исследований Института международных отношений Казанского федерального университета.

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего профессионального образования Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
ПИ № ФС 77-65736 от 20 мая 2016 г.

Редактор — *В. И. Шанкина*
Технический редактор — *Е. П. Конюхова*
Дизайн, компьютерная вёрстка — *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8 (495) 434-20-44; 8 (495)-225-33-13.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru
Тираж 500. Заказ №

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.